ӘХЛИ ЮРТЛАРЫН ПРО-
ЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЕШИН!

ПРОЛЕТАРҲОИ ҲАМАИ
МАМЛАКАТҲО, ЯК ШАВЕД!

VISU ZEMJU PROLETA-
RIEŠI, SAVIENOJIETIES!

VISŲ ŠALIŲ PROLE-
TARAI, VIENYKITĖS!

БУТУН ДУНЁ ПРОЛЕ-
ТАРЛАРИ, БИРЛАШИНГИЗ!

ПРОЛЕТАРІ ВСІХ
КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ
СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

KÕIGI MAADE PROLE-
TAARLASED, ÜHINEGE!

БАРДЫК ӨЛКӨЛӨРДҮН ПРО-
ЛЕТАРЛАРЫ, БИРИККИЛЕ!

ПРОЛЕТАРЬ ДИН ТОАТЕ
ЦЭРИЛЕ, УНИЦЬ-ВЭ!

БҮТҮН ӨЛКӘЛӘРИН ПРО-
ЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛӘШИН!

БАРЛЫҚ ЕЛДЕРДІҢ ПРОЛЕ-
ТАРЛАРЫ, БІРІГІҢДЕР!

ПРОЛЕТАРЫІ УСІХ
КРАІН, ЕДНАЙЦЕСЯ!

Таганрогский завод «Красный котельщик». Автоматическая приварка штуцеров к котлу.

Фото М. Семенова.

На первой странице обложки: Государственный герб СССР. Утвержден Президиумом Верховного Совета СССР 12 сентября 1956 года.

На последней странице обложки: Веселый концерт.

Фото С. Раскина.

ОГОНЁК № 52 (1541) 23 ДЕКАБРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

А К Т

25 ОКТЯБРЯ 1956 ГОДА.

ПО ЧАГАНСКОМУ ЦЕЛИННОМУ ЗЕРНОСОВХОЗУ
ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

КОМИССИЯ В СОСТАВЕ: ДИРЕКТОРА СОВХОЗА [illegible], ГЛ.АГРОНОМА [illegible] И ГЛ.БУХГАЛТЕРА [illegible] СОСТАВИЛИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ НА УБОРКУ УРОЖАЯ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР ЗА 1956 ГОД.

ПОСЕЯНО ЗЕРНОВЫХ НА ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЛЯХ - 19002 ГА.
ПОЛУЧЕН ВАЛОВОЙ СБОР ЗЕРНА - 181971 ЦЕНТНЕР;
СДАНО ГОСУДАРСТВУ - 142340 ЦЕНТНЕРОВ;
ЗАСЫПАНО В СЕМЕННОЙ ФОНД - 17930 ЦЕНТНЕРОВ.

ДИРЕКТОР СОВХОЗА: - /[illegible]/
ГЛ. АГРОНОМ: - /[illegible]/
ГЛ. БУХГАЛТЕР: - /[illegible]/

Секретарь комитета комсомола Чаганского зерносовхоза Л. Кряжиков вручает значок «За освоение новых земель» бригадиру комсомольско-молодежной тракторной бригады Н. Толкачеву.

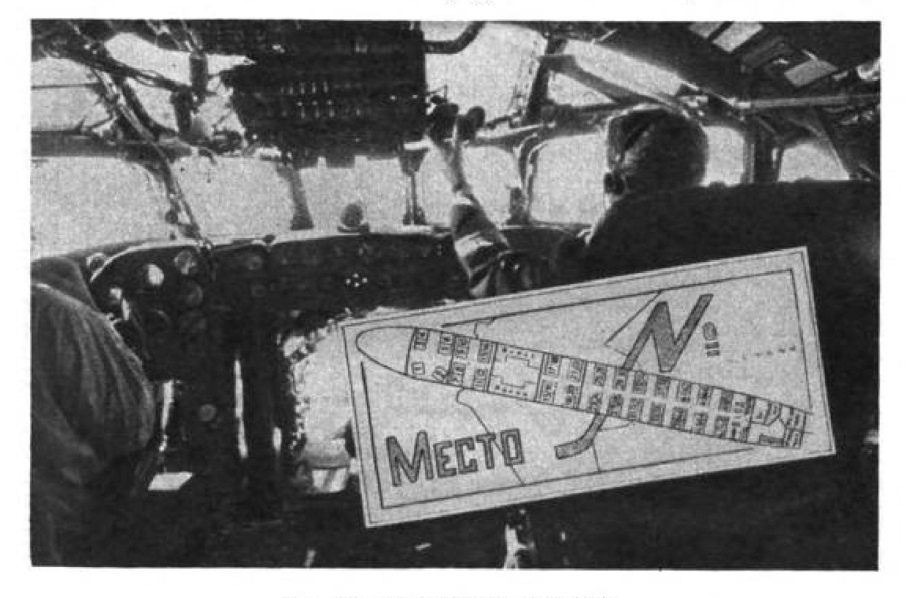
Фото О. Кнорринга.

ДОКУМЕНТЫ 1956 ГОДА

Мы прожили еще один славный год. Сколько знаменательных событий произошло за минувшие двенадцать месяцев!

Трудно перечислить все даже самое важное, что произошло в истекшем году. Мы выбрали только некоторые из памятных документов 1956 года и репортаж о них открываем на этой странице. Перед вами акт, составленный в Чаганском совхозе, Западно-Казахстанской области. Он свидетельствует о том, что совхоз сдал государству 142 340 центнеров хлеба, выращенного на целинных землях.

Реактивный воздушный корабль

В пилотской кабине «ТУ-104».

Десять лет назад в Тушине на авиационном празднике демонстрировались первые реактивные самолеты. Это были «ЯК-15» и «МИГ-9». Событие огромной важности открыло тогда «эру самолетов реактивных». А в 1956 году на линиях Гражданского воздушного флота началось регулярное движение многоместных комфортабельных пассажирских реактивных самолетов «ТУ-104».

Появление реактивного лайнера в Лондоне и Пекине, в Праге и Варшаве, в Бухаресте и Будапеште вызывало всеобщее внимание. «ТУ-104» преодолевал величайшие кручи Гималаев на пути в Рангун, перелетал через Казбек и Эльбрус. Для воздушных гигантов, летающих на высотах в 10 тысяч метров, не страшны ни обледенелые пики, ни заснеженные хребты.

Уже немало пассажиров слетали на «ТУ-104» в Хабаровск, Ташкент, Иркутск, Тбилиси. Недавно открылась величайшая международная «реактивная линия» Пекин—Москва—Прага.

Создание могучих реактивных пассажирских самолетов — живое свидетельство огромного роста науки и техники в нашей стране.

ДОКУМЕНТЫ

В Череповце плавят чугун

«Проверив качество строительно-монтажных работ, наличие запасного оборудования, сырье и подготовку эксплуатационных кадров, комиссия принимает доменную печь № 2 в эксплуатацию с 13 апреля 1956 года с оценкой «хорошо».

Так гласит акт, подписанный членами правительственной комиссии в городе Череповце.

АКТ
министерской комиссии по приемке в эксплуатацию комплекса сооружений доменной печи № 2 Череповецкого металлургического завода

Череповецкий завод — первенец металлургии северо-запада — начал строиться в послевоенные годы. В истекшем году в крае вологодских лесов, на берегу Рыбинского моря, первая домна дала чугун.

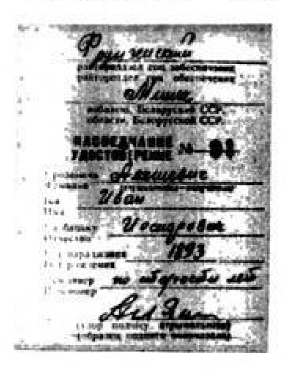
Ныне здесь работают уже две доменные печи, две коксовые батареи и две ленты на агломерационной фабрике. Дает промышленный ток заводская теплоэлектроцентраль.

Молодой коллектив череповецких металлургов успешно осваивает новое производство. Изо дня в день завод перевыполняет план выплавки чугуна.

По соседству с действующими цехами сооружаются новые домны, мартены.

Металлургический гигант на берегу Рыбинского моря преобразил облик тихого городка Череповца. Здесь выросли новые кварталы многоэтажных домов.

Пенсия И. И. Аляшевича

Пенсионное удостоверение № 98
Аляшевич
Иван
Иосифович
1893

Иван Иосифович Аляшевич в нынешнем году вступил в новую полосу своей жизни: после пятидесятилетнего труда он перешел на пенсию.

Пятьдесят лет честного труда! Правда, справки у Ивана Иосифовича нашлись только на сорок семь. Но самому-то ему справки не нужны. Он, сын столяра, хрупкий и застенчивый мальчишка, рано взялся за тяжелый молот кузнеца. Обучившись мастерству, Иван пошел по рабочей дороге широким шагом и к первой мировой войне был уже машинистом паровоза.

Последние пятнадцать лет И. И. Аляшевич работал на Минском ремонтно-механическом заводе. Слесарь-механик Аляшевич собирал и монтировал опытные образцы 8,5-тонного и 30-тонного прессов, прокатного стана и других машин. Теперь завод выпускает прессы серийно.

У Ивана Иосифовича свой дом с приусадебным участком на углу Фруктовой и Колхозной улиц в Минске. В доме роскоши нет, но есть все необходимое. А теперь каждый месяц государство выплачивает старому рабочему девятьсот семнадцать рублей.

Он охотно показывает подарки, полученные при переходе на пенсию: именные часы, значок «Отличник социалистического соревнования», почетная грамота и постоянный пропуск на завод.

Пропуск не формы ради. То и дело старого рабочего приглашают на завод за советом.

— Стало быть, и теперь я нужный человек!

Иван Иосифович с внуком Витей.
Фото А. Дитлова.

Воспитатель молодых рабочих

Мастер М. Саблуков с воспитанниками ремесленного училища.
Фото Р. Лихач.

«Тов. Саблуков Михаил Николаевич! За Ваши большие заслуги в области профессионально-технического образования Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 2 ноября 1956 года присвоил Вам звание заслуженного мастера профессионально-технического образования РСФСР».

Так гласит почетная грамота, врученная недавно одному из лучших мастеров Московского ремесленного училища № 1, М. Н. Саблукову.

Десять лет назад слесарь-сборщик одного из московских заводов Михаил Саблуков был направлен на работу в ремесленное училище. Отличный знаток своего дела, он показал себя не только передовым производственником, но и вдумчивым педагогом, чутким воспитателем.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Воспитывая молодежь, Михаил Николаевич учится и сам. Два года назад он успешно окончил курсы вечернего техникума и теперь готовится к поступлению в автомеханический институт.

Вместе с М. Н. Саблуковым звания заслуженного мастера удостоены многие работники системы трудовых резервов.

Атомная энергия служит миру

В конце сентября 1956 года в молодом городе Дубне, неподалеку от Москвы, важный документ подписали представители двенадцати государств: Албании, Болгарии, Венгрии, Демократической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Китая, Корейской Народно-Демократической Республики, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии.

Приняв Устав и Положение о персонале Объединенного института ядерных исследований, ученые-физики стран социалистического лагеря положили начало международному сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии.

Советское государство безвозмездно передало Объединенному институту научное оборудование и другие материальные ценности общей стоимостью свыше полумиллиарда рублей. В лабораториях, расположенных в Дубне, имеются уникальные ускорительные установки: синхроциклотрон, рассчитанный на получение протонов с энергией в 680 миллионов электроновольт, и синхрофазотрон.

Сейчас население молодого научного центра, созданного на Волге, насчитывает уже свыше 10 тысяч человек.

1956 ГОДА

НОВОСЕЛЬЕ НА ГАРМАТНОЙ

В квартире еще не все расставили, разложили, хозяева примеривают, что куда определить, но праздник уже чувствуется. Можно встречать гостей!

Владимир Иванович Ткаченко с удовольствием показывает свое новое жилище: две светлые комнаты общей площадью в 30 квадратных метров, кухню, ванную, кладовую.

— Хорошо! — говорит жена Владимира Ткаченко Ефросиния Ивановна, которой здесь все нравится, все по душе.

— Нам сегодня включили газ! — Эту приятную новость решил сообщить гостям третий член семейства — маленькая Валентина.

Владимир Иванович Ткаченко работает на Киевском ремонтно-механическом заводе треста «Укрстроймеханизация», куда он поступил после ремесленного училища, десять лет назад. Сейчас он токарь седьмого разряда. Впрочем, он также и фрезеровщик и шлифовщик, а в случае надобности может работать на шести различных станках. Ткаченко раньше жили в общежитии. Как только был выстроен новый дом на Гарматной улице, ему, хорошему производственнику, была предоставлена отдельная квартира.

— Пришлось раскошелиться, прикупить кое-что из обстановки: диван, новый стол,— рассказывает хозяин.— Новоселье так новоселье!

В новом многоэтажном доме по Гарматной улице, № 7, пятьдесят две квартиры, и в каждой праздник новоселья рабочих и служащих предприятий треста «Укрстроймеханизация».

В. И. Ткаченко с семьей в новой квартире.
Фото Н. Козловского.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИЗ ИНДИИ

Игорь Иванов в мастерской живописи.
Фото Б. Уткина.

В семье инженера А. А. Иванова два сына. Старший сын, Станислав, увлекался техникой, младший, Игорь, не расставался с цветными карандашами, рисовал зверей, птиц, новые дома.

В пятом классе 190-й средней школы Дзержинского района города Ленинграда, где учился Игорь, на способного мальчика обратил внимание педагог. Вскоре на летней детской площадке была устроена выставка рисунков Игоря Иванова.

Тогда и решилась судьба Игоря. Его отдали в специальную среднюю художественную школу при Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

Игорь Иванов послал в Индию на международный конкурс детских рисунков натюрморт. Прошло много месяцев, но известий из далекой страны не было. Игорь полагал, что его ученический рисунок не привлек внимания. Но вот редакция индийского журнала «Шанкарс уикли» объявила результаты конкурса. Из разных стран дети прислали на конкурс 35 тысяч рисунков. Ленинградцу Игорю Иванову (по группе детей в возрасте 15—16 лет) присуждена первая премия — Золотая медаль премьер-министра Индии Джавахарлала Неру.

В дом № 2 по набережной Фонтанки, где живет Игорь Иванов, стала приходить почта из Бразилии, скандинавских стран, Румынии и Чехословакии. Много писем получает Игорь из Индии.

В память об алтайской страде

Небольшой лист плотной бумаги, обведенный скромной золотой полоской. В центре напечатано на машинке:

«Быстроистокский райком ВЛКСМ награждает похвальным листом студентку Московского высшего технического училища имени Баумана Глущенко Жанну Павловну за хорошую работу на уборке урожая при Быстроистокском пункте Заготзерно».

Это не просто грамота, каких много. Это особенная грамота — ведь она получена на Алтае, на той самой целине, о которой теперь знает весь мир.

Эта грамота для Жанны и многих ее сверстниц — памятное свидетельство 1956 года, когда целина впервые обрадовала своей невиданной щедростью, когда многие тысячи юношей и взрослых внесли свой вклад во всенародную борьбу за урожай, когда Родина установила еще одну награду для своих тружеников — медаль «За освоение целинных земель».

Пройдут годы, но скромная грамота, напечатанная на «целинной» пишущей машинке, будет напоминать Жанне Глущенко о страдных днях на Быстроистокском заготпункте, у полноводной Оби.

Здесь трудилась одна из групп МВТУ. Всего же из училища поехало летом на целину более тысячи студентов. Горячие деньки! Как говорит Жанна, зерна было «страшно много». Оно прибывало и днем и ночью. Перед пунктом Заготзерно образовывались целые улицы из машин. Круглосуточно грузилось зерно также на баржи, которые шли к Барнаулу. И столовая тоже не закрывалась на ночь. Хотя работа была непривычной и нелегкой, нормы перевыполнялись почти ежедневно. Молодежь успевала и в Оби купаться без ограничений, и комсомольские собрания проводить, и «молнии» выпускать. Среди ребят, поехавших помогать «коренным целинникам», были и любители повольничать, однако странное дело: «На целине,— говорит Жанна,— у них на это времени не находилось».

Жанна Глущенко.
Фото А. Бочинина.

Студенты, работавшие электриками, транспортерщиками, после своей смены помогали другим разгружать машины или грузить баржи.

Каждый в меру своих сил участвовал в великой битве за урожай. Это давало огромное удовлетворение и Жанне Глущенко, и Лиде Фроловой, и Лене Годжиевой, и Тембату Тлюстену, и Борису Семенову, и многим, многим юным энтузиастам. И каждый из них, как большую награду, сохранит скромную грамоту с золотыми каемками, похожими на тонкие стебельки пшеничных колосьев.

Первая трудовая книжка

Когда перед Люсей Козельской встал вопрос о том, какую приобретать специальность, ей посоветовали стать часовщицей. И Люся поступила в 15-е техническое училище, выпускающее часовщиков.

...И вот 1 сентября 1956 года в отделе кадров московского часового завода № 2 была заполнена трудовая книжка Людмилы Михайловны Козельской — контролера ОТК 22-го цеха.

Работа ей нравится. Каждый день, кончая смену, Люся сдает 320 проверенных часов «Победа». В цехе много ее сверстниц. Работая, они одновременно учатся в вечерних институтах. Люся тоже собирается поступать в вечерний машиностроительный институт.

Людмила Козельская.
Фото Р. Лихач.

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ, СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК!

Георгий МАРКОВ

Солнце нового, 1957 года скоро поднимется над мирными городами нашей необъятной Родины.

И всюду, куда ни придет молодой день нового года, его встретят все, от мала до велика, радостными песнями, новыми надеждами на удачи и большое счастье.

Всюду на самых разнообразных языках и наречиях советские люди славят уходящий 1956 год, ибо год этот богат значительными событиями и оставил по себе долгую память в народе. Недаром еще в далекую старину русские люди говорили: новый год старым правится.

Беру календарь 1956 года, уходящего в историю. Листаю его странички, испещренные памятными пометками, окидываю мысленным взором прожитые дни, недели, двенадцать месяцев. Но в нашу революционную эпоху время измеряется не календарем, а деятельностью людей, их подвигами и свершениями.

Незабываемы февральские дни 1956 года. Взоры всего человечества были обращены тогда к столице нашей Родины Москве. Здесь в Большом Кремлевском дворце работал Двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза, названный по праву историческим.

Мудрые решения Двадцатого съезда Коммунистической партии — это живительный источник, который вдохновил миллионы людей на труд и подвиги, вызвал новое половодье народной инициативы и творчества.

Это о тебе, советский человек, съезд великой партии Ленина сказал самые высокие слова. Это твой труд, твою жизнь, твою преданность делу социализма он оценил как самую главную силу, которая двигает вперед и вперед все наше социалистическое общество.

Сегодня, в канун нового, 1957 года, года, в который наше Советское государство отметит свое сорокалетие, невольно вспоминается твой простой и суровый путь, советский человек.

Первое, что о тебе помню, связано с тайгой и деревней. В длинные осенние вечера мужики сходились в нашу избу — за деревню. Вокруг шумел лес, ветер стучался в ветхие стены, в оконных рамах потрескивали стекла, исчерченные рубцами старой замазки. Мужики садились вокруг стола, тускло освещенного лампой. Последним приходил Захар Петрович Лаврутов — питерский слесарь, большевик, сосланный за революционную работу в Сибирь. И начиналась горячая беседа о жизни, о народной доле, беседа, затягивавшаяся до глубокой ночи.

В один из дней мужики собрались до наступления вечера. Они были возбуждены и громко разговаривали. Никто уже не боялся произносить слова: «Ленин», «революция», «Совет». Так началось в нашем далеком таежном краю советское время.

А дальше ты вспоминаешься, советский человек, в пестрой ситцевой рубахе, в холщовых штанах, в картузе с красной ленточкой, оставшейся от дней боев с белыми и интервентами. Ты ходишь по полям с деревянной саженью в руках. Толпы мужчин и женщин, стариков и детей сопровождают тебя: безземельному ты даешь землю, безлошадному нарезаешь надел сразу за деревней, даешь бедняку семена, взятые из закромов богатых.

А потом, в тридцатые годы, ты порывал с вековой дедовской привычкой трудиться в одиночку. Колебания и сомнения обуревали тебя. Но ты пошел за коммунистами, звавшими тебя к новой жизни. Кулаки стращали тебя — ты не поддался этим страхам. Кулаки стреляли в тебя из-за угла — ты выстоял. Они вредили тебе на колхозном дворе и на поле — ты разгадал их коварство и победил стойкостью, упорством, умом.

Приход первого трактора в деревню был твоим самым большим праздником. Извечный пахарь, ты стал машинистом, и рокот моторов полюбился тебе, как звон птичьих голосов на полях или шелест листвы березовых перелесков.

В эти же годы помню тебя, советский человек, на строительной площадке Кузнецкого металлургического комбината. Над широкой долиной Томи то беснуются метели, то трещат сорокаградусные морозы. Земля дымится в густом белесом тумане, и только яркое пламя костров разрывает эту клейкую пелену из мелких снежинок и холодного, колючего воздуха. Куда ни кинешь глазом, всюду котлованы, штабеля леса и кирпича, ажурные каркасы будущих цехов и домен. Завода еще нет, но он должен быть, и как можно скорее. Стране нужен металл! Она отольет из него тракторы и комбайны.

Ты был в те дни в телогрейке, в кожаных рукавицах, в шапке-ушанке, лихо сдвинутой на затылок. Тебя согревала работа. Ты был полон кипучей революционной энергии, которой не страшны морозы и метели.

Крупный иностранный инженер приехал из-за тридевяти земель на строительную площадку, чтобы своими глазами посмотреть «советские чудеса». Он уехал, так и не поняв тебя, советский человек. За океаном он опубликовал свои впечатления, называя твое высокое социалистическое сознание «фанатизмом», однако отдавая должное твоему строительному мастерству.

Но он ошибся, этот жалкий прорицатель! Привыкший видеть в человеке бессловесного и бездумного робота, он не заметил твоего глубокого интеллекта, не почувствовал твоей страстной жажды к техническим знаниям.

И когда наступил срок пуска заводов, ты, бывший землекоп и плотник, уверенно подошел к пультам электростанций, к сложным машинам и станкам, ты стал техником, инженером, академиком нашей отечественной советской индустрии.

Любящий мир, добродушный, склонный к труду, ты показал в боях с врагами Родины отвагу и доблесть, изумившие человечество. Это ты на своих богатырских плечах вынес титанический труд воина и снискал к себе со стороны народов, порабощенных фашизмом, горячую любовь как к своему освободителю и другу.

Войдя твердой поступью на землю врага, ты не подверг ее опустошению, не объявил ее своей собственностью, не покарал наряду с виновным безвинного. Первое, что ты сделал,— позаботился о свободе и благополучии таких же простых тружеников, каким являешься сам.

Когда военной страде прозвучал отбой, ты снял с себя боевые доспехи. Сильные и ловкие руки твои, истосковавшиеся по мирной работе, жадно потянулись к рычагам станков и к штурвалам комбайнов. Самый храбрый и закаленный воин в мире, ты стал самым пламенным поборником мира и дружбы между народами, населяющими землю.

Иностранные политики из буржуазного стана гадали: сколько тебе потребуется лет, чтобы восстановить опустошенные войной города, села, заводы? Назывались разные сроки, исчислявшиеся десятилетиями. Ты совершил неслыханный трудовой подвиг: народное хозяйство страны быстро было восстановлено. В кратчайшие сроки ты не только достиг довоенного уровня в развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры, ты превзошел показатели собственных планов. Производительные силы Советской страны достигли такого развития, какого они не знали никогда.

И вот проходит еще один год жизни, полный твоего трудового напряжения и геройства, советский человек! В историю нашего государства 1956 год будет вписан красной строкой, как год новых крупнейших побед и достижений. Немыслимо перечислить все славные деяния твои на просторах нашей Родины!

Сколько былей, песен, легенд было сложено о непокорности сибирских рек, об их необузданной, дикой силе, сдвигающей со своего пути леса и горы! Ты покорил эти реки и сделал их подвластными человеку. Весть о том, что ты перекрыл могучий поток Ангары и Оби, была встречена в стране с огромной радостью. Все знали: вскоре за этой вестью последуют другие, еще более весомые — о пуске иркутской и новосибирской гидростанций, о новых победах на строительстве крупнейших гидроэлектростанций в мире, Братской на Ангаре и Красноярской на Енисее.

Сибирь, Дальний Восток, Казахстан — это районы великого будущего. В рабочем костюме геолога и строителя тебя видели и знойные карагандинские степи, и снежные хребты алмазной Якутии, и живописные приамурские равнины. Это твои заботливые руки монтировали сложнейшие машины на прославленных заводах Москвы, Ленинграда, Урала, это ты на волжских гидростанциях вводил в строй действующих одну турбину за другой. Тебя видели всюду: в шахтах Донбасса и Кузбасса, у пылающих домен и мартенов Магнитки, в лабораториях Академии наук за сложнейшими физическими опытами, на дрейфующих станциях в Арктике и в самом далеком поселке Мирном, созданном тобою в Антарктиде.

Велик и незабываем твой подвиг на целинных и залежных землях! Ты пришел в безлюдные степные просторы Казахстана, Сибири, Зауралья, зная, что тебя на каждом шагу ждут трудности. На голом месте ты создал сотни передовых, оснащенных новейшей сельскохозяйственной техникой совхозов и МТС, построил благоустроенные поселки с клубами, школами, больницами, детскими садами. Тридцать пять миллионов гектаров вновь распаханных земель — дело твоих рук, советский человек!

Высоко оценен твой славный труд, умножающий богатство Родины: братские союзные республики — Казахская и Узбекская, — ряд областей и краев Российской Федерации — Чкаловская, Саратовская, Омская, Новосибирская, Челябинская, Московская, Воронежская области, Красноярский и Алтайский края — за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве стали в 1956 году орденоносными.

Родное правительство продолжало неустанно заботиться о твоем благополучии, советский человек! Год 1956 отмечен введением новых, повышенных государственных пенсий, сокращением рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни, сокращением рабочего дня для подростков, увеличением отпусков женщинам по беременности и родам. И все это только за один год.

Поистине славный год прожил ты, советский человек!

Скоро ты вступишь в новый год, вступишь, полный богатырских сил, творческого горения, трудового энтузиазма.

И пусть 1957 год станет годом новых великих свершений, приближающих советское общество к коммунизму!

Приезжайте к нам на Дальний Восток!

Интервью «Огонька».

Характерный пейзаж Комсомольска-на-Амуре: рядом с домами законченными — новостройки.

Фото Л. Данилова.

Секретарь Хабаровского крайкома КПСС

А. ШИТИКОВ

ВОПРОС: Каковы природные ресурсы края?

ОТВЕТ: Дальний Восток издавна привлекал русских людей. Более трехсот лет назад пришли отважные землепроходцы на Амур, где, по словам одного из них, «пашенных гожих мест и сенных покосов и рыбных ловей гораздо много».

Редко можно встретить такое необыкновенное сочетание таежных мест с широкими степями, теплолюбивой растительности юга с растительностью сурового севера.

Разнообразна природа Хабаровского края, занимающего значительную территорию Дальнего Востока. В скалах Охотского побережья гнездится белая полярная куропатка, а по берегам Катэна и Хора встречается обитатель субтропиков — тигр.

А тайга! Жительница севера — лиственница — уживается с диким виноградом, аянская ель и корейский кедр — с бархатом, ясенем, монгольским дубом.

По запасам древесины наш край занимает одно из первых мест в Советском Союзе.

Таежные реки, Охотское и Японское моря, омывающие наше побережье, богаты рыбой.

В нашем крае есть олово и сурьма, железные руды и мрамор, вольфрам, молибден, золото. Недавно геологи открыли новое большое месторождение каменного угля, простирающееся от Хабаровска на несколько сот километров к югу. Месторождение назвали Бикинским.

ВОПРОС: Как осваиваются богатства края?

ОТВЕТ: Интенсивное освоение началось совсем недавно, каких-нибудь 70—90 лет назад. Именно тогда переселенцы из центральных областей России основали многие села и города по Амуру, Бикину, Уссури. Особенно бурно развивалась экономика нашего края в годы пятилеток. Только в течение одного года в предвоенный период в народное хозяйство на Дальнем Востоке было вложено столько средств, сколько царское правительство израсходовало на Дальнем Востоке за всю историю его освоения.

А. П. Шитиков.

Руками советской молодежи в тайге был возведен индустриальный Комсомольск. Продукцию завода «Амурсталь» и других предприятий этого города знают не только на Дальнем Востоке, но и в Корее, Китае, Вьетнаме. Стали, выпущенной в Комсомольске, хватило бы на 40 тысяч мощных тракторов и на столько рельсов, сколько необходимо для железнодорожного пути, соединяющего Хабаровск с Москвой.

В отрогах Малого Хингана возникли поселки горняков. Здесь добывают олово, редкие металлы. Железная дорога, соединив Хабаровск с Комсомольском, пересекла Сихотэ-Алинь и вышла в районе Советской Гавани к Тихому океану.

В середине 20-х годов Хабаровск по населенности был четвертым городом на Дальнем Востоке, уступая Владивостоку, Чите, Благовещенску. Теперь по числу жителей Хабаровск превзошел эти города, превратился в самый крупный индустриальный центр Дальнего Востока. Здесь сосредоточены машиностроительные и судостроительные заводы. Только за последние пять лет в городе вступило в строй 11 новых предприятий. Рыболовные сейнеры и металлоконструкции, паротурбины и электрические кабели — более двухсот наименований изделий выпускают предприятия Хабаровска.

Директивами XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану предусмотрено еще более интенсивное освоение природных ресурсов восточных районов страны и, в частности, Хабаровского края.

Возьмем лесную промышленность.

В самые глухие уголки тайги пройдут грунтовые и узкоколейные железные дороги. Будут построены Уликенский, Мухенский, Дземгинский, Хурбинский леспромхозы, несколько лесозаводов, домостроительных комбинатов, лесохимических предприятий. Все это даст возможность использовать лесные богатства гораздо полнее. Выпуск пиломатериалов, например, в 1960 году увеличится по сравнению с 1955 годом в 3,5 раза.

Машиностроительная промышленность к концу пятилетия выпустит продукции в 1,5, а металлообрабатывающая — в 2 раза больше, чем в 1955 году. Выработка электроэнергии увеличится почти в 5 раз.

В крае осваиваются все новые сырьевые ресурсы. Доказано, например, что из базальта, запасы которого у нас неисчерпаемы, можно отливать дорожные плиты, трубы и другие изделия. Предполагается в районе Хабаровска построить завод каменного литья.

Плодородна дальневосточная земля, но используется она еще плохо. Предполагается значительно увеличить площадь под посевами зерновых, сои, овощей, картофеля. Предстоит провести большие мелиоративные работы.

ВОПРОС: Хабаровский край, как известно, граничит с Китаем. Интересно знать, как складываются взаимоотношения между жителями советских и китайских пограничных районов?

ОТВЕТ: Взаимоотношения самые сердечные. Завязались деловые связи между китайскими и советскими речниками. Сейчас в районе села Союзного ими ведутся совместные работы.

Недавно в Хабаровск были приглашены руководящие партийные работники граничащей с нашим краем Хэйлунцзянской провинции. Гости интересовались опытом партийной и советской работы. Они побывали на промышленных предприятиях Хабаровска, Комсомольска, в колхозах и МТС Ленинского района Еврейской автономной области.

Китайские товарищи пригласили партийных и советских работников Хабаровского края посетить Хэйлунцзянскую провинцию.

Большое значение как для Китая, так и для Советского Союза имеют исследования, которые ведут комплексные экспедиции Академии наук КНР и Академии наук СССР. Это работы, связанные с изучением природных ресурсов бассейна реки Амура.

Уже определено, что только в треугольнике, образуемом реками Зеей и Амуром, можно построить гидростанции, превышающие по мощности две Куйбышевские ГЭС.

Если говорить о более далеком будущем, можно сказать о каскаде ГЭС, которые предполагается построить на Амуре. Плотины соединят китайские и советские берега. По всей вероятности, гидростанции на Амуре будут строиться совместными усилиями советских и китайских рабочих и инженеров.

Нужно сказать, что у жителей нашего края налаживаются добрососедские отношения с японцами. Через дальневосточные порты, расположенные в устье Амура, отправляется лес, который Советский Союз продает Японии. Советские и иностранные корабли доставляют его к острову Хоккайдо. Естественно, что в связи с успешно завершившимися в Москве японо-советскими переговорами внешнеторговые операции в портах нашего края будут занимать еще более видное место.

ВОПРОС: В чем основные трудности освоения края?

ОТВЕТ: Самая главная трудность — нехватка рабочих рук. Но у нас есть надежда, что в ближайшие годы это положение исправится. На стройки и предприятия края уже прибыли первые добровольцы из Москвы, Минска и других городов. Это люди смелые, энергичные, такие, каких мы и ждали.

Дальневосточники тепло встретят тех, кто приедет в наш край для того, чтобы строить новые заводы, добывать редкие металлы и уголь, закладывать новые рабочие поселки.

Добро пожаловать в наши края, товарищи!

Мохаммед Кемаль эль Биндари: «Пусть в новом году еще более крепнет дружба между нашими народами».

По приглашению Советского комитета защиты мира в декабре этого года в Советском Союзе находился видный общественный деятель Египта, бывший посланник Египта в СССР, член Всемирного Совета Мира Мохаммед Кемаль эль Биндари.

Во время пребывания в Москве г-н Биндари беседовал с руководителями Советского комитета защиты мира и ВОКСа о расширении дружеских связей между нашими странами. Он встретился со многими советскими деятелями, с которыми познакомился еще тогда, когда был в СССР в качестве посланника Египта. На встрече с учеными-арабистами в Институте востоковедения АН СССР г-н Биндари подробно рассказал о борьбе египетского народа за свободу и независимость. Г-н Биндари был принят министром иностранных дел Д. Т. Шепиловым.

Перед отъездом на родину г-н Биндари передал для опубликования следующее обращение к читателям «Огонька»:

«Я пишу эти строки перед отъездом из Москвы на родину. Я несу моим друзьям и соотечественникам, моей родине дружеский и братский привет от советского народа, оказавшего мне такой теплый прием. Этот дружеский прием выражает глубокие братские чувства советского народа к египетскому народу.

Разрешите мне через журнал «Огонек» передать Москве, этому дорогому и любимому мной городу, а также всему советскому народу от моего собственного имени и от имени египетского народа нашу признательность и благодарность за сердечную симпатию и моральную и материальную помощь, оказанную нашему народу в критические дни борьбы против гнусной и проклятой агрессии англо-французских и израильских войск.

Дорогие советские друзья!

Скоро наступит новый год. От имени вашего искреннего друга и сторонника мира примите наилучшие пожелания. Пусть в новом году еще более крепнет дружба между нашими народами. Пусть новый год будет для вас, для нас, для всего человечества добрым, хорошим годом.

Крепко жму ваши руки.

До свидания».

محمد كمال البندارى

Когда в Порт-Саид прибыли чрезвычайные вооруженные силы ООН, английская военная полиция оружием пыталась предотвратить демонстрации населения против англо-французских оккупантов.

ПУТЬ, КОТОРЫЙ НЕ ПРЕГРАДИТЬ

Империалисты хотели преградить египетскому народу путь, по которому он шел к независимости и свободе. Это не удалось! Агрессоры разрушали города, убивали взрослых и детей. Но они не смогли сломить волю египетского народа к счастью, убить в нем стремление к независимости.

Даже в оккупированном, залитом кровью египтян Порт-Саиде не прекращалась борьба против иностранных захватчиков. Египет был и останется свободной страной, как бы ни злобствовали агрессоры.

Демонстрация жителей Порт-Саида, требовавшая изгнания оккупантов.

Снимки из французского журнала «Пари-Матч».

ПРАЗДНИК ЭСТОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Заканчивается декада эстонского искусства и литературы. Яркое и самобытное искусство гостей — в центре культурной жизни столицы. Зрители от души, горячо аплодировали высокому мастерству артистов театров «Эстония», «Ванемуйне», имени В. Кингисеппа. Интересные встречи эстонских писателей и артистов со зрителями и читателями проходили в концертных залах, клубах, на заводах, в колхозах.

На снимках: слева — в клубе колхоза «Новая жизнь», Краснополянского района, Московской области, состоялась встреча колхозников с эстонскими писателями и артистами. Беседуют: поэтесса Минни Нурме, полевод А. Сдобнова, поэт Феликс Котта, народная артистка ЭССР Эльза Маазик, звеньевая Е. Королева и тракторист М. Кнопов. Справа — в фойе Малого театра, где гастролирует театр имени В. Кингисеппа, зрители покупают книги эстонских писателей.

Фото В. Соболева (ТАСС).

ПЕЧАЛЬНАЯ ШУТКА

В результате нарушения судоходства по Суэцкому каналу во Франции сокращены нормы отпуска бензина. Владельцам автомобилей приходится подолгу стоять в очередях.

Недавно в Марселе около бензоколонки на Марсовом поле был обнаружен букет хризантем и такая надпись: «Тебе, дававшей нам столько радости, а теперь доставляющей столько огорчений».

Фото агентства Интерконтиненталь.

Тихий сосед

Иштван Мичинаи.

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Октябрьские дни в Будапеште явились проверкой для многих. Сколько скромных тружеников проявили себя истинными героями, показали, может быть, кое для кого и неожиданно, что дело народа, дело социализма им дороже жизни! Но были и другие... Казалось, что в эти дни взболтнули сосуд и со дна его поднялся осадок, лежавший раньше спокойно и, на первый взгляд, неприметно. В числе так называемых революционеров, помимо политических авантюристов, оказались бежавшие из тюрем преступники, люди с громким уголовным прошлым. Наряду с ними были, конечно, и просто обманутые, сбитые с толку враждебной пропагандой. Но были и дотоле тихие, незаметные люди, скрывавшие лицо под маской. Сегодня я хочу рассказать об одном таком «тихом» человеке, который раскрылся в дни, когда текла кровь на улицах Будапешта.

...Дома, в которых жили Мичинаи и Турнер, стояли напротив. Оба они были рабочие, оба слесари. И Турнеру и Мичинаи одинаково улыбалось по утрам солнце, когда они отправлялись на работу и, приветственно махнув рукой женам, расходились каждый в свою сторону. Жены их часто встречались не только на улице, они работали на одной фабрике. Дружили и их дети — маленькие Юлиана и Каталина. На праздник Микулаша девочки выставляли свои ботинки за окно, и «святой Микулаш» клал им туда ночью подарки, которыми дети потом делились, как сестры. Они вместе играли, ходили друг к другу в гости.

Мичинаи работал на чепельском заводе. У него была хорошая квартира. Казалось, он мог быть доволен заработком, жизнью. Его маленькая Юлиана, несмотря на свои десять лет, уже понимала, что такое почет, и очень гордилась папой, который был удостоен высокого звания передовика производства. Кому не приятно иметь такого отца! Мичинаи, может быть, и по сей день продолжал бы работать на заводе, но... На улицах где-то стали раздавать оружие. Контрреволюция показала зубы...

И тут надо вернуться к событиям, происходившим лет пятнадцать назад.

Дело в том, что Иштван Мичинаи в 1942 году прошел обучение в полицейской школе. Там ему, как цепному псу, привили ненависть к людям, а особенно к коммунистам. Регент Хорти лично следил за воспитанием своих кадров. После того, как сформировалось «сознание» Мичинаи, он до сорок четвертого года верой и правдой служил в полиции. И хотя потом пришлось стать слесарем, годы прежней службы не прошли даром.

Итак, на улицах гремели выстрелы, осколками разлетались витринные стекла, гибли обманутые кучкой авантюристов люди. У Иштвана Мичинаи возродились былые надежды. Он явился в полицию двадцатого района. Тут уже собралось много «своих». К нему подошел старый дружок Ланг, когда-то руководивший полицейскими облавами, и сказал:

— Ну вот, старина, пришло и наше время! Я теперь следователь по политическим делам. Держись меня, я старых друзей не забываю! Пойдем-ка приведем одного человечка!

И Мичинаи пошел. Как пес, признавший старого хозяина, он потащился на улицу, где сам жил, где играли маленькие Юлиана и Каталина.

— Знаешь, Ланг,— сказал Мичинаи,— мне выдали в полиции мясо и муку. Давай сперва занесем это ко мне домой, а потом пойдем на дело.

— Ладно. Кстати, зайдем к твоему квартирному хозяину Лазару. Мне что-то подозрительна форма его носа. Надо с ним поговорить на эту тему,— сказал «следователь по политическим делам».

Пинком ноги он отворил дверь в квартиру Лазара.

— Эй, Лазар! Выходи! — заорал Ланг.— Теперь мы хозяева! Я тебя сейчас пристрелю вместе с твоей благоверной.

Перепуганные хозяева вышли. Им не надо было представляться друг другу. Они и раньше были знакомы.

— Пишта (так сокращенно звали Мичинаи) обижен на тебя. Ваши жены что-то часто ссорятся,— продолжал «следователь»,— вот я и хочу тебя кокнуть. Пишта теперь с нами, надо создать ему условия для отдыха.

— Шани! Ты с ума сошел! — закричала жена Лазара «следователю».

Получив пощечину от Ланга, она быстро умолкла. Однако собралось много соседей, а «следователь», видно, был труслив. К тому же и Мичинаи еще чувствовал себя неуверенно:

— Пойдем за тем, за кем мы шли! Надо делать дело. С этими потом...

Они отправились к отцу маленькой Каталины. Слесарь Турнер никак не ждал к себе в гости слесаря Мичинаи, да еще в сопровождении такого высокого чина. Он вообще никого не ждал. Как большинство жителей в те дни, он прятался в подвале.

— Турнер! Если ты здесь,— заревел Ланг, заглядывая в дверь подвала,— выходи!

Сам Ланг боялся сойти вниз. А вдруг у Турнера оружие? «Следователь» приказал Мичинаи дать очередь по окнам. Задребезжали стекла, полетела штукатурка. Словно живой, запрыгал в руках Мичинаи автомат: бандиту вспомнились былые «подвиги». Думал ли в этот момент полицейский Мичинаи о маленькой Каталине — подружке его дочери, о приятельнице жены — Турнерне, о том, что он, «рабочий», стреляет в рабочего? Нет. Им овладел дикий страх (так, по крайней мере, он пытался это объяснить впоследствии), и этот страх обратился в ярость спущенного с цепи пса. Он не заметил соседей, сбежавшихся на крик, не видел, что творится вокруг. Лишь откуда-то издалека донесся до него разговор Турнера и Ланга. Турнер попрежнему оставался в подвале. Бандиты продолжали стрелять. Мичинаи остановился только тогда, когда Ланг сказал ему:

— Пойдем. Он мертв.

И лишь когда они подошли к своему участку, Мичинаи спросил:

— А за что его?

— Да говорят, он стрелял в повстанцев. И вроде как хотел организовать коммунистическую ячейку,— ответил Ланг.

Четвертого ноября в городе уже были советские войска. Но Мичинаи ходил увлеченный новой должностью и ничего вокруг себя не замечал. Ланг, видимо, был наблюдательнее: пятого ноября он явился к Мичинаи на квартиру. Но, недолго побыв там, скрылся, не вдаваясь в подробные объяснения.

И вот теперь Мичинаи приходится одному держать ответ. Не много потребовалось времени, чтобы в облике его ничего не осталось от скромного слесаря. Военная выправка, подтянут, щелкает каблуками. Он не садится без разрешения, а сев, закладывает руки за спинку стула, хотя никто его об этом не просит. Так, очевидно, полагалось сидеть заключенному при режиме Хорти. На скулах играют желваки. Маленькие серые глазки шныряют по комнате. Иногда он кладет руки на колени, и только тогда можно заметить, что у него не хватает одного пальца, а на руках — мозоли. Но вот, спохватившись, он снова поспешно прячет руки за спинку стула. Отвечая на вопросы, вернее, «рапортуя», он часто мигает, а лицо остается неподвижным. Член бывшей и так недолго просуществовавшей «национальной гвардии», Мичинаи даже не пытается выставить себя героем.

— Зачем вы пошли работать в полицию?

— Мне говорили, что там будет пенсия девяносто процентов.

— Вы надеялись, что зачтут и старый стаж?

— Ну...— Не найдя ответа, он меняет тему: — На заводе работа у меня была нелегкая. Руками работал — не то что на станке...

— А в полиции разве «работа» механизированная?

Пытается улыбнуться. Но улыбка холуйская, эдакая «чего изволите». Глаза шарят по сторонам.

— Я больше никогда не возьму в руки оружие,— трусливо говорит он, словно обещая хорошо вести себя в классе.

Будапешт.

НА УЛИЦАХ БУДАПЕШТА

Продают газету «Непсабадшаг».

Приобрели елку к рождеству.

Несут обед рабочим, занятым на восстановлении.

Всей семьей переезжают в отремонтированную квартиру.

Прибыла помощь из Германской Демократической Республики.

Фото А. Новикова.

ЭМБЛЕМА МИРА И ТРУДА

Это было 38 лет тому назад. Трудящиеся Москвы торжественно отмечали первую годовщину Октябрьской революции.

Вечером 6 ноября, в канун великого праздника, москвичи стали свидетелями необычайного зрелища. Объявление об этом, помещенное в газетах, гласило:

«Шестого ноября после митинга на одиннадцати московских площадях состоится сожжение эмблем старого строя и грандиозная иллюминация Москвы. Главный фейерверк будет пущен из Кремля. В 9 часов 30 минут будут подняты эмблемы, олицетворяющие собой новый строй».

И когда на следующий день со всех концов Москвы двинулись к Красной площади колонны первой октябрьской демонстрации, участники шествия видели эти эмблемы нового строя повсюду: на улицах, площадях, на фасадах домов, на флагах. Особенно нарядна была в этот день площадь у Моссовета, украшенная множеством красных дисков с золотым серпом и молотом и надписью: «РСФСР».

Как был создан советский герб, какова его история?

19 июля 1918 года в «Известиях» была опубликована Конституция (Основной закон) РСФСР, утвержденная V Всероссийским съездом Советов.

Этот документ утверждал герб Советской страны, эмблему первого в мире государства рабочих и крестьян.

В 89-й статье Конституции говорилось:

«Герб Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью:

а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и

б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Так на смену увенчанному коронами двуглавому орлу, служившему эмблемой царской России, пришел Государственный герб Советской страны, герб, основой которого стала эмблема труда: серп и молот — символ нерушимого союза рабочих и крестьян.

Вспоминая историю создания советского герба, В. Д. Бонч-Бруевич, работавший в первые годы революции управляющим делами Совета народных комиссаров, писал:

«В Управление делами Совнаркома поступил рисунок, сделанный акварелью и изображавший проект герба, который мы сейчас имеем в несколько измененном виде. Он был... с теми же эмблемами, но имел посередине обнаженный длинный меч.

Владимир Ильич Ленин был у себя в кабинете и беседовал с Я. М. Свердловым, Ф. Э. Дзержинским и некоторыми другими товарищами, когда я пришел к нему и положил рисунок герба перед ним на стол.

— Что это — герб?.. Интересно посмотреть!..

Мы все, окружив Владимира Ильича, с интересом вглядывались в рисунок. Внешне герб сделан был хорошо. На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамленные снопами хлеба. В центре герба отчетливо виднелись серп и молот, но над всем главенствовал, словно настораживая всех, отточенный меч, проходивший через герб снизу вверх.

— Интересно!..— сказал Владимир Ильич.— Идея есть, но зачем же меч? — и он посмотрел на нас всех.

— Мы бьемся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним вон из наших пределов и белогвардейцев и интервентов, но это не значит, что война, военщина, военное насилие будут всегда главенствовать у нас. Завоевания нам не нужны. Завоевательная политика нам совершенно чужда; мы не нападаем, а отбиваемся, и меч не наша эмблема. Крепко держать его в руках мы должны, чтобы защищать пролетарское государство, но до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что это будет всегда... Социализм восторжествует во всех странах — это несомненно. Братство народов будет провозглашено и осуществлено во всем мире, и меч — не наша эмблема, — повторил Ленин.

— Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч, — продолжал Владимир Ильич, зачеркнув его корректурным знаком. — А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект и потом посмотрим и еще раз обсудим в Совнаркоме и поскорей...

И он подписал рисунок».

Бонч-Бруевич вспоминает, что, когда рисунок был доставлен в Совет народных комиссаров вторично, уже без меча, решено было показать его Н. А. Андрееву, скульптору, впоследствии заслуженному деятелю искусств РСФСР, автору «Ленинианы» — замечательной серии скульптурных портретов Владимира Ильича Ленина.

Бонч-Бруевич записал через некоторое время со слов Андреева его рассказ о работе над гербом:

«Кругом серпа и молота на фоне восходящего солнца была сделана виньеточка из растрепанных колосьев, которые торчали во все стороны, а внизу, как на виньетках, помещавшихся в былое время на колоннах стиля ампир, была завязана бантиком ленточка.

Я взял этот проект и ушел к себе. Колосья из растрепанных собрал вместе, как они теперь находятся на гербе; ампировский бантик развязал и ленты пустил свободно. Мои графики написали на них нужные надписи, и я закончил рисунок. Из грушевидного я сделал круглый. Когда я пришел через день в Президиум ВЦИК, мой проект был утвержден, несмотря на готовые другие проекты. Кто настоящий его инициатор, мне неизвестно».

Так создана была в 1918 году известная сейчас всему миру «молоткастая и серпастая» эмблема Страны Советов, воспетая на языках всех народов земли.

Прошло немногим более четырех лет, и был образован Союз Советских Социалистических Республик, а в январе 1924 года II съезд Советов СССР утвердил Конституцию СССР. В основу Государственного герба СССР был положен в несколько видоизмененной форме приобретший мировую известность герб Российской Федерации. Серп и молот решено было изобразить не на щите, а на фоне озаренного восходящим солнцем земного шара с красными материками и голубыми океанами, а венок из золотых колосьев увить лентами с надписями на русском, украинском, белорусском языках и языках народов, входивших в Закавказскую федерацию,— грузинском, армянском и азербайджанском.

На московской фабрике Гознак до сих пор трудится Иван Иванович Дубасов, тридцать три года назад принимавший участие вместе с другими художниками в создании рисунка Государственного герба СССР. Он рассказывает о тех днях:

— Целую неделю работали мы круглыми сутками. На фабрике был получен лишь эскиз, по которому мне поручили в срочном порядке выполнить рисунки герба — цветной и штриховой. Сначала ленты на гербе свободно ниспадали вниз, не завиваясь вокруг венка. Этот вариант нам вернули, и после переработки был сделан окончательный рисунок герба с надписями на шести языках, который в январе 1924 года утвердил съезд Советов.

...Шли годы, росла, крепла и ширилась Советская страна. 5 декабря 1936 года Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР принял новую Конституцию СССР, закрепившую величайшие победы социализма в нашей стране.

В сентябре нынешнего года Президиум Верховного Совета СССР утвердил Государственный герб, на лентах которого сделаны надписи на пятнадцати языках — по числу союзных республик. И в основу гербов этих республик также положен рисунок союзного герба. Однако в них нашли свое отражение и специфические черты природы и быта различных республик и народов СССР.

И. РАВИН

В. Г. Орешкин. МАЕВКА.

Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

«Огонек». 1956.

Н. М. Позднев. ИЗ ШКОЛЫ.

Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

А. С. Козловский. НА РАБОТУ В ДЕРЕВНЮ.

Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

ШИРОКОСТУП С «КРАСАВИЦЫ»

Рассказ

Борис ЗУБАВИН

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Года два назад проходчик шахты «Красавица» Илья Широкоступ добился таких значительных успехов, что стал знаменит на всю страну. Если раньше проходчики продвигались под землей за месяц лишь на тридцать — тридцать пять метров, то есть немного больше метра в день, то Широкоступ стал проходить в месяц по двести метров — в шесть — семь раз больше.

Последователей у него нашлось много, однако выработку свою они сумели повысить лишь вдвое.

Но вот вспоминать о Широкоступе начали реже, скупее, а скоро и вовсе перестали: он сам вдруг скатился до двух норм. Лишь совсем недавно в областной газете напечатали статью парторга строительства шахты «19-бис» П. Нагаева, которая называлась «Почему померкла слава Ильи Широкоступа?»

Статью решили обсудить на заседании бюро Конногвардейского райкома.

— Все читали, как прославился наш Широкоступ? — спросил Александр Потапович Шубников, первый секретарь райкома, помахав над столом газетой и сделав ударение на слове «прославился».

Шубников был бодр, насмешлив и грубоват. Ему шел сорок пятый год. Сердясь, он, как говорят, вспыхивал, краснел лицом, и тогда вдруг отчетливо проступали его светлые властные глаза. Шубников любил и умел работать без оглядки, смело брал на себя какую угодно ответственность, однако другим такой воли не давал. В районе к этому привыкли.

Повернувшись к Широкоступу, только что вошедшему из приемной и одиноко и робко присевшему возле двери на краешке стула, он произнес своим твердым и непреклонным голосом:

— Мы тебя, Широкоступ, в партию здесь принимали, нам и ответ за тебя держать. Давай разберемся, с чего это ты зазнался у нас.

Широкоступ сразу побледнел от этих слов. Это был худенький, скуластый, русоволосый паренек лет двадцати трех. На лице его сейчас лежала печать смущения и растерянности. Он сидел, нагнув голову, сосредоточенно рассматривая носки своих желтых, до блеска начищенных, вероятно, по случаю вызова в райком, ботинок.

— Нагаев, тебе слово,— обратился Шубников к невысокому, плотному человеку с очень подвижным, беспокойным лицом, слегка косящим и от этого странно оживленным взглядом. Когда Нагаев обращался к кому-нибудь, то смотрел не на собеседника, а мимо.

Глядя на стену рядом с Шубниковым, он начал:

— Вот хотя бы взять такой пример. Широкоступ отказался заниматься в системе партийного просвещения. А коммунисту, тем более молодому, нужно учиться, чтобы быть во всеоружии, знать законы развития общества и на основе этих знаний давать правильную оценку текущих событий. Лично я пытался воздействовать на Широкоступа, но перебороть его не было никаких сил. Или еще такой возьмем случай. Вы, Александр Потапыч, дали мне указание, чтобы Широкоступ явился на районное собрание коллектива промкооперации. А делов-то ему — в президиуме посидеть, но он опять-таки отказался наотрез от этого поручения и еще стал высокомерно рассуждать, что ему там нечего делать, что ему надоело позировать. Так и сказал: позировать. Я его попросил выбирать выражения и объяснил, что отказываться от приглашения целого коллектива он не может, к тому же, когда это есть поручение райкома. «А идите вы,— сказал он мне на это,— к чертям собачьим с такими поручениями! Если тебе охота, валяй сам и сиди вместо меня в президиуме, а мне надо на вечерку идти». Это его подлинные слова. А на следующий день мне стало известно, что Широкоступ ночью пришел в общежитие пьяный до невменяемости. Александр Потапыч однажды правильно сказал, что мы виноваты в том, что не одернули во-время Широкоступа, не поставили его на место и допустили до того, что он снизил свою работу. Таких примеров явного зазнайства со стороны Широкоступа проявлено немало. Все они отмечены в моей статье.

Было уже поздно. Городок, погруженный в тьму июльской ночи, был пропитан сухим, горьковатым, полынным запахом подступившей к нему со всех сторон выжженной солнцем степи. Смутно белели за деревьями залитые косым лунным светом одноэтажные шахтерские домики, то тут, то там в садочках, за вишнями, за кустами акации и сирени желтели распахнутые окна. Где-то далеко и лениво играли на гармони без остановки все одну и ту же мелодию. Но эти неясные звуки не нарушали сонного покоя, царившего в этот час в степном шахтерском городке. Ночь скрывала копры и терриконы шахт, стоявших вокруг, и в тишине не верилось, что сейчас под землей вокруг городка и даже под самим городком гремят, вгрызаясь в уголь, комбайны, гудят воздуходувки, сипят, откачивая воду, насосы, ухают взрывы, мчатся груженные углем и породой электропоезда, что тысячи людей, потных, измазанных угольной пылью, в эту ночь, как было вчера, десять лет назад, как будет завтра, послезавтра и еще многие годы, добывают, выдают на-гора́ свой уголек.

Вслед за Нагаевым выступил член бюро райкома, почетный шахтер, учитель Широкоступа, Андрей Федорович Крутенков, сутулый длиннорукий старик с усами, как у Тараса Григорьевича Шевченко. Крутенкова побаивались и прозвали обличителем за то, что он кому угодно, не стесняясь, высказывал все, что думает.

— Возле Широкоступа есть две главные фигуры,— не спеша начал Крутенков.— Вот Нагаев, парторг, и Федор Федорович Синица.— Он поглядел в окно.— Обоих вы знаете, но я еще расскажу про них, чтобы была полная ясность. Сперва про Синицу. Если бы на должности, например, определяли людей по их комплекции, быть бы нашему Синице министром угольной промышленности или, на худой конец, заместителем. Но поскольку такого не бывает, то он у нас вот уже лет двадцать все в начальниках шахт ходит. Опыт у него в этом деле большой, но есть у него такая клятая поговорка: поперед батьки в пекло не лезь. Это, значит, поперед тебя, Александр Потапыч,— пояснил он Шубникову и продолжал:— Но как с Широкоступом получилось? Наша «Красавица» тогда выработалась, пласт ее оскудел, а вокруг понастроили много новых шахт, так что «Красавица» оказалась рядом с ними все равно, что обушок по сравнению с горным комбайном. План ее в общем удельном весе по Конногвардейску уже не имел никакого значения, и новую технику давали не нам, и не с нас, а с других требовали работы по циклам, рационализации, того, другого, третьего. Кому много дается, с того много и спрашивается. «Красавице» ничего не давали, ничего с нее и не спрашивали. Синица на месте усидеть не мог от обиды, потому что любит человек быть на виду. Лучше, мол, пусть ругают, если хвалить не за что, только бы не молчали. Без выговоров да без премий все равно не прожить. Хотя, сколько я его помню, он все время норовит обходиться больше без выговоров, чем без премий.

Басовито, с хрипотцой рявкнул невдалеке электровоз. Крутенков прислушался и сказал с удовольствием, со вкусом:

— Уголек наш пошел. Вот что.

И в распахнутое окно, словно подтверждая его слова, донесся тяжелый гул покатившихся по рельсам, набирая скорость, вагонов.

— Вот и ухватился Синица за Широкоступа,— продолжал Крутенков.— Мы, говорит, всем сейчас нос утрем. И утер. Создал парню все условия, и начал тот показывать класс работы: нынче шесть норм, завтра восемь... Загремела наша «Красавица», что ботало на коровьей шее. Дальше сами знаете, что было. «Красавицу» нашу признали непригодной к дальнейшей эксплуатации и закрыли, и все мы — и Синица, и Широкоступ, и Нагаев — перешли на строительство теперешней «19-бис». А как перешли туда, так и упала у Широкоступа его производительность.

— Почему? — спросил Шубников.

— Синица перестал помогать, вот почему,— ответил Крутенков и снова продолжал:— Теперь я вам про Нагаева расскажу все, что думаю. Парторг из него не так чтобы никудышный, а — как бы вам сказать? — ни то, ни се. Говорить он мастер, дела у него всегда в порядке, и райком за него держится, другой год рекомендует, чтобы его в бюро избрали. А почему? Удобный человек: что ему из райкома ни прикажут, будь то дельное, ответственное иль такое, что еще треба самому обмозговать, поразмыслить, сделать по-своему, так нет, он в момент все исполнит без рассуждений. Сейчас-то он пообтерся, а в первое время его перед райкомовскими работниками, особенно перед тобой, Александр Потапыч, всякий раз с перепугу икота начинала колотить. Ты чуешь, куда я все это клоню? — вдруг спросил он Шубникова.

Тот, вспыхнув, пожал плечами. Как только начал говорить Крутенков, он, сам того не замечая, завертел в руках карандаш и стал внимательно ловить каждое его слово. А слова были тяжелые и весомые, как глыбы угля, за ними стояла какая-то большая, еще не воспринятая им, но очень нужная ему правда.

— А туда клоню, что про зазнайство Широкоступа,— не спеша разъяснял Крутенков,— хотя вроде все это исходит от Нагаева, первый-то не он сказал. Чуешь? Это ты сказал. Нагаев только подхватил по привычке твои слова. Ты, может, совсем ненароком их обронил, а он, как говорится, не глянув в святцы, бух в колокола. И получился у него звон, да не знает, где он. Я почему сейчас про Синицу с Нагаевым говорю? Потому, что загнулись они в разные стороны, кому куда нравится.

Шубников считал Нагаева и Синицу хороши-

ми работниками. Однако «обличитель» выразил до того новое к ним отношение, что оно удивило и насторожило Шубникова. «Да почему они такие, почему?» — стал он задавать себе вопрос.

История с Широкоступом теперь не казалась ему столь простой и ясной, как вначале. Он уже чувствовал, что где-то что-то очень важное сам проглядел, в чем-то сам очень и очень виноват. Только пока он никак не мог понять, в чем же.

А Крутенков тем временем повернулся к Широкоступу.

— Ты, Илья, чего приуныл? А ну, выскажи нам свою правду.

С легкой руки Шубникова, не любившего оправдываться, в Конногвардейске считали, что человек, которого критикуют, не должен возражать. Широкоступ знал все это и пришел на заседание с чувством покорности, хотя несправедливость всего случившегося с ним легла на сердце горькой обидой.

Крутенков ободрил его.

— Я выскажу, так и быть,— сказал он, поднявшись и еще больше побледнев от волнения.— Ладно. Я не отказываюсь. На кружок я, верно, не ходил. Так ведь я тогда заочно учился на курсах техников узкой специальности. Нагаев знал об этом. Но ему перед райкомом надо было отчитаться в стопроцентном охвате. Ну, и насчет собраний. Ходил раньше куда ни пошлют, сидел в президиуме и у пионеров, и у пекарей, и еще где попало. А потом надоело. Ни мне от этих собраний, ни собраниям от меня толку никакого. Я Нагаева сперва по чести просил: огради ты меня от этих президиумов! Ты что мне, Нагаев, ответил? Не можешь! Райком приказал! Ну, я сам не стал ходить. Мне время дорого. А выпивши я тогда был потому, что гулял на дне рождения у своего друга — крепильщика Денисова. И работать я стал плохо не потому, как написал Нагаев...— Он укоризненно, с болью посмотрел на парторга.— Не разобрался, а написал.

Шубников, слушая, то вскидывал глаза на Нагаева, то опускал их, прятал под ресницами, глядел в стол.

— А почему же ты стал плохо работать? — спросил он у Широкоступа.

— А пусть Синица скажет, почему он помогать мне перестал. Если начальство не поддержит, сам все равно ничего не сможешь. Это факт. Вот говорят: Широкоступу создали оранжерейные условия. Чепуха это. Все проходчики сейчас работают по моему методу, а почему никто семи норм не дал? Да потому, что методы стали новые, а условия старые остались. Создайте всем новые условия, тогда они и перестанут быть оранжерейными. Количество перейдет в новое качество. Вот как я думаю. Для одного человека они, может, и, верно, оранжерейные, а если для всех, какая же это оранжерея? А как теперь у нас? Работаешь, бац, нет взрывчатки. Сидишь, ждешь

час, а то и полтора, пока доставят. Начинаешь рвать породу, глядишь — порожняк опаздывает. Приостанавливаешь работу, ждешь порожняка. Прибыли вагоны — крепежный лес кончился.

— А раньше? — перебил его Шубников.

— Раньше все под рукой было. Ни минуты не простаивали. Крепежный лес, например, для нас наверху готовили, только ставь. Почему Синица перестал делать все это? Пусть ответит.— Он передохнул, оглядел собравшихся возбужденными, очень красивыми в эту минуту глазами, махнул рукой.— Ладно. Вот сдадим шахту в эксплуатацию, я тремя штреками пойду и тогда все равно верну себе свои семь норм.

— Так,— сказал Шубников.— А что нам Синица скажет на это?

Федор Федорович Синица сидел, широко и неуклюже расставив по столу локти, мешая соседям и не обращая на это никакого внимания. Ноги его, обутые в огромные хромовые сапоги, высовывались из-под стола на другой стороне и тоже мешали людям. И вообще, где бы ни появлялся Синица, везде становилось тесно.

— Широкоступ был у меня самым лучшим проходчиком и теперь остается таковым. Все ответственные работы, закругления, например, я поручаю только ему,— сказал Синица таким оглушительным голосом, словно говорил в бочку.— Но что толку, если я ему дам вовремя и взрывчатку, и вагоны, и крепежный лес? Бесполезно. У меня на строительстве подъемная машина за сутки поднимает только двести шестьдесят вагонеток, а Широкоступ, дай ему волю, нагрузит породы куда больше. А разве он один у меня работает? Вот когда мы были на «Красавице», я ему все давал — рубай, не греши! Было у него вдоволь и взрывчатки, и вагонов, и лесу. Тогда условия позволяли мне создавать условия ему.

— А как насчет трех штреков? — нахмурясь, спросил Шубников.

— Тремя штреками он даст прежнюю выработку,— подтвердил Синица и благосклонно поглядел на Широкоступа.— Ловко придумал. Только ничего из этого опять-таки не выйдет, потому что начальник шахты порожняку ему не выделит — и вся недолга. У начальника шахты сто вагонеток, он все их бросит под уголь, а проходчикам, как той бабушке, рожки да ножки, что останется.

— А сколько надо вагонеток, чтобы обеспечить проходчиков? — спросил Шубников.

— Триста. Вот какое дело. Если бы начальник шахты мог самостоятельно прийти на завод и сказать: сделайте мне, ребята, еще двести вагонеток, вот вам чертежи, вот вам гроши. Но он не может этого сделать: за ним семь нянек присматривают. Одни ему соску в рот суют, чтобы не особенно разорялся, другие за ручки поддерживают, чтобы он, боже упаси, сам чего-нибудь не вздумал предпринять, например, сопли самостоятельно вытереть себе, третьи все перстами дорогу указывают, чтобы он не оступился. Шагу без этих нянек сделать нельзя, наплодили их на нашу голову! Надо тебе лишних двести вагонеток? Пиши туда, сюда, и везде надо доказывать, убеждать, просить, а может, и ругаться. А если я не хочу поперед батьки в пекло лезть, тогда как?

— Вот-вот,— сказал Крутенков.— Тогда как?

Теперь Шубников вспомнил: Нагаев однажды жаловался, что Широкоступ отбился от рук, грубит, стал плохо работать, и он, Шубников, мимоходом сказал, что, раз так, надо призвать зазнавшегося к порядку. И оказалось, достаточно этих слов, чтобы Нагаев сделал соответствующие выводы. А работать Широкоступ, как теперь выяснилось, стал хуже потому, что новые условия, необходимые для новых форм труда, были ликвидированы самим же Синицей, создавшим сперва эти условия... А ликвидировал их Синица потому, что новыми методами труда владели уже все проходчики и, чтобы обеспечить эти новые методы, требовалась коренная ломка многих запроектированных и утвержденных свыше технических приспособлений, ставших теперь помехой. Такой неодолимой помехой явилась подъемная машина с ограниченными возможностями. Но сам Синица властью своей заменить эту машину на более мощную не мог. Этим ведали вышестоящие инстанции, или, как он назвал их, няньки.

Что же будет дальше? Скоро шахту примут в эксплуатацию. Широкоступ хочет идти тремя штреками. Но если ему не дадут порожняку столько, сколько он потребует, вся его затея окажется бессмысленной.

— Хорошо,— сказал Шубников, поднявшись.— Я займусь этим делом. Я всех расшевелю.

И оттого, что он так решил, ему стало радостно и беспокойно, он уже, как говорили про него, загорелся, ему захотелось немедленно, засучив рукава, взяться за дело.

И все это прекрасное, боевое настроение вдруг испортил Крутенков.

— Эх! — с горечью и болью вырвалось у него в наступившей тишине.— Опять ты ничего не понял, Александр Потапыч!

И тут все задвигались, зашумели, словно устали сидеть и захотелось поразмяться, а Шубников вспыхнул, нахмурился.

Крутенков тем временем уже в третий раз терпеливо, но настойчиво, по-отцовски спросил:

— Ты чуешь, куда я это клоню? Хватит тебе самому за все браться: все равно везде не успеешь. Ты трохи в сторону фигуру свою со свету отодвинь, другим не засть его, дай простор, они тогда такое совершат, что и не снилось тебе, чуешь?

И опять наступила тишина. Шубников, ни на кого не глядя, стал собирать со стола бумаги. Делал он это не спеша, и было ясно, что перебирать и складывать листы он взялся для вида, чтобы оттянуть время и обдумать ответ, и все напряженно ждали, что он скажет. Это вдруг стало сейчас чрезвычайно важным для всех, быть может, самым важным из того, что произошло в тот вечер. За честность и прямоту Шубникова любили в районе не меньше, чем за решительность и смелость.

Наконец он перестал возиться с бумагами и, подняв на Крутенкова очень светлые на вспыхнувшем лице строгие глаза, сказал с расстановкой:

— Чую, Андрей Федорыч, чую. Только чуять-то это не очень легко да просто.

— Знаю, а надо,— неумолимо, твердо и в то же время заботливо сказал Крутенков.—

Жизнь подсказывает, чуешь? Жизнь, она круто зашумела сейчас, ты прислушайся.

И опять, как полчаса назад, за окном рявкнула сирена электровоза и покатились, набирая скорость, вагоны.

— Уголек пошел,— сказал Крутенков.— Наш уголек.

У СЕВЕРНЫХ СОСЕДЕЙ

Долина Гудбрансдален.

Общий вид шахтерского поселка. Фото автора.

В. МОСКОВСКИЙ

До поездки в Норвегию страна эта почему-то представлялась мне суровой, а люди, населяющие ее,— замкнутыми, молчаливыми, не привыкшими к веселой шутке. Думалось: вероятно, северная природа наложила свой отпечаток и на характер людей. Но в первые же дни пребывания в Норвегии я убедился в своем заблуждении.

В этой стране, крайняя южная точка которой лежит на одной параллели с нашими городами Ярославлем и Молотовом, а самая северная — с южным берегом Новой Земли, есть своя строгая и поистине чарующая красота. Побережье Норвегии изрезано сотнями защищенных горами и поэтому тихих фиордов. Зелень хвойных лесов на скалах напомнила дорогие моему сердцу родные места — север Советского Союза.

Да и не только природа. В нравах и обычаях норвежцев много общего с нравами и обычаями русских людей. Убранство квартир и комнат простых людей разбудило во мне воспоминания о деревне, в которой я провел детство и юность. Здесь и вытканные из лоскутов половички, и вышитые полотенца, и развешанные на стенах фотографии бородатых предков и родственниц в широких, с сотнями складок юбках. Среди блюд, которые мне пришлось отведать как деликатес, подается морошка с молоком; особым уважением тут пользуется горячая отварная картошка: ее едят и за завтраком и за обедом.

Как и у нас на севере, народ здесь крепкий, закаленный в тяжкой борьбе с неподатливой природой: только 4 процента территории Норвегии обрабатывается; 24 процента находится под лесом, а 72 процента занимают горы, скалы, ледники. Но как ни трудно норвежцу добывать средства к жизни, он бодр, не лишен чувства юмора, желания хорошо повеселиться; он знает толк в вине, но, как мне показалось, употребляет его более умеренно, чем во многих других странах.

Первый день нашего пребывания в Осло совпал с воскресеньем.

Город в этот день предстает перед приезжим в очень своеобразном виде. На улицах столицы с утра много людей с рюкзаками. Мужчины, женщины и подростки держат путь в горы. Такова здесь традиция — отдыхать в спортивных походах. Снега еще было мало, чтобы стать на лыжи, но норвежцы любят и пешие прогулки. Вот широким шагом легко поднимается в гору человек лет семидесяти. Еле успевая за ним, семенит мелкими шажками худенькая, но крепкая старушка. Обгоняя ее, идет розовощекий малыш лет семи — восьми, и у него рюкзак за плечами. Я спросил старика, что гонит его в горы в такую ненастную погоду. Он не без гордости ответил, что вот уже 60 лет, как вторая половина субботы и воскресенье используются им для спортивных походов — пешком или на лыжах. Не скрою: я, пятидесятилетний человек, с завистью посмотрел на своего собеседника и вспомнил фразу, оброненную кем-то из норвежских журналистов: «Норвегию трудно представить без спорта».

На улицах Осло я обратил внимание на школьников, которые продавали какие-то замысловатые значки. Я купил два значка. Норвежские товарищи объяснили, что этим я помог кому-то из детей купить лыжи. Оказывается, сбор от продажи этих значков идет на приобретение лыж школьникам, родители которых не имеют на это средств. В норвежских школах без лыж так же, как без учебников, не представляют себе ни одного ученика.

Вместе с тысячами горожан, отправившихся в это воскресное утро в поход, мы тоже оказались за городом. Наши любезные хозяева — руководители прессы Рабочей партии — пригласили нас на завтрак в ресторан, расположенный высоко на холмах, у подножия которых в голубоватой дымке расстилался один из красивейших городов Скандинавии — Осло. За завтраком норвежские товарищи — главный редактор «Арбейдербладет» Ларсен, сотрудник этой газеты Саннэс и заведующий пресс-бюро ЦК Рабочей партии Брюнванд — вспоминали о своей недавней поездке по Советскому Союзу. Брюнванд и Саннэс много рассказывали о Магнитогорске, о молодежи этого города, очаровавшей их своей жизнерадостностью. Говорили о дружбе наших народов, их миролюбии, их желании быть добрыми соседями. Разговор этот, начатый в ресторане, в тот же день был продолжен в загородном домике секретаря ЦК Рабочей партии Хокона Ли, пригласившего нас в гости.

Хокон Ли много и с увлечением рассказывал нам о внешней политике Норвегии, о миролюбии норвежского народа. Он говорил, что если предки — викинги — когда-либо и брали оружие в руки, то только для того, чтобы добыть хлеб. Рассказывал, что хлебом страна и сейчас небогата, что своим хлебом она может удовлетворить только 10 процентов потребности населения.

Когда мы спросили, почему же Норвегия с ее миролюбивым населением вступила в такую агрессивную организацию, как НАТО, Хокон Ли объяснил, что норвежцы немало хлебнули горя от фашистской оккупации и решили, что нужно больше внимания уделять обороне. Мы заметили, что НАТО все же мало похожа на организацию, которая преследует оборонительные цели. Вступление Норвегии в НАТО, насколько нам известно, не принесло народу ничего, кроме увеличения налогов. Хокон Ли ответил, что норвежский народ сейчас не очень одобряет это решение. В этом мы убедились впоследствии, беседуя с норвежскими рабочими и служащими. Занятые мирным трудом, они весьма недоброжелательно отзываются о НАТО и о попытках некоторых норвежских деятелей разжечь военный психоз. А нужно сказать, что такие попытки имеют место. В печати, например, широко обсуждаются планы эвакуации населения крупных городов в случае нападения.

Народу только не совсем ясно, от кого, собственно, собираются оборонять Норвегию. На этот вопрос отвечают неохотно, хотя всегда указывают на восток.

Буржуазная пресса полна всяких клеветнических измышлений об СССР. В дни нашего путешествия по Норвегии газеты консерваторов вылили немало грязи на Советскую страну, публикуя тенденциозные сообщения о венгерских событиях. К сожалению, не удержалась от соблазна принять некоторое участие в этом хоре и рабочая пресса.

Не очень это вязалось с элементарными законами гостеприимства. Но что поделаешь! Нам все же кажется, что это — лишь временное недоразумение, вызванное безудержной дезинформацией общественного мнения реакционной прессой. Будем надеяться, что все эти недоразумения прояснятся. Время, как говорят, самый лучший доктор. Правда восторжествует, а правда — это искреннее желание народов жить в дружбе.

Дружба, скрепленная кровью

Утром 3 ноября мы предприняли поездку на север. В Тронхейм мы прибыли во второй половине дня. Этот небольшой, чистенький городок — ровесник Москвы. Сейчас это областной центр. Жизнь городка течет тихо и размеренно, как идут старинные ходики, без звона. Впрочем, в дни нашего пребывания звон был. В роли звонарей выступала реакционная буржуазная пресса, поражавшая своих читателей лживой информацией о событиях в Венгрии, со ссылками на «самые достоверные источники».

В Тронхейме делегацию рабочей прессы СССР первыми встретили представители именно этих буржуазных газет. Они сфотографировали нас, взяли краткие интервью и удалились. При этом один из газетчиков был явно в нетрезвом виде.

Наутро мы прочли в консер-

вативной газете «Адрессеависен» следующее сообщение: «В Тронхейм прибыли русские редакторы: Бурков Б. С. — редактор газеты «Советский флот» — и Московский В. П. — редактор вновь организуемого партийного журнала, который будет заниматься вопросами большевистского воспитания молодежи».

Мы прочли, улыбнулись и поздравили друг друга с новыми назначениями. По одному этому сообщению нетрудно было представить те «достоверные источники», из которых черпались небылицы о венгерских событиях.

Кто-то из нас заметил, что теперь следует ждать сообщения тронхеймской газеты о прибытии вслед за редактором «Советского флота» советских линкоров. Врать так врать!

Нас пригласили познакомиться с достопримечательностями города. Из музея народного искусства мы пошли в Тронхеймский собор, где нас встретил архитектор Вильгельм Свансэн.

В соборе хранится Королевское знамя, с которым король в годы немецкой оккупации покидал свою страну и с ним же вернулся на родину, когда фашистская армия была разгромлена советскими войсками. Здесь же висит флаг английского военного корабля, на котором король Норвегии прибыл из Англии на родину.

Кстати, о флагах. Хочется отметить одну хорошую традицию: в Норвегии каждое событие, не только общественного значения, но и личного, отмечается вывешиванием государственного флага. Исполнилось 20 лет какому-либо селу — и над всеми домами красуются государственные флаги; в семье родился сын или дочь — и над домиком поднят государственный флаг. Пришли в дом желанные гости — и в центре стола ставится государственный флажок, зажигаются свечи.

Но вернемся в собор. Во многом он напомнил мне храм святого Вита в Праге. Выдающихся произведений искусств здесь не так много, и рассказать особенно не о чем. Но здесь мы узнали историю жизни главы этого собора епископа Фьельбю. В годы фашистской оккупации он был одним из руководителей движения сопротивления фашистским оккупантам в тронхеймском округе. Секретарь ЦК Рабочей партии Дюрендаль рассказывал нам, как в 1943 году он нелегально доставлял епископу указания из центра сопротивления. За этот подвиг епископ Фьельбю пользуется большим уважением у населения.

На территории собора высится гранитный обелиск — памятник жертвам борьбы за освобождение Норвегии от гитлеровцев. Здесь похоронены и коммунисты, и члены Рабочей партии, и беспартийные патриоты Норвегии. Мы склонили головы и долго стояли в молчании.

В Норвегии много памятников и памятных мест, напоминающих о совместной борьбе народов наших стран с фашизмом. В Осло, на Западном кладбище, на сером обелиске с фигурой советского воина высечена трогательная надпись: «Норге таккер дэрэ!» — «Норвегия благодарит вас!». Это памятник доблестным советским воинам. Их фотографии бережно хранятся во многих и многих домах норвежцев.

В Тронхейме мы побывали в квартире Людвига Дюрендаля — отца секретаря ЦК Рабочей партии. Гитлеровцы бросили старика в концентрационный лагерь. Его вдова бережно хранит как дорогую реликвию фотографию. Вот ее муж — член Рабочей партии Людвиг Дюрендаль, рядом с ним узники лагеря — русские воины Александр Макеев, Алексей Постнов, Михаил Мускин, Андрей Лабунский. Здесь же — югослав Любан Вухович и норвежцы Кристиан Эвренес, Вольдемар Люнд, Ульсен, Херман Отт (последние два — коммунисты). Любопытна история этого снимка. В лагере находился и норвежский художник Бьеркан. Он украдкой рисовал портреты узников. Бьеркану как-то удалось переправить эти рисунки норвежскому патриоту Мьесюнду. Тот смонтировал их на листе бумаги, в центре которого поместил и зарисовку лагеря с колючей проволокой. Монтаж этот впоследствии был сфотографирован и снимки разосланы бывшим узникам.

Многие норвежцы — и в Тронхейме и в Осло — упрекали советских военнопленных, находившихся в Норвегии. Жили, говорят, вместе долго и дружно, укрывали мы их от гитлеровцев, а уехали домой — и письма не напишут. Обижались, конечно, дружески, но обида эта справедливая. И прислушаться к ней следовало бы. Речь-то идет о дружбе, скрепленной кровью!

В гостях у шахтеров

Рано утром на машине «Победа» мы ехали дорогой, ведущей на Киркенес. Узкая, извилистая дорога. С одной стороны воспетые Ибсеном высокие скалы, с другой — глубокие заливы: фиорды. Они прижимают дорогу к скалам, и поездка на машине в этих местах не доставляет большого удовольствия.

Наш шофер — пожилой, высокого роста и крепкого телосложения норвежец — вел машину со скоростью 50 км в час. Дорога, на которой машину качало по горизонтали и вертикали, не располагала к беседе. Зато на недолгих остановках мы спешили вдоволь наговориться. Я как-то спросил шофера, нравятся ли ему наши машины. Он сказал, что «Победу» в Норвегии предпочитают многим другим иностранным маркам, что у нее хороша скорость, а главное — прочность и проходимость. Поэтому норвежцы охотно покупают «Победы». «Победа» и «Москвич» в Норвегии действительно встречаются нередко и на шоссейных дорогах и в городах.

После 4 часов пути мы остановились у небольшого красивого домика. Это контора железорудных разработок. Вдали, на склоне гор, живописно раскинулся шахтерский поселок. Внизу — воды фиорда.

Шахта «Фаускебергверк» вступила в строй 50 лет назад. Хозяином ее длительное время было одно иностранное акционерное общество. Сейчас это — государственное предприятие, дающее ежегодно 500 тысяч тонн руды.

На шахте нас любезно встретил главный инженер господин Карстерс. Это веселый, любящий острое слово и шутку человек лет 35 от роду.

Ознакомление с шахтой решено было начать со специального кинофильма, заснятого в связи с ее 50-летием. После просмотра нам дали шахтерскую одежду, и мы спустились под землю. Длина шахты — 8 километров. Руда залегает на глубине 750—800 метров. Техника здесь не нова, и поэтому нет необходимости заниматься ее описанием.

Около 5 часов продолжался осмотр шахты. На глубине 800 метров, под каменными скалами, мы чувствовали себя неплохо. Неприятности доставляла лишь сочившаяся сверху вода.

Инженеры и шахтеры подробно объяснили и показали весь процесс добычи и очистки руды. На предприятии, по словам инженера, работает 650 человек, из них 400 — шахтеры. Ну, словом, шахта как шахта, ничего выдающегося под землей мы не увидели. На поверхности, рядом с выходом из шахты, нам понравились шахтерская баня и душевая комната. Надо сказать, здесь созданы завидная чистота и большие удобства.

После осмотра шахты нас пригласили на обед. Беседовали мы тут на самые различные темы. Много и не без гордости рассказывали нам руководители шахты что им вместе с профсоюзной организацией, муниципалитетом поселка, используя также и некоторую дотацию от правительства удалось значительно улучшить жилищные условия горняков: с 1947 года, то есть за послевоенный период, в поселке построено 200 новых квартир. И действительно, в поселке заметно выделяются новые деревянные домики. Я не хочу умалять достижений руководства шахты в жилищном строительстве. Но внимание мое привлек не размах строительства, ибо 200 квартир за 10 лет для поселка, в котором 3 тысячи жителей, не так уж много. Мне понравились качество строительства и удобства, которые созданы в этих квартирах. По площади эти квартиры не велики. Но здесь все необходимое для человека, здесь все удивительно удобно и удачно размещено. И мне думается, было бы не плохо, если бы наши строители позаимствовали некоторый опыт у норвежцев.

Вечером мы побывали в семьях шахтеров. Нас интересовало, как и чем они удовлетворяют свои духовные запросы, сколько зарабатывают. Последнее нас интересовало в связи с тем, что мы слышали много разговоров о высоком уровне жизни в Норвегии.

Какое же впечатление произвело на нас знакомство с жизнью норвежских рабочих? Скажу откровенно. Живут люди в труде и заботе о своей семье. Легенды о молочных реках и кисельных берегах создают не рабочие, а их хозяева. Вот что рассказали нам рудокопы.

Рудокоп Фюран, ему 52 года. На этой шахте работает 8 лет. В месяц зарабатывает 1 000—1 100 крон. Налог составляет 30 процентов, двухразовое питание в столовой обходится 6—7 крон в день. Из оставшихся денег нужно уплатить за комнату, взносы в профсоюз, надо помочь сестре и брату, которым тяжеловато живется.

— Позволить себе что-либо сверх этого,— говорит Фюран,— я не имею возможности.

Квалифицированный рабочий Хансен. На его иждивении жена и двое детей. Он зарабатывает 1 100—1 200 крон, платит тот же налог, что и Фюран. По самым скромным подсчетам, на питание, одежду и удовлетворение культурных запросов семьи, если вычесть обязательные расходы на квартиру, отопление и освещение, взносы и прочее, у Хансена остается 700 крон. Если бы семья Хансена решила пользоваться столовой при шахте, то этой суммы ей не хватило бы. Но так как они питаются дома и умеют экономить, то живут, как они говорят, нормально.

Это примеры из жизни высококвалифицированных шахтеров. Но на шахте много и таких, которые зарабатывают по 800 крон в месяц.

Цены на продукты в Норвегии не такие уж низкие, чтобы рабочий мог позволить себе роскошную жизнь. Мясо стоит от 10 до 12 крон килограмм, а масло — до 20 крон. Один служащий мне рассказывал, что у него семья небольшая, но сливочное масло они покупают только для детей.

Конечно, лет двадцать назад в Норвегии бедность была более заметна, заметнее она была и после войны. Сейчас уровень жизни стал выше. Но с повышением заработной платы идет и повышение цен. И если 1949 год взять за 100 процентов, то к 1956-му прожиточный минимум возрос до 150 процентов.

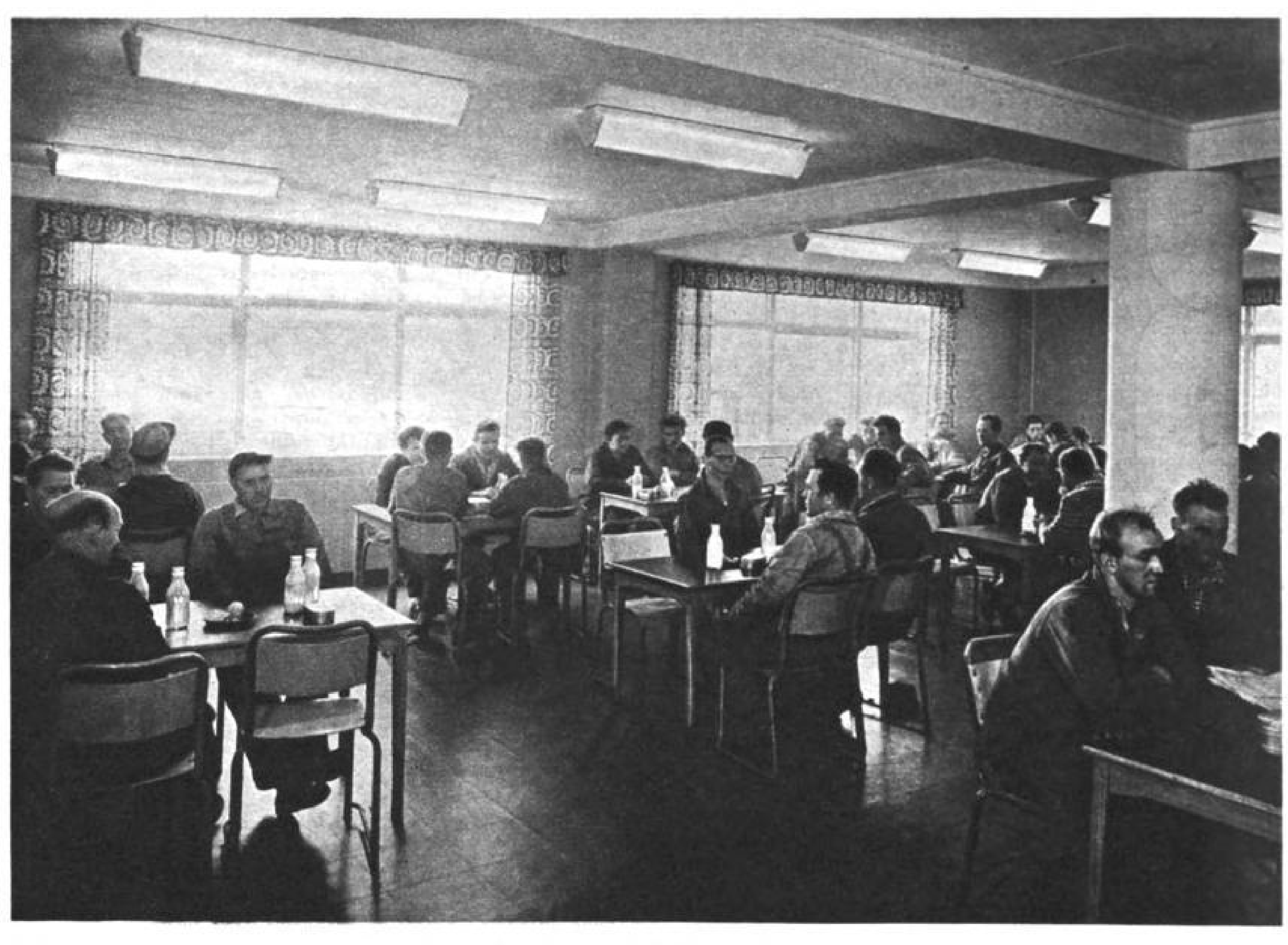

Осло. У Королевского дворца.

Что же касается удовлетворения духовных запросов, то внешне здесь дело обстоит благополучно. Те же шахтеры говорят, например, что они могут раза три в месяц, а то и больше посмотреть кино. Но вот небезинтересно, что́ они смотрят. Америка заполонила своими фильмами Норвегию. В этих фильмах и показ беззаботной жизни, и потусторонний мир, и закулисная жизнь американских актрис, и пьяные оргии с драками ковбоев. Ассортимент для трудового семейного человека, как говорят, такой, что ничего лучшего не придумаешь для того, чтобы опустошить его душу и отравить сознание.

Для более полной картины надо несколько слов сказать о пенсиях в Норвегии. Пенсию здесь назначают шахтерам, достигшим 65 лет, а всем остальным рабочим и служащим — после 70 лет. Пенсии — от 250 до 500 крон.

Для примера приведу некоторые данные о бюджете пенсионеров. Пенсионерке Милли Карсен 72 года; всю жизнь она проработала продавщицей в магазине готового платья. Два года тому назад ее перевели на пенсию — ежемесячно она получает 262 кроны. По ее словам, на скромное питание она расходует 160 крон в месяц, за комнату платит 34 кроны (это в городе Осло). Значит, на покупку одежды и обуви остается 66 крон. На эту сумму она может купить ботинки на резиновой подошве, если же потребуется купить пальто, нужно копить в течение 6—7 месяцев.

Завтрак в шахтерской столовой.

В одном доме с Милли Карсен живет 84-летний Фоль Хауг. Его жене 74 года. На двоих они получают пенсию в 400 крон. За комнату платят 55 крон. На питание уходит около 300 крон. На все остальное — 45 крон.

Так живет трудовой человек Норвегии. Живет, работает, но бывает, что иногда всерьез напомнит обществу о своем существовании.

В 1956 году совершенно неожиданными для правительства были 3 крупные забастовки. Бастовали строительные рабочие, бастовали лесорубы. Они требовали увеличения заработной платы. Предпринимателям пришлось уступить. Строители добились увеличения заработной платы на 5 процентов, а лесорубы — на 7 процентов.

Хорошие люди на шахте! Они любят работу, но умеют и пошутить. Инженер Карстерс, который любезно принимал нас, — веселый и жизнерадостный человек. Мне очень понравились его шутки за чаем.

Мы спросили, почему он беспартийный при таком множестве партий в Норвегии. Он ответил, что в программе каждой из партий ему нравится по одному пункту. Вот если бы эти пункты объединить, то получилась бы программа, которая удовлетворила бы его, и в партию, которая дала бы такую программу, он вступил бы.

Присутствовавший на беседе другой инженер, член консервативной партии, заметил, что норвежская Рабочая партия, борясь за повышение заработной платы рабочих, оставляет на старом уровне заработную плату инженеров. Этим она-де невольно помогает тому, что лучшие инженеры из Норвегии бегут в Англию и Америку. На это Карстерс заметил: «Значит, мы с тобой, видимо, самые плохие инженеры, если остались в Норвегии».

В тот же вечер мы осмотрели школу в поселке. Она нам очень понравилась. 28 классных комнат. Каждая из них рассчитана на 30 учеников. Парт нет. К услугам ученика полированный столик и стул к нему соответственно возрасту. В классе в нишах — два умывальника для мытья рук и фонтанчики для питья воды. В стену красиво вделаны 30 закрывающихся шкафчиков: ученики хранят тут учебники, чтобы не таскать их домой без надобности.

В школе существует специальный класс для слаборазвитых детей, в котором обучают их год или два, чтобы подтянуть до уровня нормально развитых. Если за этот срок поправить дело не удается, то такого ученика направляют в специальную школу.

Продуманно использован первый этаж школы. В одном крыле — класс для обучения девочек шитью с 5 швейными машинами, класс обучения кулинарии. Здесь 10 хозяйственных столиков и такое же количество шкафчиков, 5 электроплиток. Дети занимаются тут три часа в неделю, продукты отпускает местное самоуправление. В другом крыле школы — класс с несколькими стиральными машинами, столярная мастерская с 30 верстаками и массой оборудования. Тут тиски, наковальни, сварочные и паяльные аппараты, сверла, рубанки, кузнечный горн и масса чертежей. Рядом большая комната со строительными материалами и неоконченными изделиями.

За стеной большой спортивный зал. Рядом с ним — две душевые комнаты для мальчиков и девочек, парильное отделение наподобие русской бани и бассейн для плавания.

В каждом классе — репродуктор. Коллективное слушание радиопередач для детей входит в расписание занятий. Вот маленькая выдержка из расписания передач:

«2. XI. Сцена из пьесы Ибсена «Бранд». 3. XI. Очерк «Семья на отдыхе». 6. XI. О безопасности на транспорте. 7. XI. Новости из шахтерского городка «Сауди». 9. XI. Ответы на вопросы детей. 10. XI. Народная музыка. Композитор Григ».

В школе обучается 500 детей. Во всей системе обучения и воспитания большое место отводится физкультуре и спорту.

Много хороших школ и у нас в Советском Союзе. О них рассказала читателям в большой статье газета «Арбейдербладет» — газета Рабочей партии. Норвежцам многое понравилось в наших школах. Обмен опытом в строительстве школ — дело, на мой взгляд, очень полезное.

Норвегию посещают туристы разных стран. Во многих странах бывают и норвежские туристы.

— За последние годы, — говорили нам официальные норвежские лица, — наши туристы больше всего ездят в Италию: недорого обходится, и страна красивая.

Эти же лица рассказывали, что большая тяга у туристов и в СССР, но их несколько сдерживают валютные расчеты. Не стоит ли советским товарищам, говорили нам норвежцы, несколько упростить прием туристов.

— В Советской стране туристам, как дорогим гостям, предоставляют лучшие, а следовательно, и дорогие гостиницы, — говорили нам в Осло. — А мы, норвежцы, разрешаем туристам в летнее время располагаться просто в палатках. Может, и советскому «Интуристу» подумать об этом? Это в значительной степени удешевит поездку в СССР, а желающих очень много.

— А вот в Испанию, — рассказывали нам норвежские товарищи, — несмотря на то, что и обходится дешево, никто не желает ехать. Не любят норвежцы франкистскую Испанию, говорят, что многое напоминает в ней гитлеровскую Германию, а от одного упоминания о гитлеровцах норвежца коробит.

Как-то мы поездом направлялись в город Хамар. Разговор шел о войне и тяжелых годах фашистской оккупации. Когда поезд вынырнул из тоннеля, наш спутник-норвежец рассказал историю, якобы случившуюся именно на этом перегоне в годы войны с фашистской Германией:

— В купе вагона сидели мать, дочь, молодой норвежец и немецкий солдат. Когда поезд вошел в тоннель, в купе раздался звонкий поцелуй, а вслед за ним более звонкая пощечина. Мать подумала, какая гордая и смелая у нее дочь: за поцелуй дала пощечину нахалу немецкому солдату. Дочь, в свою очередь, удивилась: до чего же бессовестный этот фашистский солдат, пристает к моей матери! А на самом деле это молодой норвежец, пользуясь темнотой, поцеловал свою руку и дал фашисту пощечину. Фашистский солдат подумал: «В этой стране за все отвечаю я».

Я слыхал этот анекдот в Москве, хотя и в несколько ином изложении, но промолчал, видя, что норвежец получает большое удовольствие, рассказывая нам эту историю...

Провожали нас руководящие работники прессы Рабочей партии Уна и Дюрендаль. Они многое сделали для того, чтобы наше пребывание в Норвегии было приятным и полезным. Мы пригласили их провести летний отпуск в Советской стране. Они не возражали, но заметили: а как обстановка?.. Мы сказали, что у нас обстановка устойчивая, гости могут быть спокойны. Неподходящей обстановки у нас никто не создает. Приезжайте, товарищи!

И. И. Гармаш (в центре) и секретарь парторганизации колхоза «Советская Россия» В. П. Межерицкий беседуют с передовыми доярками (слева направо) Татьяной Шведовой, Раисой Ермаковой, Марией Калашниковой и Лидией Добрян.

В ЗАУРЯДНОМ РАЙОНЕ...

Георгий РАДОВ

Фото В. Темина.

Федин крах. Косточка

Станица Павловская лежит на полдороге из Ростова на Краснодар. Нет, это еще не тот благословенный край, где оглоблю воткнешь, а тарантас вырастет. Случаются тут и недороды. И суховеи, «запалы», «захваты», а то и черные бури налетают на урожай. И люди тут живут победней, чем на юге Кубани: не та земля, не тот климат. И не ездят сюда ни туристы, ни делегаты, ни ходоки за опытом. Проложили через район не один, а два асфальтовых тракта, но и это не помогло — мимо, мимо, на юг несутся машины. Выпрыгнет из автомобиля какой-нибудь дальний странник в клетчатых штанах, раскурит трубочку, осмотрится: степь, унылая степь вокруг — и машет шоферу: «Дальше, дальше... Неяркий район!»

В этот раз, вновь собираясь в Павловскую, повстречал я на перекрестке знакомого краевого служащего, одного из тех провидцев, что всегда «в курсе», «в фарватере» и по легчайшему дуновению ветра угадывают предстоящие громы на районных и краевых небосклонах.

— Господи! — всплеснул он руками.— Куда тебя несет! В Павловскую?! Заурядненший же район. Только-только секретарю и председателю влепили по выговору за кукурузу. Что там у них показательного? Была слава — и ту не берегут, топчут, гробят...

— Какую славу топчут?

— А Федю забыл? Фу ты, боже мой, какой Федя?! Да единственный же у них был стóящий председатель — Гончаров Федор Прокофьевич в «Комсомольце». Ка-кая была слава! Герой, депутат, в Кремлевском дворце в президиуме сидел... А что за колхоз был! Картинка!.. Миллионы! Весь район его славой грелся. Уж к тому-то ездили гости! Про того писали! И не заметочки, а целый номер журнала московского был ему посвящен от корки до корки. А люди его как любили! Восемнадцать годочков человек председательствовал, и хотя бы одна рука поднялась против. И пожалуйста — гробанули! Придрались к какому-то пустяку, сняли, кинули на кирпичный завод... Не к кому теперь ездить!

Собеседник мой поморщился, махнул рукой и посоветовал:

— Езжай лучше в Григорипольсскую, на Ставрополье. К Лыскину. Тот пока в зените...

Но я не послушался и в тот же вечер, сойдя с асфальта, уже месил жирную, чавкающую грязь главной станицы «заурядненшего» района.

— Хороши ли дела у нас? — переспросил Иван Степанович, знакомый станичник.— А ты с какой стороны на них глядеть будешь? Райончик-то наш вон какой: ни передний, ни задний, а так — середина наполовину. И хорошее найдешь, ну и если за плохим погонишься, пустым не вернешься.

Мы сидели за дальним столиком гудящей голосами районной чайной. Собеседник мой швырнул в пиво горсть соли, помолчал, пока отбушевала пена, обтер усы. Я спросил, а как, по его мнению, крах Федора Гончарова — это что: хорошо или плохо? Сняли-то его, говорят, за пустяки?

— Ага, почти что за пустяки. Не миллион украл. Всего-то и навсего полтонны свинины выписал незаконно. Муку колхозную под видом своей погнал на дальние рынки. Сходи, как раз судят их. Не-ет, его пожалели! Бухгалтер с кладовщиком сели на подсудимую скамью. Стрелочники!

В крохотном зальце районного суда Федор Гончаров, огромный, с толстой шеей, в нарядном пальто и полувоенной фуражке, виновато косясь на осунувшегося бухгалтера, давал свидетельские показания.

Ох, сколько тонн свинины и другого добра отвалил бы он, кажется, только бы не срамиться перед станицей, в которой вырос, из кузнецов вышел в председатели, герои, депутаты!.. Но судьи смотрели строго, и надо было отвечать.

— Да, взял... Выписывал... Продавали... Теперь грóши пришлось возвернуть... Восемнадцать тысяч...

— На чем попався! — брезгливо шепнула мне соседка, пожилая колхозница.— На чем попався! Полтонны свинины... Мукá... Жадность клятая! Жил, как бог, никто так в станице не живет. На чем попався!..

Полчаса спустя мы встретились во дворе суда. Говорить было не о чем, но и разойтись молчком было неловко. Гончаров первый нарушил молчание.

— Ничóго! — сказал он с напускной бодростью.— Ничóго! Гончарова, куда ни кинь, зробит... Всучили кирпичный завод, такой шараш-монтаж, не приведи! А что? Наладил, аж гай шумит! Полный порядок!

Он приосанился. Голос зазвучал громче, увереннее, как в былые времена. Но тут — и надо ж ей было! — подошла женщина с заплаканными глазами.

— До вас, Прокофьевич! Непорядок у нас на заводе... Помощнички ваши... техноруk... пьют...

Гончаров побагровел.

— Ладно, иди, разберусь.

— В конторе пьют. Денно и нощно. Меня из хаты гонят. Кирпич тянут...

— Ладно, сказал! — Гончаров притопнул ногой.— Иди!

— Так на что ж они пьют? Не на казенное? Где гроши?..

— Тьфу, мать вашу!..— Взбешенный Гончаров сплюнул, резко повернулся и пошел прочь.

— Эх, ты! — с веселой укоризной сказал женщине молодой казачок.— Оконфузила Федю. Только он раскудахтался насчет порядка... Люби-итель покрасоваться! И суд не выучил...

С тяжелым сердцем покидал я суд. Сколько лет гремел человек, целое поколение выросло при нем в колхозе, и вот рухнул так глупо... Да что же это для района: поражение или победа?

— Не разобрал? — с укором сказал Иван Степанович, когда мы встретились в конторе.— Эх, вы! Сами же Федю выдумали, а теперь в толк не возьмут, что с ним случилось: не то зазнался, не то заелся. А он ни черта не переменился. Как в песне поется: каким ты был, таким ты и остался. Был малограмотный, в политике не сильный, жадный, заносчивый, грубиян до мозга костей, таким и в славу вошел, таким из нее и выскочил.

— Да что ж он, хозяин был плохой?

— Хозяин он был вот какой... Цепкий, не скрою. Разумел, что почем, и где что достать, и кому сколько дать. Коммерсант из коммерсантов — на том и держался. Вот, положим, Иван Гармаш в Старо-Леушковке берет с гектара по сто пудов пшеницы. А Федя по девяносто берет на круг. Кто должен быть богаче? Гармаш? Э, нет! Гармаш-то — мужик государственный, шило на мыло не переводит, продает свою пшеничку казне. Добрые грóши берет, богатеет. А Федя? Этот в Мурманск, на рынок, гонит вагон за вагоном: пшеничку же там не сеют, за Полярным кругом, мука там в цене! И что ж оно получается? Гармаш за свою пшеничку берет полтора миллиона, а Федя, хоть пшенички у него было и поменьше, гребет два с половиной миллиона! Тем держался! А еще горлом. Крикнет, стукнет по столу и глядит: чи его слухают, чи не слухают. Того, кто слухает, поближе к себе, кто не слухает, долой! То выдвинет, то переведет, то «по собственному желанию». Тем жил...

— А слава?

— Гипноз! — сказал Иван Степанович решительно.— Самогипноз! Сами же Федю выдумали... Соблазнились: как же так, мол, в Курганной Табаков гремит, в Брюховецкой — Буренков. А мы что, у бога теленка съели? Давайте свою фигуру вознесем. И вознесли Гончарова. И в герои его, и в депутаты, и туда, и сюда... Ну, а раз вознесли, какой же может быть намек на то, что он и спекулянт, и грубиян, и жадюга? Понимаешь, сами Федю выдумали, сами причепурили, и сами же на него молиться стали. А что, не было в ту пору людей поумней Федора? Были! И председатели были умные, государственные, скромные. И колхозы были такие, что без обману давали казне и хлеба побольше, и молока, и мяса. Но кто же о них знал, когда одна федина фигура торчала над районом! И московские и краевые гости — и они одному Феде поклоны били. Нет, чтобы приехать в колхоз, да потолковать с рядовыми людьми, да рассудить, разузнать, куда их Федя ведет и как ведет... Куда там! Приезжали к одному Федору Прокофьевичу. С ним с одним беседы вели, да

с теми, на кого он укажет. А он насчет этого не будь дурак: соображал, каким местом гостям показаться, а какое прикрыть...

— Значит, если Гончаров свинины бы не выписал, так бы он и командовал «Комсомольцем»?

— Нет,— качнул головой Иван Степанович.— Раньше раскусили.

— Кто?

— А вот! — Мой собеседник придвинул счеты и так ударил по косточке, что она взвизгнула и бешено завертелась на медном стерженьке.— Косточка! Считать научились. Ты не читал книжки нашего секретаря райкома Николая Михайловича Архипенко? Вот видишь, район вроде неяркий, а уже и книжка выпущена в назиданье другим. Про это, про косточку. То, бывало, как районное начальство проверяло фермы? Заезжают, допустим, к тому же Гончарову, идут в коровники. Чистота! Блеск! Доярки в халатах, стены побелены, коровам хвосты замыты. «Ну, добре, Прокофьевич, молодец! Так держи». А тут начали вклевываться в самую суть: сколько на один трудодень животновода выходит с фермы продукции? Т-так, на три с полтиной? А сколько ты животноводам выдаешь на трудодень? Пять с полтиной? Это что ж выходит: на каждом трудодне два карбованца убытка? Чем покрываете? Спекуляцией? На чем? На зерне? Не годится!.. Либо так: почем тебе свинина обходится? Сколько трудодней тратишь на центнер? Сто двенадцать? Да это ж золото, а не свинина! А как же сводишь концы с концами? Опять спекуляцией? Пошла в ход косточка... В два счета раскрыла, что федина слава дутая.

Диденко латает...

На гончаровском месте теперь сидел Диденко Павел Петрович.

Я давно знал этого человека. Так же, как Гончаров считался богом коммерции, Павел Диденко слыл богом строительства. Десять лет директорствовал он в МТС и, можно сказать, на голом месте возвел такую станцию, что, ей-ей, объехав весь юг, я редко встречал что-нибудь похожее. А строил-то он в тяжелые годы. На строительство в МТС выделяли крохи. «Ты где берешь гроши, черт?!» — недоумевали ревнивые соседи, у которых и мастерские были убогие и комбайны стояли под снегом. «Та у вас же я и беру! — смеялся Диденко.— Вы же строить не хотите, подрядчиков дожидаете, а что ж грóшам пропадать?» Широкогрудый, приземистый, боксерского сложения, он в конце года входил в кабинеты краевых начальников и гневно шумел: «Это что ж делается? Сам не гам и другому не дам? Кто-то шалберничает, деньги у него пропадают, а нам не даете?» Краевые начальники и сами видели, что год кончается, а многие нерадивые директоры не используют кредитов. «А ты сумеешь использовать? Смотри, месяц остался!» «До копеечки!» — уверял он и брал десятки тысяч и на рысях рассылал помощников за цементом, лесом, шифером — и смотришь, к весне снимал лесà с гаража либо с навеса.

В последние годы он работал, что называется, играючи. МТС была налажена, люди уважали его, дело спорилось, жил он в собственном доме. Словом, имел человек насиженное место, приличное твердое жалованье, независимое от погод и непогод. С чего же его потянуло в колхоз, да еще с таким сложным наследством?!

Но с порога говорить об этом было неловко, я спросил по привычке:

— Строим, Петрович?

— Латаю,— сказал он хмуро.— Пока латаю...

Колхоз походил на больного, который уже встал с постели и до смерти рад, что опасность миновала, но ходит пока неуверенно, держась за стенки. Латали! Обновляли обветшавшие линии электропередач, рушили покосившиеся кошары, коровники, сдирали прогнившие крыши. Повеселевшие, ободрившиеся люди бойко рассказывали о «купецкой» линии Гончарова.

— Поля позанял черт-те чем! Зерновые сократил... Один расчет имел: на цену.

— Ох, он скотину не любил! Нет, чтоб кукурузой свиней кормить, так он ценой соблазнился, погнал ту кукурузу на север, а поросят — на базар... Потому и обходилась нам свининка по шестьдесят рублей за кило, что откорма не было. Цыган!

Диденко не поддерживал эту критику в задний след. Обрывал говорунов:

— А ну, хватит, герои! Что ж вы при нем молчали? Феди нема! Мы хозяева и хорошему и плохому.

И все твердил озабоченно:

— Латаем, латаем...

— Латает! — подмигнул нам старый казак, откладывая топор.— Н-ничего себе латочки! Сколько он у нас? Еще и полгода не минуло. А гляньте, какую птицефабрику под крышу подвел! Овечью ферму заново поставил... Пруд затеял, утей развел, грозится за год пятьдесят тысяч откормить, триста тонн свинины утятиной заменит! Доильный зал на молочной ферме закладывает, чтоб коров доить не в навозе, а на кафеле. Одних доярок сколько сократится!.. Огород на семеноводство переводит — о, то будут верные грóши, без спекуляции! Свинарники перестроил. На клуб начал камень возить. Латает! — ласково усмехнулся он, оглядев могучую фигуру Диденко.— Этот настроит, не будет цыгановать!

А сам Диденко, стоя на лесах птицефабрики, строения, которое вполне можно принять за крупный заводской корпус, отмахнулся.

— Это еще не строительство! С весны начнем... Довольно скотине хоромы городить! Овца и в саманной кошаре под камышом проживет, на то она и овца, животное. А вот детский сад поставим по-городскому, с шиком. Библиотеку сделаем, как положено быть, копейничать не станем. Клуб, школу на колхозные грóши. Тридцать лет без малого колхоз живет, а клуба нет... Эх, если б пораньше сюда придти!..— Он зажмурился.— Годы пропали...

Вечером мы вновь сидели с Иваном Степановичем. Он грыз мундштучок, косился на тучу, обходившую станицу с запада.

— Так, говоришь, бодрится Диденко? Ну, то он виду не подает! Сложненько приходится. Я тебе скажу, в отстающем колхозе, и то полегче, чем в таком набалованном. Он-то, Федя, с хитрецой жил. Колхоз под уклон катился, а он все-таки торговым рублем поддерживал трудодень. А авансы он как раздавал? По записочкам! Тому, кто потише,— четвертную в зубы, а крикунам, горлохватам, «активу» сотенными затыкал глотки. Чтоб молчали, за него тянули руки. На воровство, мошенство ноль внимания! Э, он сам жил и сынкам жить давал!.. А Диденко прикрыл эти процедуры. Завел ежемесячные авансы на трудодни. Получи, будь ласка, что заработано,— и квит! Ни полушки лишней! Горлохваты его, Диденко, видеть не могут. Порушил веселую жизнь... Это еще спасибо райкому, что догадался на федино место поставить такого мужика. Он же несъедобный, Павел Петрович. А, не дай бог, посадили бы молодого, слабенького — его бы федина гвардия без соли сожрала.

— Так это, значит, благо — федин крах?

— Не одно то благо, что Федя крахнул, а то благо, что климáт у нас новый в районе.

— Чем же он новый?

— А тем, что другой Федя теперь таким путем не вознесется...

— Это почему же? Косточка пошла в ход?

— Э, не одна косточка. Разберись! — приказал Иван Степанович и поднялся. Он торопился на фермы.

«Мы тезки»

Новый «климáт»... По правде сказать, в районе еще попахивало и старыми привычками. Мелькали фигуры, словно бы перенесенные из вчерашнего дня. Суровый, неприступный, сидел за столом начальник-громовержец, наотмашь рассекал ладонью табачный дым, шумел: «Ты способен выполнять? Способен? А выговора не хочешь?» Тягостная тишина повисла в кабинете, и не верилось календарю: какой сейчас год? Неужели пятьдесят шестой? Встретился другой начальник, «пассажир». Этот с утра отправлялся в колхоз, устраивался в задке председательской «Победы» и до вечера тенью следовал за председателем. Председатель работал, думал, отдавал команды — и он, «пассажир», районный товарищ, поддакивал. Председатель щупал кукурузные початки, сухие ли они,— и он, «пассажир», районный товарищ, щупал те же початки. Вечером вернулся в район, пожаловался приятелям: «Ох, притомился! Целый день мотался по степи! Эх, жизнь районная!..» А позже, на совещании, этот же «пассажир» поучал председателей: «Надо конкретно руководить! Вникать!..» Еще показался начальник — «рыцарь одной директивы». «Ты почему кукурузу не убираешь?» — наступал он на председателя. «Да вы поймите,— втолковывал ему председатель,— не одна кукуруза не убрана! Все в поле! Кукуруза и постоит три дня—ничего ей не сделается, не осыплется, не сгниет, а вот овощи пропадут. Сегодня всё бросили на овощи». «Ка-кие овощи?! — негодовал рыцарь.— Есть одна директива — про кукурузу! Бросить все!»

Но в пестрой картине жизни района глаз отличал и другое...

Оценивая перемены в районе, П. П. Диденко так сказал:

— Хозяиновать-то у нас начали не для профоpмы, а для дела...

— Что значит для дела?

— А вот что значит... Коров-то у нас раньше зачем держали? Будем честно говорить: для отчета... Единственные были хлопоты, чтоб не подохли коровы. И кормили их, заметь, для одной цели: для поддержания жизни... Летом кормили, чтобы зиму корова пережила. А сейчас зачем в семь раз больше кукурузы сеем? А силоса сейчас один колхоз закладывает больше, чем бывало у всего района. Для дела! Для молока! Так же и с прочим... Это, может, городскому человеку и в диковину, а от правды никуда не денешься: только второй год район занимается свиноводством для свинины. То держали свиней для счета, чтобы цифирью выхвалиться: столько-то, мол, свиней. Откорма-то фактически не было, был прокорм, а не откорм. А теперь глянь, как фермы строят. Поезжай в Ново-Пластуновку...

Неподалеку от Ново-Пластуновки, небольшой уютной станицы, в степи вырос городок. В районе гордо зовут его фабрикой мяса, и один газетчик-торопыга даже высмеял районных товарищей за гигантоманию: фабрика! А это и есть фабрика, без всяких натяжек. Она еще не готова, но шесть длинных корпусов полнехоньки. Кормоцех... Двухэтажное общежитие для рабочих... К этой фабрике и Диденко, будучи директором МТС, приложил руку — строили сами, по своему плану, не получили официально ни кирпича, ни грамма цемента. И вот уж дело близко к венцу: пойдет ежегодно на мясокомбинаты с одной этой фабрики по четыре тысячи свиных туш! Три миллиона получит колхоз!..

Хозяиновать начали для дела... Это и есть главный признак ново-

Передвижные домики для кур в колхозе «Советская Россия».

го «клима́та»? Нет, все-таки хотелось найти в «заурядном» районе еще одно: колхоз, так сказать, всесоюзного веса! Я обратился к старому советчику, Ивану Степановичу.

— Еще чего! — рассердился он.— Один Федя крахнул, так вам нужна для звона другая фигура? Не скажу! Ишь, повадились! Да ты пойми, в том-то и соль, что сейчас колхозы подравниваются! То было так: один колхоз цветет, а рядом десяток на ладан дышит. А зараз? Что характерно? Одиночки? Да нет же, общий взлет! А вы повызубрили десяток фамилий: Дубковецкий, Прозоров, Пузанчиков, Лыскин, Омельченко, Свечников,— только про них и звоните! А пора другая! Если хочешь, у нас есть колхоз не хуже, чем у Лыскина, а о нем молчат.

— Ну-ну! — не поверил я, зная, как хорош ставропольский колхоз «Россия».

— Вот тебе и «ну-ну»! Был я в «России», записывал — хороший колхоз. Но сколько он дает молока со ста гектаров? А мяса! То-то же! А наш Иван Исаевич Гармаш дает больше. И колхоз у него по плечу «России» — восемнадцать тысяч гектаров пашни...

В Старо-Леушковке я не бывал давно. Когда-то эта станица была запущена, бурьянами поросли пустыри. И вот мы въехали в улицу — и замелькали дома новой постройки с двускатными крышами — таких раньше не делали на Кубани...

— Много? — спросил я у Гармаша.

— Новых? За два года пятьсот восемьдесят. А всех дворов в колхозе тысяча двести.

— Почти половина колхозников обновила дома?

— Жить надо! — твердо сказал Гармаш.— Не все ж бедствовать! Если хозяин новую хату ставит,— жить собирается.

Черночубый, осанистый, еще молодой, Иван Исаевич Гармаш из тех председателей, чьи плечи год от года испытывали новым грузом. Руководил небольшим хорошим колхозом — укрупнили, добавили две артели, разбитые в пух. «Переварил» их Гармаш, подобрался к первой строке районной сводки, а в этом году новое укрупнение — еще два колхоза подкинули, последние из отстающих. И их «переварили». И хотя чуть не всех дойных коров из тех колхозов пришлось перевести «на колбасу» — так они были плохи,— опять Гармаш дает молока больше, чем любой колхоз района, и действительно больше, чем колхоз «Россия».

— Нам с ними с руки соревноваться, мы тезки,— смеется Гармаш.

Да, тезки: старолеушковский колхоз недавно принял новое название — «Советская Россия»...

В увядшей осенней степи увидел я высокое строение. Безлюдно было вокруг. Но под крышей стрекотали машины, шелестели ремни. Подкатил грузовик. Шофер выскочил из кабины, подвел к кузову рукав, и струя черных подсолнухов загрохотала по дну самосвала. Что такое? Ток! Еще недавно тут было шумно: полсотни мужчин и женщин, надсаживаясь, крутили ручки веялок, мелькали лопаты. Теперь всем управлял один парнишка-механик. Автоматический ток... Что ж, и в «России» еще прошлым летом мы видели такой же. Там стояла сортировка, кажется, сальского завода. А тут? Какой завод подарил району такое чудо? А никто не дарил. Сами в районе выдумали конструкцию, сами открыли межколхозный завод, сделали семнадцать автоматических токов. Около тысячи колхозников в страду были высвобождены для другой работы...

— Не радуйся,— осадил меня Гармаш,— что сами сделали! А что это, от хорошей жизни мы, хлеборобы, стали металлистами? Машины строим в станице! Да мы же кустарничаем! Эти тока нам в копеечку обошлись. Настоящий завод их бы вдесятеро дешевле выпускал. Не радуйся, подумай...

Старое. Новое

Вот так, невзначай, начался у нас разговор о старом, которое не хочет уступать места новой, свежей струе...

— Техника...— задумчиво сказал Гармаш.— Ох, как же они медленно поворачиваются, товарищи хозяйственники! Ты видел наш четырехрядный коровник? Красавец! Триста коров поставило под одну крышу. А где подвесная дорога? Нема! Измельчатели кормов? Нема! Нарасхват! В край ездил, министру писал. Нема! Да что это, «ТУ-104»? Редкость? Неужели уж этим нас не могут снабжать заводы? Не верю! Какое-то там колесико заржавело в аппарате. Директивы-то давно даны...

Позже мы сидели на молочной ферме. Рядом два скотника разгружали арбу. Звонкие кавуны падали наземь, кровянилась сахаристая мякоть.

— Вот еще,— строго сказал Гармаш,— сбыт продукции! Коров кормлю великолепным сахарным кавуном, а где-нибудь в Вологде его бы с руками оторвали. Когда сбыт наладим? Столько овощей гибнет в колхозах — сто городов можно прокормить. Кооперация-то наша на все руки: и духами торгует, и крепдешином, и колесной мазью, и она же еще у нас скупает овощи. А план у нее какой? В рублях! Все до кучи плюсуется: и духи и колесная мазь. Что ж ты удивляешься, когда колхозы не надеются на кооперацию, а сами достают и лес, и цемент, и хомуты, и гвозди, и сами торгуют на базарах. Ей же не до нас, кооперации. У нее духи! Мы уж тут говорили с председателями: может, межколхозную контору открыть на паях, на хозрасчете — колхозснабсбыт? Такую контору, чтоб она духов не знала, а один имела интерес: под метелочку скупить в колхозах всю продукцию и отправить, а в обратном порядке — сполна удовлетворить наши нужды. Мы же производственники, нам не с руки торговать, мотаться по рынкам...

И у Диденко и у него было много мыслей о том, как еще мешают новому устаревшие распорядки.

— Почему я из МТС ушел? — говорил он.— Десять лет отслужил и ушел. Почему? Честно скажу: разонравилось! Два хозяина на земле... Как ни бейся, а все равно не от тебя одного зависят центнеры. А тут я ближе к земле. Ближе! Хозяиновать свободнее... Словом, ушел я, как видишь, не по случаю, а обдуманно... Но и тут,— вздохнул он,— и тут есть помехи... Вот, допустим, сдача зерна... Раньше передовые колхозы сдавали за отстающих. Осудили это. Но привычка-то в аппаратах кое у кого осталась. Третий дополнительный план в этом году получаем... Ну можно ли так дергать колхозы? Допустим, я не Федя, с рынками свататься не думаю, излишки государству продам. Но надо ж и меру знать. Звоним, звоним: Кубань — фабрика мяса. Да чем же я его добуду, мясо, если меня заставят кукурузу сдать? Чем? Инструкциями? А не выгодней будет так: не трогать излишки кукурузы, а получать от нас мясо?!

Он помолчал, заметил озабоченно:

— Так-то... Новый клима́т — штука хорошая, да надо старые привычки прогонять, чтоб они новому свет не застили...

Я спросил: а говорил ли он, Диденко, с министерскими товарищами насчет привычек?

— Да где же с ними увидишься? — Он пожал плечами.— В Москву я не езжу...

Мы стояли у развилки асфальтовых дорог. Пластаясь, неслись мимо, на юг, грузовики, «Победы», «ЗИМы»... Две главные трассы страны рассекали земли колхоза! Неужто за год по ним не проехал ни один из министерских товарищей?

— Проезжали,— кивнул Диденко.— Наверно, проезжали. В «Россию»-то ехали. Вот это еще у нас: облюбуют один колхоз — и все туда, все туда... Как будто в других районах люди не думают, не о чем с ними поговорить. Да, бывали у нас москвичи, и видные, только не из министерства. Те в «Россию».

Он примолк, прищурившись уставился на дорогу.

— Смотри!

У развилки притормозила «Победа». Шофер выскочил и, беспокойно оглянувшись по сторонам, помчался в поле. Там, рядом с шоссе, лежали арбузы. Огудина ссохлась, и длинные пестрые кавуны лежали бок к боку, словно их накатила сюда чья-то рука.

— Погоди.— Диденко улыбнулся.

Шофер схватил два арбуза и торопливо вернулся в машину; захлопнулась дверца. С минуту «Победа» не трогалась, наконец дверца вновь распахнулась, и две половинки арбуза шмякнулись на асфальт, за ними последовал целый кавун.

Я оглянулся. Диденко хохотал беззвучно, прижав к животу руки.

— В чем дело? — не понял я.

— Арбузы-то кормовые,— еле выдавил он.— Кормовые! А они думали... Ой, господи!..

«Победа» встрепенулась и, сердито фыркнув синим дымком, помчалась на юг...

— Не свертают к нам! — вздохнул Диденко.— Район не знаменитый!

Высота

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Взять высоту был дан приказ:
Враги сдержать пытались нас.
За кукурузными стеблями
Мы залегли. Вперед я звал,
Но с пулей в легком наземь пал.
Под Сарпами то было`с нами.

Сознанье на короткий срок
Вернул мне свежий ветерок,
И я подумал: «Вероятно,
Обрызган кровью, здесь, в бою,
Я и закончу жизнь свою...
О, как бы кровь втолкнуть
обратно!»

Уже с жужжанием вокруг
Носился рой зеленых мух —
Они на кровь мою садились...
И понял я, что смерть близка,
Когда земля и облака
В огонь, казалось, превратились!

Мне в рот холодная вода
Лилась, и я не знал, куда
Тянуться помертвевшим взглядом!
Не проронив ни капли, скуп,
Облизывал я корку губ,
И вдруг в стеблях,
со мною рядом,
В тугом венце сплетенных кос
Увидел девушку. Принес
Мне силу взор ее красивый:
Строга, доверчива, нежна,
Вдруг показалась мне она
Весь мир спасающей Россией!

Перевел с калмыцкого
Вл. Луговской.

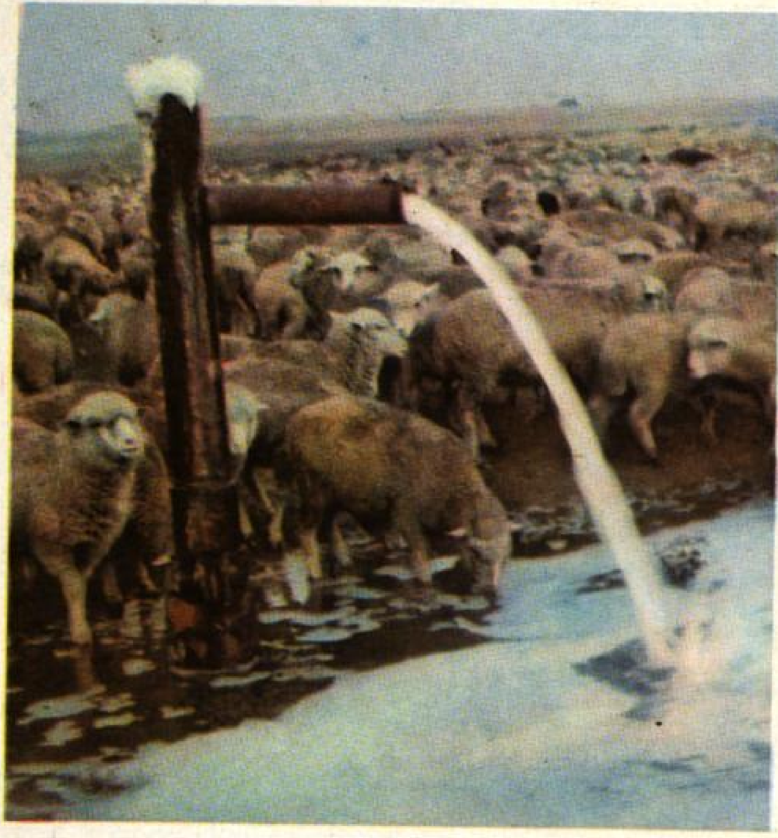
Надо уточнить некоторые вопросы строительства птицефабрики. Слева направо: П. Диденко и строители Б. Коваленко, М. Черных, С. Костенецкий.

НА ЧЕРНЫХ ЗЕМЛЯХ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Валентина Воронцова и Владимир Ануфриенко из колхоза «Победа», Степного района, Ставропольского края, пока еще чабаны четвертой и третьей руки. Но походят они с отарами год — другой и станут чабанами более высокого класса.

У артезианского колодца.

→ Здесь живет бригада Ивана Васильевича Глазкова — старшего чабана колхоза имени XX партсъезда, Никольского района. Астраханской области.

Равнина эта, расположенная в углу между дельтой Волги и северо-западным берегом Каспия, почти всю зиму лежит черным бесснежным пятном посреди белых от снега пространств. Здесь зимой бывает пять — десять градусов мороза, не больше!

Летом пустынны Черные земли; они отдыхают. Только стоят далеко друг от друга разбросанные по степи домики пастухов и жилища для овец — кошары. Да в местах, богатых травой, машины животноводческих станций косят сено — готовят корм для овец на случай, если зима принесет вдруг бураны и гололедицу.

Но вот подошел октябрь — и ожила неоглядная степь. С астраханских, сталинградских, ростовских земель, со Ставрополья и из Дагестана лавинами вливаются сюда отары тонкорунных овец. Они идут под присмотром пастухов и их верных помощников — бесстрашных овчарок, способных один на один схватиться с матерым волком...

Сейчас около двух миллионов овец пасется в степи. Корма сколько угодно. Особенно любят овцы полынь: слегка прихваченная морозцем, она теряет свою пресловутую горечь, подобно тому, как это происходит с рябиной. На случай гололедицы создан страховой запас сена — 2 миллиона 300 тысяч центнеров. Заготовили его колхозники прошедшим летом. А если налетит буран, отары укроются в удобных кошарах. Места хватит всем: кошар стало больше. Например, астраханский колхоз имени XX партсъезда в 1954 году имел 15 кошар, а теперь 28...

...Медленно, не спеша движется по пастбищу отара. Заняв удобную позицию, стоит опершийся на ярлыгу чабан. Громадные лохматые псы лежат, положив свои умные морды на лапы.

К вечеру сытые овцы спешат «домой», в загон. А чабаны, покормив собак, идут отдыхать...

Слева направо:

Сегодня в общежитии будет кино.

Приехала автолавка Зензелинского сельпо, Лиманского района. Подходите, покупайте! Но не все ушли довольными: скажем, лезвий для бритвы и батареек для приемников не оказалось.

Эти дети чабанов живут и учатся в Черноземельском интернате.

По размытым степным дорогам тракторы везут страховой запас сена.

Перегон овец.

ДЕРЕВЦЕ ПОД ОКНОМ

Рассказ

Семен ЖУРАХОВИЧ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

За ночь на краю тротуара появилась яма. Анна Михайловна с удивлением поглядела вокруг. В это время подъехал грузовик, в кузове которого ветвями к кабине лежало дерево. Корни его защищал крепкий ящик. На черных безлистых веточках кое-где поблескивали капли.

Из кабины вышли двое в брезентовых робах, заглянули в кузов, потом, сняв брезентовые рукавицы, закурили.

Анна Михайловна замедлила шаг, а там и совсем остановилась с выражением простодушного любопытства на посветлевшем лице. Так смотрит человек на что-то очень непривычное.

К машине подъехал небольшой автокран, подвижной, как жучок. В окошечко кабины выглянула быстроглазая девушка в зеленом берете и что-то крикнула. Кран-жучок пошарил-пошарил длинным хоботом, прицелился раз — другой, и вдруг ящик с деревом поплыл в воздухе и очутился возле ямы. Веточки задрожали, капли покатились на землю.

Люди в брезентовых робах осторожно отбили верхние доски, посыпалась земля, но корни крепко держали ее, не желая навсегда расстаться с мягкими, теплыми комьями.

Кран-жучок снова пошевелил своим хоботком. Быстроглазая девушка снова что-то крикнула рабочим. Теперь освобожденное дерево поплыло в воздухе, закрыло яму. У тротуара остался полуразбитый ящик.

Через несколько минут от ямы уже не осталось и следа. Лопаты в сильных руках так и поблескивали на солнце. Девушка, выскочив из кабины, притаптывала землю сапожками. Казалось, она танцует, приговаривая что-то веселое. И все трое смеялись.

Затем рабочие кинули ящик в кузов, сели в кабину и уехали следом за краном-жучком, который мчался впереди, высоко задрав свой железный хобот.

А дерево осталось. Оно стояло теперь в ряду таких же безлистых каштанов, издавна росших на этой улице. Анна Михайловна заметила, что прохожие даже внимания не обращают на новичка. Дерево как дерево.

Оно зазеленеет, оно зацветет в майские дни, когда на улицах будут цвести десятки каштанов, такое же, как и они. Только та девушка и рабочие, что его посадили, проходя мимо, улыбнутся и кивнут ему головой, как старому знакомому.

«Как это прекрасно — посадить дерево! — думала Анна Михайловна, торопясь на работу.— Конечно, лучше молоденькое... И колышек подставить, чтоб ветер его не гнул. И поливать, чтоб не засохло. Любоваться зелеными листочками, тонким стволиком. Видеть, как оно растет... Нет, этого не увидишь, но оно все-таки растет!»

Она пришла в свой книжный магазин ровно в девять. День начался шумно: в продажу поступила интересная книга, уже двадцать лет не появлявшаяся на полках.

Часы летели незаметно. А когда стало потише, Анна Михайловна снова подумала о том же: «Как прекрасно посадить молодое деревце!» И засядет же в голове смешная и нелепая мысль! Смешная, потому что где же, скажите на милость, она его посадит? На своем четвертом этаже? На крыше? Или, может, посреди асфальтированного двора, похожего на глухой каменный ящик?

Правда, смешно?

Во время перерыва она вышла на улицу подышать свежим воздухом. К ней присоединились веселая Ольга, только и занятая своими новыми знакомствами и планами на будущее, и тихонькая седенькая Клавдия Антоновна.

Они стояли возле магазина, глядели в бледное мартовское небо. Ольга без умолку трещала. Потом Анна Михайловна рассказала, как сажали на краю тротуара каштан, там, где прошлым летом буря свалила старое дерево, и как ей самой захотелось вырастить деревце. Но где же?..

Ольга всплеснула руками и громко рассмеялась:

— На что вам деревце? Глядите, сколько их вокруг...

Клавдия Антоновна удивилась, нахмурилась и, глядя на Анну Михайловну с каким-то скрытым сочувствием, осторожно сказала:

— Заведите себе цветы. Бывают такие красивые...

— Цветы у меня есть. Это совсем другое...

Они вернулись за прилавок. Ольга, обо всем забыв, весело болтала со знакомым студентом. А Клавдия Антоновна то и дело поглядывала на Анну Михайловну и о чем-то думала. Может быть, о том, что на висках у Анны Михайловны уже проглянули белые нити, что она красива, привлекательна, но слишком уж сосредоточена в себе, слишком застенчива, что ей уж, должно быть, лет тридцать пять, а может быть, и тридцать шесть... Живется ей, верно, нелегко. Она из тех, что мало говорят, но много думают. Зато уж у Ольги все наоборот...

После работы Клавдия Антоновна пошла провожать Анну Михайловну. Они говорили о всяких обыденных делах и незаметно дошли до узкого, зажатого между высоких стен двора. Анна Михайловна показала рукой: вон где ее окно.

— Высоконько!..— покачала головой Клавдия Антоновна.— А знаете... знаете что? Если бы посадить тополек. Он быстро растет. За несколько лет до самого окна дотянулся бы.

И Анна Михайловна уже не могла успокоиться. Дома не сиделось, она пошла на бульвар и долго стояла, рассматривая и меряя взглядом молодые тополи с таким странным чувством, словно видела их впервые.

На следующий день, вернувшись с работы, Анна Михайловна внимательно оглядела двор. Вдоль стены дома тянулась узенькая полоска живой земли. Она ковырнула носком ботинка — черная влажная земля. Над клочком этим подымались окна первой квартиры. За двойными рамами видны были желтые портьеры. «Кто там живет?»

Анна Михайловна здоровалась с соседями, но никогда не интересовалась: «Кто такой? Где работает? Сколько получает?»

Весь вечер она убеждала себя: «Ну что тут такого? Зайду спрошу». Час проходил за часом. Потом решила, что уже поздно. Пускай уж завтра.

Пришло завтра. Может быть, она бы еще колебалась, но Клавдия Антоновна сказала:

— Если сажать, то сейчас. Скоро деревья проснутся.

Охваченная тревогой, Анна Михайловна решила: сегодня, сегодня непременно зайду.

Ей открыл дверь мужчина лет под сорок, тщательно выбритый, в очках, за стеклами которых нельзя было рассмотреть ни цвета, ни выражения его глаз.

Склонив голову, украшенную седеющей шевелюрой, он внимательно выслушал Анну Михайловну, о чем-то подумал, потом пожал плечами:

— Деревце? Вот здесь, под моим окном? Ах, между окон... Ну, что ж, я думаю, в этом нет ничего такого... Если это вам нужно, сажайте, что хотите. Я, знаете, человек занятой и ко всяким фантазиям не очень склонен. А вообще, почему ж не посадить? Пускай растет. Правда, Танечка?

Анна Михайловна вздрогнула. Только сейчас она заметила полную женщину с грустным или, может быть, болезненным лицом. Женщина слабым голосом произнесла:

— Конечно, пускай растет.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал хозяин первой квартиры, придвигая стул. Он незаметно разглядывал смущенную и растерявшуюся Анну Михайловну: «А недурна птичка, ей-богу, хорошенькая...» И продолжал уже живее: — Я и сам люблю, знаете, о чем-нибудь таком помечтать. Отчего же? Приятно. Правда, Танечка? — Он подождал, пока полнолицая женщина кивнет головой.— Недавно вбил себе в голову: выиграю пятьдесят тысяч! Целую неделю ходил и выбирал что купить. Думаете, это так просто? — Хозяин квартиры засмеялся. Потом

спросил: — Вы, кажется, в торговой системе работаете?

Анна Михайловна сказала, что работает в книжном магазине.

Сосед улыбнулся. Блеснули зубы и стеклышки очков, за которыми ничего нельзя было разглядеть.

— Книжный магазин? П-с-с... Лучше бы что-нибудь посущественнее. Книжки есть книжки.

Анна Михайловна пошевелилась. Ей словно показалось, что она связана. Почувствовав себя немного свободнее, она строго посмотрела на хозяина квартиры.

— Вы правильно сказали. Книжки есть книжки.

— Безусловно,— подхватил он.— Я сам люблю веселую книжку. Правда, Танечка? А вообще... Каждый, так сказать, на своем посту. Вы, верно, знаете, я работаю секретарем по приему посетителей у Петра Петровича Загорульки.— Теперь уже он строго посмотрел на Анну Михайловну. У нее опять онемели руки и ноги. Она не знала, кто такой Загорулька, а спросить об этом было немыслимо.— Каждому свое,— опять повторил хозяин квартиры.— Сажайте, я не возражаю. Пускай растет. Правда, Танечка?

Грустная женщина в кресле кивнула головой. Анна Михайловна порывисто встала. Но хозяин квартиры плавным движением руки удержал ее.

— Минуточку! Может быть, этот вопрос надо согласовать в домоуправлении, так это уж вы сами... Какой там у них на этот счет порядок? Не знаете? А то каждый начнет сажать что попало и где попало... Вы все-таки спросите. Скажите, что лично я не возражаю.

Анна Михайловна горячо поблагодарила.

На лестнице она несколько раз глубоко вздохнула. Господи, хоть бы форточку открыли, дышать нечем! Наверно, там, в приемной у Петра Петровича, тоже тяжелые портьеры и ни одной форточки. И еще накурено. Нет, там написано: «Курить воспрещается». А дышать все-таки нечем. Анна Михайловна подумала: «Мне повезло, я никогда не ждала в приемной Петра Петровича...»

Всю дорогу до бульвара Анна Михайловна, сама не замечая, улыбалась. Она так боялась, что ее не поймут, что кто-нибудь бросит насмешливое слово и она, как всегда, растеряется, не найдет, что сказать. А разговор окончился благополучно, и теперь, о, теперь она посадит-таки тополек, который быстро вырастет, который через несколько лет уже дотянется до ее окна.

На бульваре она пристально вглядывалась в деревья: не пробуждаются ли они? Тополи стояли безлистые, хмурые, съежившиеся от холода; потемневшие веточки прижимались к стволам. Весенние соки в них еще не заиграли.

Через два дня Анна Михайловна, разрумянившаяся, загоревшая на мартовском ветру, привезла саженец. Сколько было хлопот и даже волнений! Прежде всего надо было узнать, где его взять, это деревце? В самом деле, не из лесу же привозят саженцы! Оказывается, надо было поехать пригородным поездом за тридцать километров в лесопитомник. Там у нее спросили:

— А какой вам тополь?

Анна Михайловна удивилась и растерянно произнесла:

— Что значит — какой?

Ей объяснили, что есть тополи серебристые,— может, она замечала, на них листья с изнанки покрыты белым, серебристым пухом; есть осокори с большой, раскидистой кроной; есть пирамидальные, или итальянские, стройные, весь ствол в ветвях... Анна Михайловна обрадовалась:

— Это такие, как на бульваре?

— Вот именно.

Ей выдали квитанцию — деревце стоило четыре рубля тридцать пять копеек.

Возвращаясь домой, она счастливыми глазами смотрела на деревце и припоминала все, что рассказал ей старый лесовод, выбиравший для нее саженец получше. Теперь она знала, что пирамидальный тополь достигает в вышину сорока метров (о, значительно выше их дома!), у дерева этого красивые, зазубренные по краям листочки. Почему она никогда не обращала на это внимания?

В тот же вечер на клочке земли перед домом, между высокими окнами первой квартиры, встал тонкий безлистый тополек. Анна Михайловна привязала стволик к крепкому колышку, землю вокруг разрыхлила, полила, обложила вокруг обломками кирпича.

Хозяин первой квартиры — Анна Михайловна уже знала, что зовут его Василий Филиппович Демьянчук — как раз возвращался с работы, когда она старательно укладывала последние кирпички. Он взглянул и улыбнулся:

— Где вы нашли такое чудесное деревце? — И, не дожидаясь ответа, прибавил: — Что ж, я не возражаю...

В первые дни почти никто из многочисленных жильцов дома не обратил внимания на посаженное деревце. Оно, казалось, робко приникало к стене, оно зябло на каменном дворе, оно дрожало, когда рядом грохотали тяжелые грузовики.

Но через две недели тополек как-то внезапно, в одну ночь, зазеленел, и все были поражены.

— Вы только посмотрите,— пробасила женщина, которая жила на шестом этаже,— зелененький! А говорили, что Демьянчук черств, как прошлогодний бублик.

Женщина эта была санитаркой в городской больнице, имела двух дочек-близнецов, Марийку и Надийку, и разговаривала всегда сердито и громко. Шустрых девчонок Марийку и Надийку тоже всегда было слышно.

Теперь она стояла у тополька и, забыв о всех своих заботах, с доброй улыбкой повторяла:

— Зеленый! Молоденький!

— Говорите, Демьянчук?..— подошел к ней худой, сутулый пенсионер из другого подъезда.— Еще чего выдумали... Деревце посадила женщина из восьмой квартиры, та, что всегда с книжками ходит, тихонькая...

— А, Анна Михайловна! — обрадовалась санитарка.— Ну вот, а мне сказали, что Демьянчук. Как бы не так!..

Торопясь на работу, возвращаясь домой, идя в кино или в гости, жители дома невольно бросали взгляд на деревце.

Подошел к топольку и высокий человек из двенадцатой квартиры, который с каждым из жильцов предупредительно спешил поздороваться, состроив на своей постной физиономии механически-приветливую улыбку, через мгновение исчезавшую без следа. Никто не знал, где он служит, что делает. Но все знали, что он человек, умеющий и любящий поговорить о совести. Люди не верят в бога,— что ж, это их дело, но все должны верить в чистую, незапятнанную совесть. Как это верить в совесть, было не совсем ясно, так как у жильцов дома не хватало терпения выслушать его до конца.

Он подошел как раз тогда, когда Анна Михайловна поливала деревце, вежливо поклонился и представился:

— Грищенко Федор Иванович, референт.

Улыбка задержалась на его лице чуть дольше, чем обычно. Ему очень приятно, очень приятно видеть, как она ухаживает за своим деревцем.

Бросив осторожный взгляд на окна первой квартиры, Грищенко тихонько спросил:

— Василий Филиппович разрешил? Не возражает?.. Чудесно, чудесно! Василий Филиппович, знаете, исключительный человек. Заведовать приемом у Петра Петровича Загорульки — это, знаете, не шутка. Там, знаете, надо быть не только администратором, но и тонким психологом. Потому что нет у людей совести.

Анна Михайловна подняла голову, посмотрела на Грищенко и ничего не сказала.

— Если хотите знать,— продолжал Грищенко,— именно в приемной я в этом и убедился. Иной прибежит, глаза вот такие, руки дрожат. «В чем дело? Неправильно уволили? Обидели? Оклеветали?..» Ему кажется, что весь свет перевернулся. Но здесь серьезное учреждение и должен быть порядок. «Подождите, начальник занят». «Когда освободится?» «Неизвестно...» Посидит час — другой, остынет, теперь иди. Мудро? То-то же! А то иной сгоряча прибежит в кабинет и во весь голос: «Я требую!» Что значит «я требую»? Кто ты такой? Посетитель? Так имей совесть и знай: посетитель может только просить. О, я там бывал, видел!.. Конечно, не все так, с криком-громом. Василий Филиппович любит посетителя немногословного, солидного. Проплывет через приемную, словно лебедь. Ни звука! Такой знает, что Загорулька любит, а чего он не любит. Знает, может, не хуже, нежели Василий Филиппович, который на этом собаку съел. Петр Петрович Загорулька, знаете, только мигнет... Даже не мигнет, только бровью шевельнет — и Демьянчук уже понял: этого больше не пускать. Его никто не прогонит. Упаси боже! На него никто не крикнет, не цыкнет. Что вы, что вы! Тихонько, спокойно, вежливо... Но кабинета ему не видеть, хотя бы он сто раз приходил. Порядок прежде всего.

Анна Михайловна опять подумала: «Какое счастье, что мне не приходится бывать в приемной Петра Петровича Загорульки!» А вслух сказала:

— Я, собственно, далека от этих дел...

— Понимаю, понимаю,— закивал головой Грищенко.— Мне очень приятно видеть, как вы заботитесь о своем тополе. В этом есть что-то поэтическое... Однако должен вас предупредить; вы напрасно стараетесь, он здесь не будет расти. Среди камней? Нет, нет...

Анна Михайловна подняла удивленные глаза, но увидела только узкую спину и плоский затылок, чуть склоненный набок.

Каждый раз, когда Анна Михайловна поливала деревце, подходил старый пенсионер. А вокруг него неизменно толпились мальчишки и девчонки чуть не со всего двора. И среди них самые голосистые — Марийка и Надийка. Он молча стоял и смотрел добрыми, задумчивыми глазами человека, много повидавшего на своем веку. Девочки спрашивали у Анны Михайловны:

— Тетя, а вишенку вы тоже можете посадить?

— А дубочек?

— Подрастайте,— говорил старый пенсионер,— подрастайте и сами выращивайте сады. Каждый человек должен посадить хотя бы одно дерево.

— А где ж, дедушка, ваше дерево? — спросил лобастый паренек с белобрысым вихром на темени.

— Мое? — переспросил старик.— Вот подождите, я вам покажу...

Однажды утром он собрал ватагу детворы и повел на завод, где проработал больше четверти века. Марийку и Надийку он держал за руки, а ватага то забегала вперед, то тянулась хвостом. Дежурный в проходной даже глазами захлопал от удивления, когда пенсионер показал ему пропуск на семнадцать человек.

От ворот к механическому цеху они шли зеленым коридором. Два ряда ветвистых лип сомкнулись кронами.

— Эти липки и я сажал,— сказал пенсионер.

Круглые детские личики, как подсолнечники, повернулись к нему, и на каждом играли солнечные зайчики, пробивавшиеся сквозь листву.

— А вот те каштаны,— показал старик,— вырастил мой друг Кузьма Гайдаенко. Его убили фашисты вот здесь, посреди заводского двора. О, это был мастер! Это был человек. Нет Кузьмы, а каштаны зеленеют.

Он умолк. Дети тоже молчали, глядя то на него, то на ветвистые каштаны.

После этого дня стоило Анне Михайловне подойти к тополю с ведерком, как тут же появлялся добрый десяток помощников. Один спешил с кружкой, другая с лопаткой...

Удивленные соседи заметили, что в первой квартире стали иногда открывать окно. У окна сидела женщина с болезненным лицом. Она молча смотрела на детей, на тополь и слабо улыбалась. Но как только появлялся Демьянчук, жена его немедленно закрывала окно и задвигала портьеру.

Впрочем, и сам Демьянчук, подходя к дому,

бросал на тополь благосклонный взгляд и говорил, ни к кому не обращаясь:

— Ну что ж, я не возражаю...

Если даже никого не было поблизости, он слегка замедлял шаг и произносил:

— Ну что ж...

Тополек рос. Тянулся вверх. Люди радовались. Демьянчук не возражал.

Правда, иногда его неизвестно почему начинали раздражать эти взгляды и улыбки, обращенные к зеленому деревцу, вытянувшемуся под его окнами. Никчемный прутик, хвостик с листьями — и все радуются... Как это ему, Демьянчуку, не пришло в голову, что на этом клочке земли могут расти цветы, дерево? Конечно, он человек занятой. Другое дело — книжный магазин... Можно всякими выдумками забавляться. Впрочем, она не забавляется. Она смотрит на все так, точно делает чрезвычайно важное дело. Кто знал, кто замечал эту Анну Михайловну? А теперь с ней здоровается весь двор. Подумаешь, особа!

В такие минуты он раздраженно бросал:

— Татьяна, закрой окно!

Жена смотрела на него большими, немного испуганными глазами:

— Что с тобой? Окно давно закрыто.

А тополек рос. Зеленый снизу до самой верхушечки.

Так шло до того вечера, когда все вдруг полетело вверх тормашками.

Анна Михайловна возвращалась с работы усталая, чем-то озабоченная. Она еще больше похудела за последнее время, по загорелому ее лицу иногда проходила легкая, мимолетная улыбка.

В тот вечер Анну Михайловну поджидали у ворот дочки санитарки Марийка и Надийка. Они увидели ее еще издалека и неотрывно следили за ней одинаково синими испуганными глазами. Но только она приблизилась, девочки вихрем сорвались и побежали.

В воротах Анна Михайловна встретила старого пенсионера. Он вздрогнул, тоже как-то странно взглянул на нее, покачал головой и поспешил на улицу.

Полная неясной тревоги, Анна Михайловна ускорила шаг и, будто оглушенная каким-то бесшумным громом, остановилась. У стены она увидела широкий полосатый матрац, от него на весь двор несло керосином и еще чем-то едко вонючим. А деревце было сломано. Сломано у самого корня.

У Анны Михайловны мелко задрожали ноги, она стояла бледная, прижав руки к груди, с жгучей болью в расширенных глазах.

Она не видела, как над ее головой в окне мелькнуло покрытое желтыми пятнами лицо молчаливой жены Демьянчука. Потом во двор вышел и сам хозяин первой квартиры. Как всегда солидный, отлично выбритый, он появился в дверях так, словно только что прозвучал звонок начальника: «Вызывали?» За стеклышками очков, как и всегда, ничего нельзя было разглядеть.

— Ну вот, видите,— с мягким укором обратился Демьянчук к окаменевшей Анне Михайловне.— Вынесли почистить матрац, а он упал... Что это значит? Уже и матраца почистить нельзя?

Звякнуло и отворилось окно, снова мелькнула фигура женщины. Слабым голосом она произнесла:

— Василий, я тебя прошу, иди домой.

Демьянчук отмахнулся, сердито ткнул ногой матрац и уставился стеклышками очков в побледневшее лицо Анны Михайловны.

— Чего вы молчите, я вас спрашиваю? И вообще... Что случилось? Эта санитарка закричала так, точно я кого-то убил. В конце концов мои это окна или ваши? — Он оглянулся и продолжал хриплым, чуть слышным голосом: — Мне надоело, вы слышите? Хватит с меня служебных неприятностей, хватит кухонных сплетен. А тут еще — на тебе! — под окном... Поливают, нюхают, ахают! Мне надоело! Слышите? Я б его все равно сломал...

Анна Михайловна вздрогнула, словно ее бичом хлестнули

— Как вы смеете! — крикнула она.— Как вы смеете!

Демьянчук съежился, втянул голову в плечи; как всегда, когда кто-нибудь прикрикнет на него, за стеклышками его очков блеснуло что-то трусливое. Но он сразу же опомнился. Позвольте, кто это так с ним разговаривает? Продавщица книжного магазина? Вот как!.. Мстя за позорное мгновение пережитого страха, он с жаркой злобой кинул:

— Можете жаловаться... Можете жаловаться! — Но, вспомнив, что здесь не приемная Петра Петровича, с улыбкой добавил: — Игрушки выдумываете? Фантазийки?.. Замуж выходите, вот что! Или хотя бы любовника себе заведите...

— Как вы смеете!

Демьянчук невольно согнул плечи. Анна Михайловна исчезла. Он даже не успел заметить, как она метнулась в дверь.

Из окна послышалось протяжное, тоскливое:

— Василий, иди домой. Я прошу тебя...

В тот вечер никто не подходил к тополю с ведерком или кружкой воды. Деревце лежало на земле.

В комнате санитарки плакали Марийка и Надийка. А их мать развешивала внизу белье и громко, на весь двор изливала свои чувства:

— Вот что значит, когда у человека вместо сердца камень. Я вам говорю правду — камень, и все... Бюрократ!

Старый пенсионер сидел на стуле у своих дверей, он склонил голову и, казалось, ничего не слышал.

На сердитые слова санитарки откликнулся только Федор Иванович Грищенко, референт, тот самый, что при каждом удобном случае заговаривал о совести. Перегнувшись через перила своего балкона, он смотрел вниз и скрипел:

— Ох, темнота! Вы слышали, что она сказала? Бю-ро-крат! Прежде чем упрекать человека, подумай, где твоя совесть.

Он уже успел рассказать соседям, что у Демьянчука на службе большие неприятности. И все из-за посетителей. А спросите, в чем он виноват? Известно, что это за люди. Иной еще и порог не переступил, а уже кричит: «Я требую...» Да еще, как вот эта крикливая баба, бюрократом назовет. Демьянчук — бю-

Борис ШУМИЛОВ

Дядя Вася

Вежлив и спокоен,
Взор, как солнце, ясен,
Ходит на работу
Дядя,
Дядя Вася.

Мастер дядя Вася,
Мастер на заводе.
Уваженьем пользуется
Дядя Вася вроде.

Дело свое знает.
Стаж за ним солидный.
И в семье плохого
Ничего не видно.

Выйдет на прогулку
С доченькой, с женой —
Радоваться хочется
На него с семьей.

Никому и в голову
Даже не придет,
Что у дяди Васи
Сын еще растет.

Где-то сын растет,
Без отца живет.
Десять лет хоть весточку
От отца он ждет.

Худо без отца.
В летнем пиджачишке
В зиму, в лютый холод
Тащится парнишка.

Трудновато жить.
Все болеет мать.
А отцовской помощи
Долго-долго ждать...

Чем других он хуже,
В чем виновен он,
Что отцовского вниманья
Навсегда лишен!

Говорят соседи:
— Видел бы отец!..

Спохватившись, добавляют,
Что отец —
Подлец...

Расставание

Конец уборки.
Уезжаю.
Комбайн деревнею веду.
— Вы без меня тут не грустите! —
Кричу девчатам на ходу.

— И не надейся! — отвечают. —
Ты, парень, лучше бы молчал!..
Уж раз в деревне нашей побыл,
То как бы ты не заскучал!

И я смущенно улыбаюсь.
Ловлю в сторонке милый
взгляд...
Девчата весело смеются.
— Что, угадали! — говорят.

О поэзии

Утренней осеннею порою
Выхожу я в стужу со двора.
Говорю ей:
— Не ходи со мною.
Говорю ей:
— Не твоя пора.

Что сейчас ты будешь делать
в поле!
Ножки лишь исколешь по жнивью
Да еще
Измажешь в солидоле
Рожицу смазливую свою.

А она — упрямая такая!
А она
На шаг не отстает.
А она мотор вдруг запускает.
Прозеваю — даже поругает,
Если у комбайна цепь порвет.

Осень. Холод.
И не сжато просо.
Дождик вот-вот грянет.
Да, тяжел мой труд...
Ей кричу:
— Здесь место только
прозе,
Не маячь
в спецовке
на ветру!

Он то бьет в лицо,
То хлещет в спину.
Он проклятый, он не голубой...
Схватишь вот хрипучую ангину —
И узнаешь, как ходить со мной!
А она —
Упрямая такая! —
Встречу ветру глянет озорно.
А она замерзшими руками
Разгружает весело зерно.

Вновь ругаюсь:
— Здесь тебе не место,
Прочь отсюда, не ходи сюда!..
А она — упрямица, известно! —
Не стыдится черного труда.

Тяжко, а работает со мною
И не хочет с поля уходить,
Зная мой характер:
Ведь с иною
Я б не смог водиться и дружить.

Игорь КОРЕЙША

Утро на берегу

Уже давно погасли зори.
Я все смотрю. Не шелохнусь.

Вот солнце вылезло из моря
Совсем сухое, словно гусь.

Вот, будто радуясь восходу,
Трубой упершись в небосвод,
Гудком протяжным будит воду
Вдали какой-то пароход.

А там на весла жмут устало:
Шаланды, видно, нелегки.
Везут домой улов немалый
С ночного лова рыбаки.

Молодое дарование

Мой сосед, скрывать не смею,
В общем, парень неплохой.
Только я порой жалею,
Почему он не глухой.

Дело в том, что этот самый
Парень — жги его огонь! —
Может целыми часами
Мять в руках свою гармонь.

Он играет. Звуки грубо
Бьют по нервам, словно плеть.
Он играет так, что зубы
Начинают вдруг болеть.

Я свои скрываю чувства.
Я стерплю и в этот раз,
Понимая, что искусство
Жертвы требует от нас.

Я простил его, поверьте.
Но с таким талантом ведь
Все равно своею смертью
Не удастся умереть.

рократ? Господи, ну что от него зависит? Демьянчук, все же это знают, делает только то, что ему велит Петр Петрович. Он сам пепельницы с места на место не переставит... Он... Да что там говорить, как его заведут, так он и звонит! И если Демьянчука называют бюрократом, так Петр Петрович, выходит, трижды бюрократ? А ведь этого же никто не скажет. Совесть, совесть надо иметь...

Что касается совести, Грищенко знал все, что о ней надо знать.

На следующее утро он остановил посреди двора старого пенсионера.

— Вы видели, с какими глазами она шла на работу? Должно быть, всю ночь проплакала. Вы человек, которого уважает весь дом... Ну скажите, пожалуйста, зачем это все? Взбаламутила весь двор, испортила настроение. И еще плачет. Надо же совесть иметь!.. Ведь я говорил: не будет здесь расти. И без тополя проживем...

Пенсионер перевел дыхание и сдавленным голосом прокричал Грищенко в лицо:

— Убирайтесь вон!.. Вы бессовестный человек!

Грищенко отшатнулся и быстро зашагал к воротам.

— Ах, темнота, темнота! — бормотал он.

Но больше всех, конечно, был обижен Демьянчук. Подумайте только: у человека служебные неприятности, волнения, может быть, бессонные ночи, а они, бессердечные, черствые, горюют о каком-то там деревце. Велика важность! Сломался тополь. Ну и что из того? Мало ли на свете деревьев? В других местах их даже рубят сотнями, тысячами. И никто не плачет...

Его жена сидела в кресле и смотрела, как он, кряхтя и вздыхая, ел жирные котлеты, а из горла его так и катились тяжелые, заплывшие жиром слова: «Мало ли на свете деревьев?»

— Будет, Василий! — уже во второй или в третий раз сказала жена.— Ты опоздаешь на работу.— В голосе ее слышалась мольба, бесконечная усталость.

— Нет, ты подумай только! — не унимался Демьянчук.— Взбредет что-нибудь в голову вот этакой цаце, и весь двор ходуном ходит. А ты страдай еще из-за этих глупых выдумок. Тополек, ах, ах!..

— Замолчи, Василий! — медленно произнесла жена.— Замолчи! — вдруг вне себя крикнула она, заломив дрожащие руки. Рот у нее искривился, в расширенных зрачках горела нестерпимая мука.— Замолчи!..

Демьянчук, как всегда от окрика, съежился, втянул голову в плечи.

А в комнате санитарки в это утро было тихо и спокойно. Она пришла с ночной смены, кормила девочек кашей и, согретая ясным, доверчивым взглядом четырех одинаково синих глаз, ласковым голосом, какого никто от нее не слышал, приговаривала:

— Вот увидите... Мы засадим весь двор. Конечно, вместе с Анной Михайловной. А как же? Будет красиво, будет зелено, назло всем чертям. Что? Камень? Напугали!.. Подымем камень, весь асфальт подымем и посадим деревья. Ну и зазеленеет же у нас!

Девочки слушали и ели кашу. А санитарка, борясь с усталостью и дремотой, склонила голову на стол и все приговаривала что-то, приговаривала.

Перевел с украинского А. ОСТРОВСКИЙ.

Театр и современность

Заметки актера

М. ЖАРОВ,
народный артист СССР

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого на сцене Малого театра. Никита — заслуженный артист РСФСР В. Доронин, Анисья — О. Чуваева, Матрена — народная артистка РСФСР Е. Шатрова.

Фото А. Батанова (ТАСС).

Вот и прошел год. Очень важный, очень значительный для всего нашего народа и, конечно, для нашего искусства. В этом году мы наводили порядок в своем театральном «хозяйстве», спорили о будущем. Мы старались сохранить и развить все жизнеспособное и творческое. Мы видели и обсуждали много спектаклей. Многое радовало, но многое и огорчало.

Перед началом прошлого сезона положение было, скажем прямо, малоутешительным: посещаемость театров падала. Одни в этом «обвиняли» зрителей: «Понакупили телевизоров и не ходят даже в кино!» Другие укоряли писателей, что они не пишут, а если и пишут, то пьесы, в которых убогие конфликты. Третьи укоряли актеров за то, что их можно видеть выступающими по телевидению, на эстраде, на совещаниях, дискуссиях,— словом, где угодно, только не в новых спектаклях.

Но вот постепенно горизонт прояснился. Вышла одна премьера, потом другая, третья... Появились новые пьесы, вспомнили о старых. Оказалось, что зритель вовсе не сидит дома, а иногда даже стоит в очереди за билетами.

Театральные впечатления оказались интересными и разнообразными. Театр Сатиры поставил «Клопа» и «Баню» — спектакли, в которых причудливо соединились элементы откровенного фарса и бытовой комедии, спектакли смелой, дерзкой выдумки, сыгранные с безупречной, почти цирковой точностью. Постановка «В добрый час!» Центрального детского театра покорила зрителя искренностью, чувством меры и художественным тактом постановщиков, правдивой игрой актеров.

Суровая и радостная атмосфера первых лет революции ожила на подмостках Ленинградского театра имени Пушкина в спектакле «Оптимистическая трагедия», осуществленном в простых и в то же время предельно реалистических формах.

Для меня лично постановка ленинградцев стала особенно волнующим событием года. Я участвовал в спектакле, который был первым сценическим воплощением пьесы Вишневского. Это было в 1933 году. Я исполнял роль Алексея.

Были в прошедшем году и другие интересные, смелые, своеобразные спектакли, о которых иногда спорили, но которые радовали своей творческой дерзостью.

И в этой связи хочется напомнить, что существует немало актеров, характер дарования которых не укладывается в рамки унылого сценического правдоподобия. Если актеру, склонному к гротеску, условной театральной форме, комедийному преувеличению, шаржу, или актеру трагедийного плана приходится, по меткому выражению Игоря Ильинского, «говорить на сцене вполголоса, помешивая ложечкой чай», то он, в сущности, выключается из активной творческой жизни. Как ни странно, понятие амплуа нередко считалось вредным и смешным пережитком времен Несчастливцева. Поэтому иногда актерам в буквальном смысле слова приходилось «петь не своим голосом».

И в этом отношении прошедший год, несомненно, был переломным. Мы видели спектакли самых различных режиссерских манер. Естественно, что и для актеров появилось гораздо больше возможностей самовыражения, полной творческой отдачи.

Однако многое тревожило и продолжает тревожить нас и сейчас. Иногда некоторые наши театральные руководители забывают о том, что времена, когда писали гусиными перьями и ездили на извозчиках, давно прошли, что мы живем в век кино, телевизоров и радио, век скорости, век невиданных темпов.

Ведь новаторство — это не только вопрос качества, но и количества. Для того, чтобы быть новатором, надо иметь, так сказать, соответствующее поле деятельности. А наша внутритеатральная машина порой еще очень громоздка, сложна и скрипуча. Новый спектакль нередко превращается в некое административное событие и, может быть, поэтому не становится событием, интересным зрителю.

Три — четыре премьеры в год — до недавнего времени это считалось хорошим тоном для уважающего себя театра. Причем спектакль «вынашивался» чуть ли не годами, а на премьере мы нередко видели некое добросовестно и тщательно выполненное, во всех отношениях благополучное «изделие», но смотреть это изделие целый вечер публика часто никак не хотела.

Мы, актеры, всегда торопимся. Оно и понятно. Роль, о которой мечтал в двадцать лет, в пятьдесят уже не сыграешь. Как говорится, дорога ложка к обеду.

Искусство актера, его мастерство крепнет и развивается в практике. Только на сцене, в живом и постоянном общении со зрителем находишь свои приемы, свою манеру,— словом, свое настоящее творческое лицо.

А возможность много играть появится у актеров только тогда, когда мы начнем больше, гораздо больше выпускать спектаклей. А больше,— значит, быстрее. К тому же работать медленно еще не значит работать хорошо. Когда премьер будет много, когда новый спектакль перестанет быть чрезвычайным происшествием, вокруг которого с непостижимой быстротой растет ворох бумаг, когда довольно тернистый путь (автор — театр — зритель) станет короче и легче,— словом, когда мы станем поворотливее и решительнее, тогда и новаторство станет для всех нас естественным творческим состоянием, единственно возможным стилем работы.

Конечно, количество премьер зависит и от репертуарных возможностей, от наличия пьес, пригодных к постановке. Но не одни только драматурги виноваты. Сколько пьес, хороших пьес, уже давно написанных, дожидаются постановки в наших театрах!

Должен сказать, что меня — да и не одного меня, вероятно,— удивляет и огорчает одно обстоятельство: новые пьесы на сценах наших театров появляются этаким «косяком». То был «косяк» производственных пьес, потом семейно-бытовых... И уж если пошел, например, «семейный» косяк, то и получается, что в одном театре в течение трех актов разводятся, в другом мирятся, в третьем женятся. Как-то все принято ждать, кто первый скажет «э», а потом начинаем говорить все сразу, причем одно и то же. Вот и получается, что репертуар однообразен донельзя!

Очень мало и тоже как-то выборочно ставим мы и классику. Из сорока восьми пьес А. Н. Островского хорошо если наберется десяток, которые ставятся более или менее постоянно. Где на наших сценах Щедрин, Тургенев, наконец, Гоголь? Ведь просто даже неловко становится, когда вспомнишь, что среди идущих сейчас постановок Малого театра нет «Ревизора»! И разве не удивительно, что шекспировский репертуар исчерпывается в наших театрах двумя — тремя пьесами?!

Конечно, богатству и разнообразию репертуара должно соответствовать и разнообразие театральных форм, постановочных манер, стилей. Социалистический реализм — это живой и плодотворный творческий метод, а не собрание догматов и правил.

Русло сценической правды — очень широкое русло. В нем сливаются, обогащая и дополняя друг друга, самые разнообразные течения. Это понимали мастера русского театра, ценя талант и достижения своих собратьев по искусству, в каких бы новых и своеобразных формах они ни проявлялись. В свое время Яблочкина от имени Малого театра преподнесла Алисе Коонен веер Ермоловой, признавая ее достойной наследницей искусства великой трагической актрисы. А ведь творческие принципы Коонен, актрисы Камерного театра, были весьма далеки от традиции «Дома Щепкина».

Станиславский очень внимательно относился к творческим исканиям Мейерхольда, Вахтангова, Таирова, никогда не рассматривал театры как конкурирующие организации,— он был совершенно чужд сектантства и нетерпимости.

Были, разумеется, у Мейерхольда и Таирова увлечения, крайности, многое в их творчестве сейчас для нас неприемлемо. И, конечно, было бы неправильным механическое перенесение всех приемов этих режиссеров на сцену современного театра; наше искусство двигалось вперед, развивалось, искало и находило иные, новые формы. Но мы не имеем права разбрасывать свое достояние, достояние русской, советской театральной культуры.

Театр только тогда молод, когда он ровесник своему времени. Нам надо воспитывать в себе самый дух новаторства, дух постоянных исканий, творческой дерзости.

Новый год обещает много нового и на сценах московских театров. Коллектив Малого театра только что показал драму Льва Толстого «Власть тьмы». Я занят в этом спектакле. Играю старика Митрича. Ставил пьесу режиссер Борис Равенских. Это очень своеобразный, темпераментный художник, и его сценическая трактовка драмы Толстого глубоко реалистична по внутренней разработке и глубине человеческих образов.

Трудно писать о спектакле, в котором сам участвуешь, но я думаю, что творческий подъем, волнение, которое мы испытали при встрече с гениальным текстом Толстого, служат залогом тому, что спектакль получился значительным.

Но об этом скажет наш самый постоянный и объективный судья — зритель.

И в Сангяре готовятся к фестивалю.

Здесь живут КУРДЫ

Ирина ВОЛК

Фото Г. ЗЕЛЬМЫ.

Далеко в горах Советской Армении, у самого подножия древней горы Арагац, раскинулись курдские селения.

Около семи миллионов курдов разбросано по всему свету. В большинстве они кочевники, не имеющие своей письменности, и дети учатся на языке той страны, где их родители обретают временное пристанище. А чаще всего они вовсе не учатся...

О курдах, этом народе со своеобразными обычаями, сложены песни и сказания. Классик армянской литературы Хачатур Абовян, ознакомившись с жизнью курдов, писал о них проникновенно и тепло:

«Прямодушие, честность, строгое исполнение данного слова и гостеприимство, безграничное уважение к женщине — вот добродетели и качества, общие всему курдскому народу».

В Армении курды стали оседлыми. Их дети учатся в курдских школах, на родном языке выходит первая в мире курдская газета «Рйа Таза» — «Новый путь».

Над высокими белоголовыми вершинами бегут провода высоковольтных передач, и по вечерам в домиках звучит музыка.

Курды стали хорошими строителями, у них появились свои каменщики, плотники, кровельщики и монтажники. Они построили, например, первоклассный молочный завод в селе, которое взяло свое название у древней горы Арагац. Мы видели, как заканчивалось строительство нового клуба в маленьком горном селении Сангяр. А в селе Джарджариссы нам с гордостью показали питьевой источник. Столетиями вода бежала мимо селения и не утоляла жажды людей. Теперь взорваны камни на неприступных высотах, освобожден путь воде, и она, журча, потекла в селение мимо ферм и полей.

Рядом с Джарджариссой лежит селение Кури Богаз — Сухое Горло. Здесь по воду ходили за несколько километров. Старики рассказывают: однажды брат убил брата за то, что тот тайно ночью отлил из старой деревянной бадьи ведро безвкусной дождевой воды. Сейчас в этом когда-то нищем селе тоже открыта дорога воде. Наверху, где берет начало горный родник, люди заключат воду в трубы, и она придет прямо в жилища.

Колхозники Кури Богаза строят красивые дома из розового туфа — легкого камня, который режется легко, как сыр чанах, и так же, как чанах, ноздреват. Он не пропускает холода и удерживает в доме тепло.

При нас плотник Ассо Джамоле, который строил дом 120-летнему колхознику Джалиле Шаво, проводил в этот новый дом радио.

Джалиле Шаво беспокоился:

— Смотри, сынок, не повреди электрические провода...

Не только к электричеству и к радио привыкли курды. Телефон связывает этот отдаленный уголок земли со всей страной. Мы познакомились с курдянкой Перузой Худоян, первой местной телефонисткой.

Саманд Сиабандов приехал домой.

Почти в каждом селении выстроены школы, в Алагезе — десятилетка. Колхозные автомашины и подводы привозят школьников на занятия и отвозят их домой. Мы побывали на занятиях во многих классах.

При нас отвечала урок маленькая Зине Шакроева. Она одета совсем как взрослая — в яркие цветные одежды. На шее у нее бусы, в ушах — серьги. Кстати, эти украшения доставляют немало огорчений местным учителям. Они постоянно убеждают родителей, что девочкам рано носить украшения. Но подчас нелегко ломать старые обычаи.

Впрочем, наряды не занимают много места в жизни Зине. У нее серьезные и большие планы. Она заканчивает школу в Сангяре, перейдет в десятилетку в Алагезе, а затем, работая в колхозе, хочет заочно получить звание агронома.

Все, чем живет наша страна, отражается и тут, в горах. Молодежь курдского села Сангяр готовится к

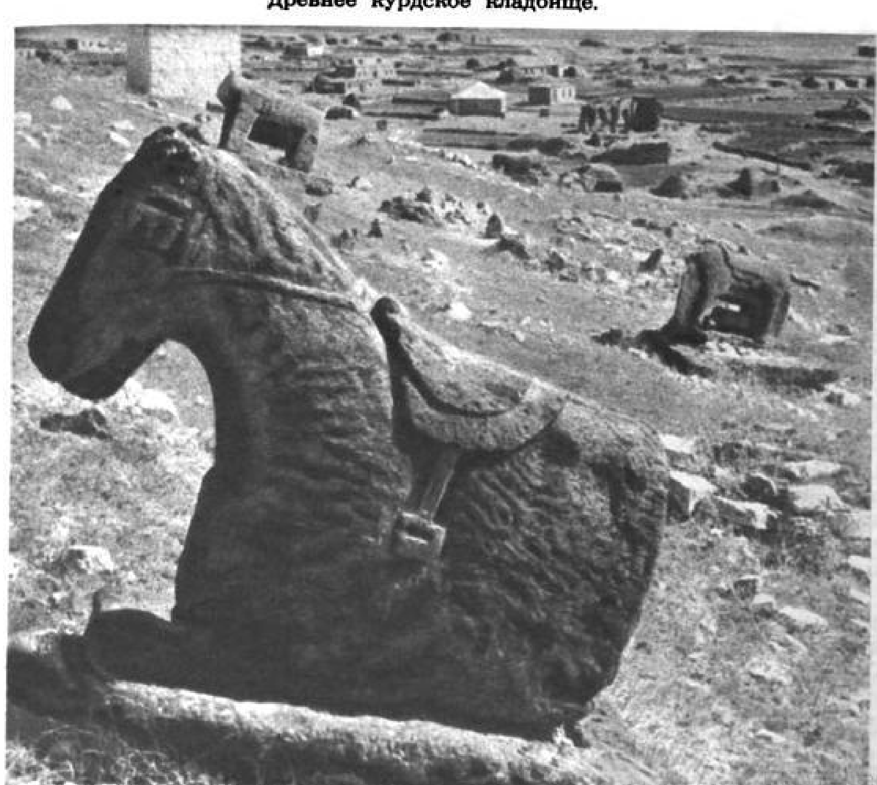

Отвечает урок Зине Шакроева.

Школьник читает вслух свежий номер курдской газеты.

Древнее курдское кладбище.

фестивалю. Старики аккомпанируют молодым танцорам на старинных инструментах. Степенно и медлительно движутся юноши и девушки в плавном танце, который называется «круговым». Но нередко строгий порядок заученных ритмичных движений нарушается: вот неожиданно для всех в веселый круг вбежал самый крохотный любитель танцев, трехлетний Ахмо. Он тоже хочет танцевать и лихо размахивает платочком.

На каждом шагу здесь удивительно сочетается старое с новым. В селении Джарджарисы есть древний памятник — развалины храма IV века. Время словно вырвало камни из старых стен, придав сооружению форму необычных каменных ворот. Через эти ворота проезжают колхозные «Победы», и со всех сторон видны отсюда современные домики.

А еще выше, на горе,— древнее кладбище. Каменные изваяния лошадей представляют собой надгробные памятники. Этот обычай символичен: в веках родился неписаный закон — на могилах наездников, смелых джигитов вырезать из камня изображения их верных четвероногих друзей.

В разных концах большой советской земли живут дети курдских колхозников. Часто приезжают они навестить родные места. Сегодня радость в доме Сиабанда. Приехал его сын Саманд Сиабандов, Герой Советского Союза, ныне заместитель министра сельского хозяйства Армянской ССР. Старая Рхан не могла наглядеться на сына. А вечером его окружили друзья. Он долго разговаривал с односельчанами.

Мы уезжали из курдских селений поздним вечером. По широкой дороге шли на зимний отдых в МТС тракторы и комбайны, бежали машины с тесом, камнем и песком: здесь начинается большое строительство, еще краше станут горные улицы, на которых появятся новые, современные здания.

Перуза Худоян на своем посту.

Достраивается дом для 120-летнего Джалиле Шаво.

ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНИНА

Советские журналисты, побывавшие в прошлом году в США, в своих записках рассказали о том, что видели за тридцать три дня, прожитых за океаном. Их было семеро, разных по возрасту, по писательской зоркости, по индивидуальным особенностям, эстетическим взглядам. И хотя путешествовали они вместе, встречались с одними и теми же людьми, видели одни и те же факты, каждый из них в своих записках по-своему «открыл Америку» 1955 года. Однако, сопоставляя уже вышедшие книги А. Аджубея, Н. Грибачева и Б. Полевого, видишь в них и общее: правдивость в изображении как положительных, так и отрицательных сторон американской жизни, дружескую теплоту, с которой пишут они об американском народе.

«Американские дневники» Бориса Полевого читаются, словно хороший приключенческий роман. Они обогащают читателя не столько географическими знаниями, сколько, если можно так выразиться, психологическими, раскрывая душу, сердце, образ мышления американского народа. В книге описано много встреч с самыми различными американцами. Журналисты и биржевики, миллионеры и рабочие, известные писатели и актеры, детективы и губернаторы, рядовые служащие и крестьяне — все они проходят перед нашими глазами пестрой чередой. Одним уделены десятки страниц, другим — лишь несколько скупых строк, но никто из них не стирается из нашей памяти, как бы ни было коротко знакомство. В этом-то и сказалось мастерство писателя, зоркость и хватка журналиста, сумевшего через точную деталь, реплику, стремительный диалог показать отношение собеседника к вопросам войны, мира, взаимопонимания народов. А ведь именно под этим углом зрения смотрели на Америку советские журналисты. Их везли по заранее разработанному маршруту, им старались показать Америку с парадного входа, им мешали встречаться с рабочими, кто-то, кому выгодна «холодная война», устраивал провокационные демонстрации у гостиниц. Но, несмотря на все это, как показывает Полевой, «многие здешние люди, каждый по-своему, проявляют интерес... к нашей жизни, к нашей культуре». Невозможно читать без волнения рассказ о бесчисленных знаках внимания, дружбы, симпатии, которые американцы — одни открыто, другие тайно — на каждом шагу, в любом городе и селении проявляли к гостям из Советской России.

В центре дневников стоит образ Джона Смита, вначале конкретно-жизненный, но от страницы к странице все более превращающийся в символический, объединяющий в себе благородные черты американского народа. Нет, так и не сумел найти автор среди сотен тысяч Смитов того капитана, который на Эльбе в памятном 1945 году крепко жал ему руку. Но соотечественники Смита оказались славными людьми. Мысленные споры автора со Смитом, беседы, разговоры о прошлом, настоящем и завтрашнем дне наполняют повествование публицистическим пафосом и лирической задушевностью. В дневниках Б. Полевого много мягкого, сочного юмора, а порой и ядовитой иронии. Ирония эта оправдана: далеко не все нравится писателю в США, и глядит он на страну не глазами восторженного туриста, а взором умного, наблюдательного советского гражданина, зорко подмечающего, что может нам пригодиться и что для нас неприемлемо.

Заканчивая свой дневник, прощаясь с гостеприимным народом, Б. Полевой обращается вновь к Джону Смиту со словами: «...больше всего в Соединенных Штатах понравились нам сами американские труженики, руки которых создали все, чем богата, чем горда ваша земля. Нам понравились веселые, общительные, открытые, энергичные люди Америки, знающие толк в соленой шутке и хорошей песне». Эти слова подтверждены теми многочисленными встречами, о которых так тепло рассказал автор.

Борис Полевой. Американские дневники. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1956. 385 стр.

Вл. ЛЮБОВЦЕВ

Из прошлого

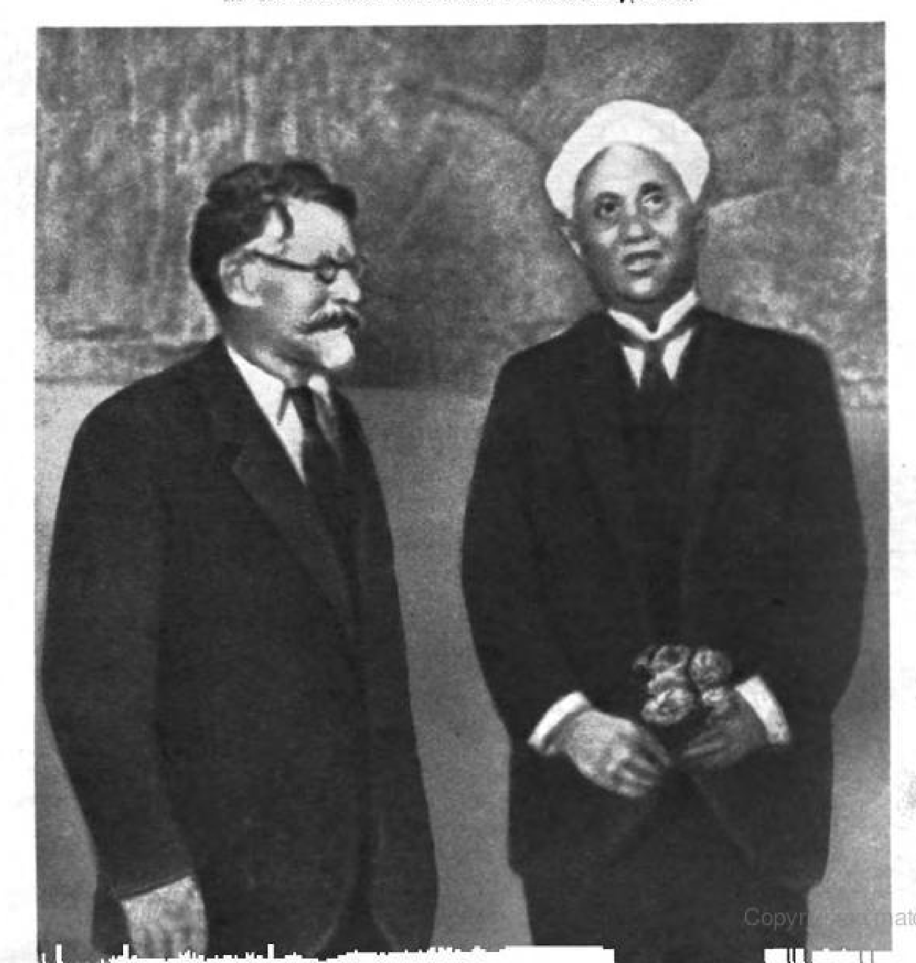
Дружба ученых Индии и России

29 декабря 1856 года впервые в иностранные почетные члены нашей Академии наук был избран индийский ученый — Раджа Шри Радгаканд Багадур, известный в истории индологии многотомным санскритским словарем.

В Архиве Академии наук СССР хранится большое количество документов и материалов, отражающих вековые дружественные отношения между Россией и Индией. Автографы индийских ученых, работавших как в области гуманитарных, так и в области естественных дисциплин, повествуют о глубокой признательности русской науке за тот вклад, который она внесла в изучение индийской культуры. Русские исследователи предпринимали путешествия в Индию с научными целями. Индийские ученые также приезжали в нашу страну.

Особый интерес представляет участие индийских ученых в праздновании 200-летия Академии наук СССР, состоявшемся в 1925 году. Среди приехавших деятелей науки был знаменитый физик Раман, ныне лауреат Нобелевской премии. В одном из своих выступлений он сказал: «Я представляю здесь 300-миллионный индийский народ, создавший пять тысяч лет тому назад величайшую культуру. Я проехал 12 тысяч миль для того, чтобы принести вам чувство восхищения и благодарности. Благодарю за ваше исключительное гостеприимство, но еще более благодарю за ваши работы по изучению азиатских языков, религий и культуры Азии».

М. И. Калинин и Раман в зале Академии.

Башня «Москва»

Е. РЯБЧИКОВ

Рисунок А. КАТКОВСКОГО.

...Над бульварами и голубой излучиной Москвы-реки, над зеленью Ленинских гор стоит, касаясь летящих облаков, грандиозное сооружение из ажурной стали. К радиобашне «Москва» еще не привыкли, и не удивительно, что туристы, экскурсанты и просто свободные от работы москвичи едут на Ленинские горы полюбоваться новым сооружением.

Сзади остается стадион в Лужниках. Машина мчится по широкому мосту над Москвой-рекой прямо к сверкающему фонтанами партеру Дворца науки. Над головой нарастает, поражая размерами, громада из металла. Сотканная из стальных конструкций, башня взвивается легко, будто взлетая в небо.

Следуя за длинной тенью от металлической вязи, въезжаем на площадь под башней. Экскурсанты, выбежав из автобусов, выбирают точки для съемки. Каждый хочет увезти на память фотографию удивительного сооружения. Очередь выстраивается перед лифтом, поднимающим гостей на башню «Москва». Экскурсовод объясняет:

— Перед вами, товарищи, радиобашня «Москва». Высота этой башни более пятисот метров. Ясно? Даю справку: она почти вдвое выше Эйфелевой башни в Париже и выше самого большого небоскреба в Нью-Йорке — «Эмпайр стейт билдинг». Башня построена для ведения передач «большого телевидения». Сюда с Шаболовки проложен специальный коаксиальный кабель. Новое сооружение изменило силуэт Москвы. А теперь, товарищи, прошу к лифту.

Просторная кабина взвивается вверх. На матовой панели вспыхивают цифры пройденных метров: 50, 100, 150, 200... Сквозь прозрачные стены из плексигласа видно, как, расступаясь, отходят внизу здания и бульвары и приближаются, готовые стиснуть кабину лифта, мощные металлические конструкции башни. Стоп! Выходим из лифта на первую смотровую площадку. С огромной высоты открывается чарующая панорама столицы. Тишина нарушается лишь шумом пролетающего самолета. Внизу, под нами, сверкает шпиль Дворца науки. А давно ли вот с таким же сильным чувством смотрели мы с Дворца на Ленинские горы и на всю Москву!

После небольшого отдыха пересаживаемся в другой лифт и продолжаем подъем. За плексигласовыми стенами кабины теперь видны лишь облака да мелькающие крепления башенных конструкций. Снова остановка. Верхняя металлическая площадка прилепилась на головокружительной высоте. На ней расставлены кресла, подзорные трубы. Чуть звучит приглушенная радиомузыка, и звенит посуда в буфете. Звуки простой, будничной жизни, поднятой в небо, только подчеркивают раздольную и величавую панораму столицы, раскинувшейся от горизонта к горизонту.

От последней «смотровой площадки» до вершины башни остается еще добрых сто метров. Попросим разрешения у служителя подняться с ним в маленькой и тесной кабине лифта за грань действия грозного объявления: «Посторонним подъем строго воспрещен».

Как ощутимо сжались балки! Башня стала теперь узкой, свечевидной, и внутри ее осторожно движется кабинка. И вот последняя остановка. Дальше можно взбираться только по винтовой лестнице. Дух захватывает, когда достигаешь венчающей башню площадки. Странное ощущение: точно вместе с башней летишь куда-то в сторону. Хоть и знаешь, что это — обычное колебание башни, но привыкнуть к нему трудно.

Воздух чист и прозрачен. Видно далеко-далеко. Столица с ее новыми районами, магистралями, набережными рисуется рельефной многоцветной картой. Маленькими кажутся теперь высотные сооружения — и колокольня Ивана Великого в Кремле, и клетчатая Шуховская башня на Шаболовке, и даже белокаменные высотные здания на Смоленской, Комсомольской площадях, на Котельнической набережной, даже Дворец науки на Ленинских горах.

...Теперь внесем ясность: все, о чем мы рассказывали, пока что всего лишь фантазия. Радиобашни «Москва» нет, но она уже существует в проекте, и недалеко время, когда стальная громада вырастет над столицей. Тогда мы подробней опишем высотное сооружение Большого телевизионного центра Москвы.

Судьба Лили

Лили Гольден и Юрий Макарочкин.

Фото С. Шингарева.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Лили Гольден хранит, как самые дорогие для нее реликвии, несколько газетных вырезок и отдельные номера журналов.

Самой давней вырезке свыше двадцати лет. Это очерк, опубликованный ташкентской газетой летом 1936 года. Читатели узнали о необычной судьбе родителей Лили, увидели снимок, на котором изображены ее отец Джон Оливер Гольден с женою Бертой.

...С самого раннего детства жизнь не баловала Джона Гольдена, сына хлопкороба из штата Миссисипи. Фермер отобрал у отца арендуемый им клочок земли и прогнал всю негритянскую семью.

Скитаясь по американским дорогам в поисках пропитания, юный Джон завербовался на рубку и вывозку леса в один из глухих районов штата Теннесси. Чудом удалось ему сбежать из этого ада, где смертельно жалили змеи, надсмотрщики до полусмерти избивали и травили собаками завербованных негров.

Джону удалось устроиться в агрономический институт для негров. Плату за учение он вносил не деньгами, а трудом: работал в мастерских института.

Многое сумел преодолеть Джон Гольден, но вдруг возникла новая, неразрешимая проблема: Гольден полюбил белую женщину, и она ответила ему взаимностью. Семья прогнала ее из родительского дома. Джон понимал, что впереди его ждет страшная развязка.

Но выход нашелся неожиданно: вместе с группой специалистов сельского хозяйства агроном Джон Гольден был приглашен на работу в СССР. Это было двадцать пять лет назад.

В Ташкенте Джон Оливер Гольден стал агрономом селекционной станции, преподавал в институте сельского хозяйства. Его жена преподавала английский язык в местном педагогическом институте.

Третий год их жизни в СССР ознаменовался рождением дочери.

Ей посвящены последние строки в газетном очерке, появившемся двадцать лет назад:

«И она (Берта) прижала к груди ребенка — маленького курчавого бэби, весело лепетавшего первые русские слова».

Впоследствии в нашей печати появились сведения о судьбе бэби. Это ласковое прозвище так утвердилось за Лили Гольден, что и поныне старые друзья семьи называют ее по-прежнему Бэби...

Вот еще одна газетная вырезка. Из нее мы узнаем, что «первого сентября 1942 года мать привела Лили в первый класс 32-й ташкентской средней школы имени Ленина». В этой школе девочка стала пионеркой, затем вступила в комсомол. Попутно Лили занималась в музыкальной школе и всерьез увлеклась спортом. О спортивных делах Лили Гольден рассказал в 1949 году журнал «Огонек» в заметке «Лили» (№ 37). Здесь мы увидели фотографию Лили Гольден, снятую в кругу участниц Всесоюзных соревнований по теннису, происходивших в Харькове.

Вот выдержка из опубликованного семь лет назад:

«С лица Лили сошла улыбка. Она помолчала, а потом сказала:

— Мой покойный отец был другом Поля Робсона. Он гостил в нашем доме, когда в первый раз приехал в СССР, и я сфотографировалась с ним. Это великий артист, которого знает весь мир, но в Америке он должен ездить в трамваях с надписью «Для цветных»...

В то время, когда появились эти строки, Лили Гольден была комсоргом своего восьмого класса ташкентской школы имени Ленина.

Как сложилась дальнейшая судьба дочери американского негра, которого запущенная болезнь сердца в 1940 году свела в могилу?

Она учится на пятом курсе исторического факультета МГУ. У нее много друзей и знакомых в кругу студенчества, среди них студенты, прибывшие в МГУ из Судана, Сирии и Ливана, из стран Европы.

Лили Гольден хорошо поет. Аккомпанирует ей муж, светловолосый молодой человек, Юрий Макарочкин, сын московского инженера, студент консерватории.

Лили и Юрий — одногодки, оба любят музыку. Она закончит высшее образование на год раньше Юрия. Летом они собираются в гости к лилиной маме, уже четверть века преподающей в ташкентском институте. Она ждет с нетерпением Юру и Бэби. Им не пришлось и не придется пережить то горе, которое постигло на заре супружеской жизни, начавшейся далеко за океаном, Берту и Джона...

Э. К. Ильтнер. ПОСЛЕ СОРЕВНОВАНИЯ.

Государственная академия художеств Латвийской ССР.

Р. Х. Валнере. В ЦВЕТОЧНОМ МАГАЗИНЕ. **Государственная академия художеств Латвийской ССР.**

Творческая заявка

Стало хорошей традицией каждый год устраивать выставки произведений молодых художников — выпускников институтов. В дипломной работе — будь то картина, графическая серия или скульптура — молодой художник ставит перед собой и разрешает по-своему, в соответствии с талантом, умением и темпераментом, творческие задачи и вопросы, занимавшие его в годы учебы. Конечно, дипломные работы не всегда определяют весь дальнейший путь художника. Но нередко именно с первых картин, свежо и своеобразно решенных, мы запоминали имена авторов и с интересом следили за их дальнейшими выступлениями на выставках.

Недавно на вкладке «Огонька» (номер 45) было напечатано несколько картин выпускников Московского художественного института имени В. И. Сурикова. В этом номере мы показываем дипломные работы недавних еще студентов Академии художеств Латвийской ССР и Ленинградского института имени И. Е. Репина.

Как всегда, молодежь волнуют самые различные темы, интересуют самые разные события, о которых она хочет высказаться в искусстве со страстью молодости.

И картиной, в основу сюжета которой легла революционная история, как, например, «Маевка» В. Орешкина, и таким произведением, как «Из школы» Н. Позднева, в котором как бы и нет значительного сюжета, художники могут затронуть душу зрителя, если они сумели изобразить жизненную правду и свое отношение к героям.

Чем согрета небольшая картина А. Козловского «На работу в деревню»? Художник с большой симпатией написал всех троих участников сцены. Наверное, немало будет трудностей у девушки на первых порах ее самостоятельной жизни в деревне, будут и огорчения и слезы. И легко догадаться, о чем думает дед, хитрость которого скрывается в глазах, спрятанных под козырьком кепки, и в губах за усами и бородой: "Не сбежит ли?!» Нет, не сбежит, заверяет нас автор всем милым обликом девушки, ее убежденностью в правильности избранного пути. И зритель верит ему, верит героине, потому что в картине есть правда, логика характеров.

Скорее живописные, чем сюжетные задачи ставили перед собой Э. Ильтнер и Р. Валнере, выполняя свои дипломы. Их художественный вкус, творческий темперамент подсказали каждому тему, композицию, манеру, цветовой диапазон.

На 5-й всесоюзной выставке дипломных работ студентов художественных институтов, в залах Академии художеств СССР экспонировалось немало произведений, свежо написанных и интересно отражающих пережитое, увиденное и услышанное.

Н. СВЕТЛОВА

Полет через два океана

И ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Некоторые обстоятельства отлета из Мельбурна

Когда я отправлял из Мельбурна последний репортаж об окончании Олимпийских игр, то меньше всего предполагал, что появится желание немедленно его продолжить. Я, конечно, собирался рассказать читателям попозже об Австралии и австралийцах и выполнить то, что мы, журналисты, не могли сделать во время игр, зная, что читателей в это время интересовали спорт и успехи советских спортсменов. Но дорога из Мельбурна в Москву оказалась интересной, и о ней захотелось рассказать особо.

Вечером 10 декабря, за несколько часов до отплытия «Грузии», мы вместе с руководителем советской спортивной делегации Н. Н. Романовым приехали на теплоход. Это был последний вечер в Мельбурне. Померкли олимпийские огни. Газеты, уделявшие много места играм, кончили публиковать спортивные фотографии, сводки и информации, предоставив место другим снимкам и рекламным рождественским объявлениям. Одна из газет напечатала шуточный рисунок: мальчик на улице, сняв одно из пяти олимпийских колец в витрине магазина, гонит его, как обруч, по тротуару. Жизнь шла своим чередом, но нельзя сказать, чтобы шла очень гладко. Накануне авиационная американская компания «Пан-Америкэн-Эйруэйз» сообщила, что в связи с отказом госдепартамента США выдать нам транзитные визы для следования через Америку она вынуждена предложить другой вариант перелета. В Лос-Анжелосе члены советской делегации пересаживаются на самолет скандинавской авиакомпании САС и летят через Канаду — Северный полюс или Гренландию в Копенгаген, затем в Стокгольм.

До этого через Соединенные Штаты Америки в разные концы света летели по олимпийским удостоверениям без каких бы то ни было виз участники Олимпийских игр, руководители спортивных организаций, тренеры и журналисты. Только в отношении тридцати советских людей был сделан этот грубый, недружественный шаг, совершена неслыханная дискриминация. Представитель авиакомпании, заинтересованный в деловых связях с Аэрофлотом, вынужден был сказать, что рассчитывать на получение виз бесполезно. Надо было решать. Билеты на другие авиалинии были распроданы на много дней вперед, и нам не оставалось ничего другого, как принять предложенный авиакомпанией ПАЭ вариант. Сократив число предполагаемых авиапассажиров с тридцати до восемнадцати (больше компания не смогла предоставить мест в самолете), выражая и удивление и возмущение этим редким по своей грубости и бесцеремонности поступком, мы согласились лететь через Канаду.

На «Грузии» в последний вечер шла шумная жизнь. Играла радиола. На верхней палубе танцевали спортсмены. На этот раз танцевали не только наши спортсмены, но и чехословацкие, всей делегацией отправившиеся в обратный путь на теплоходе «Грузия». В одном из корабельных помещений я вдруг увидел человек пятьдесят спортсменов, окруживших сидевшего на скамье седоволосого, в черной рясе человека. Спортсмены слушали его, изредка задавая вопросы. Доносился негромкий голос:

— В это время года... В Тихом океане... Бывают...

Картина была столь неожиданная, что я не удержался и спросил находившегося в это время на теплоходе нашего консула:

— Откуда священник у спортсменов?

Консул ответил:

— Священник Михаил Петрович Рагожин возвращается на родину. Долго жил в Австралии. Сейчас рассказывает, какая может быть погода на пути следования «Грузии». Да он не один у нас такой пассажир. Едет еще семья Асмоловских. В годы войны фашистские оккупанты угнали их из Черкасс. Долго им пришлось скитаться, вот оказались в Австралии. Сейчас возвращаются домой в Черкассы. Все время плачут от радости. Таких, как Асмоловские, здесь немало. Семей пятьдесят сообщило о том, что хотят вернуться на родину...

Крепкие рукопожатия, объятия тех, кто завтра разными маршрутами, разной скоростью отправится к родному порогу. Высокий борт теплохода «Грузия». Ярко сверкающие австралийские звезды. Тихий, входящий в берега Мельбурн.

Последнее рукопожатие

Во время Олимпийских игр если и не видом спорта, то, во всяком случае, средством общения друг с другом был обмен спортивными значками. Как всегда в таких случаях, наибольшее количество значков оказывалось не у спортсменов. Одна из секретарей прессцентра представляла собой щит, сплошь завешанный значками. Огромной популярностью пользовались советские спортивные значки. Чем ближе к концу шли игры, тем больше повышался интерес к значкам. Наши спортсмены, тренеры раздавали сотни, тысячи их, и все было мало. Особой любовью пользовался маленький красный флажок с пятью олимпийскими кольцами. Когда мы 11 декабря прилетели из Мельбурна в Сидней, где нам предстояла пересадка на самолет американской компании, служащие аэропорта попросили у нас значки. Мы пошарили по карманам — значки нашлись. Подходили все новые и новые люди.

— Нет ли значка?

— Хотите эту вещь за один советский значок? — спросил какой-то человек, держа в руках дорожную сумку на молнии. В глазах у него была откровенная мольба.— Вы улетите, и когда теперь ждать советских людей? Возьмите сумку.

У кого-то за лацканом пиджака оказался спрятанный про запас значок; вздохнув, он отстегнул и протянул его австралийцу. Тот заговорил: «Спасибо, спасибо» — и протянул сумку.

— Что вы, что вы! — отдернул наш попутчик руку.— Это вам на память.

Австралийцу объяснили, что никакого обмена не надо. Он благодарил, но в глазах у него было недоумение. Иронически смотрел на все это и пожилой человек в засаленном, старом костюме, с густыми черными бровями, нависшими над хитрыми глазами. Едва мы оказались в аэропорте Сиднея, как он появился возле нас и заговорил на ломаном русском языке:

— Я буду вас сопровождать. Я прикреплен к вам.

— Кем?

— Никем особенно... Я помогаю авиакомпаниям. Я буду вам объяснять.

— Что?

— Что хотите.

— Но мы собираемся лететь.

— Вам придется ждать часа четыре. Я буду с вами.

— Да кто вы?

— Я знаю русский язык. Я бывший раввин. Сейчас здесь работаю. Но я богатый человек. Хотите, я устрою вам бесплатный завтрак?

— Спасибо, мы сыты.

— Вам все равно полагается. Идемте в ресторан.

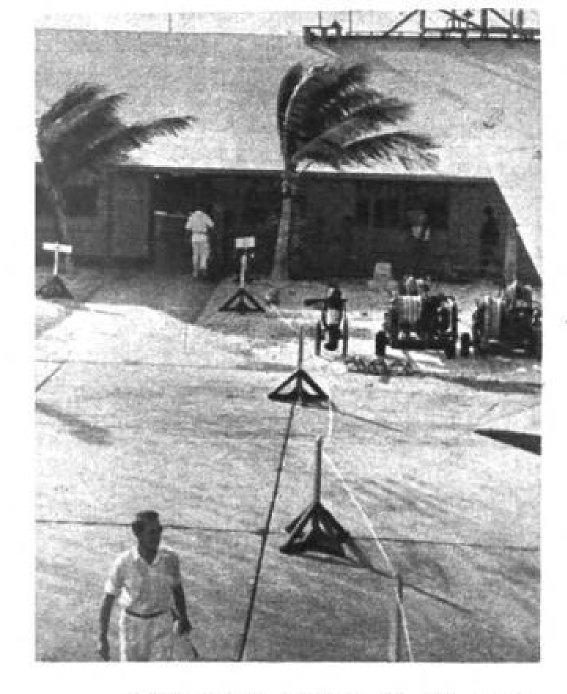
— Да мы сыты...

— Все равно идемте... Вас хочет снять за завтраком телевизионная компания. Я обещал им помочь. Дайте мне заработать.

— Вы же богатый человек?

— Поэтому я и хочу заработать.

Этот неизвестно откуда свалившийся человек был так настойчив,

В аэропорте Кантон. Тихий океан.

а время тянулось так медленно, что мы пошли в ресторан. Там группа аргентинских спортсменов, подвыпив неизвестно от каких радостей, вызванивала на ложках, вилках, тарелках какой-то победный марш.

Позавтракав, мы вернулись в зал ожидания. За нами по пятам ходили кинооператоры. Когда отснял один, после сигнала добровольного импрессарио начал снимать другой — он уже представлял какую-то другую телефирму. Импрессарио был доволен.

— Вы мне помогли заработать.

От него нельзя было отвязаться. Вот уж действительно! Столько было встреч с хорошими людьми в Австралии, а в последние часы черт нанес какого-то дешевого спекулянта!

— Подарите мне на память значок, — обратился вдруг этот человек к нам.

Все замолчали.

— Подарите, я много для вас сделал.

И тогда один из самых молчаливых среди нас сказал:

— Значка, который вы заслуживаете, у нас нет, а тот, который у меня остался, не про вас.— И он достал последний значок с пятью кольцами и прикрепил его к комбинезону слушавшего разговор грузчика. Грузчик благодарно пожал руку нашему товарищу.

Обернувшись, мы увидели, что чернобрового нахала уже не было. Мы все пожали руку грузчику. Это было последнее рукопожатие на австралийской земле.

К экватору

Мы вылетели из Сиднея во вторник. Под нами лежал Тихий океан. Самые рьяные из нас спрятали записные книжки. Записывать было нечего. Вверху висело голубовато-белесое, обесцвеченное зноем южного полушария небо. Внизу синел океан. Несколько раз с высоты пяти тысяч метров мы замечали выделявшиеся на океанской сини розовато-зеленые круги.

— Это коралловые атоллы, — пояснили знатоки Тихого океана.

Больше никаких особых примет не было. Каждый занимался чем мог. Когда к ночи первого дня, пролетев около десяти часов без посадки, самолет опустился в аэропорте Нанди на одном из островов Фиджи, все почувствовали зной, духоту, пряные запахи каких-то заметных и в темноте красных цветов, запах нагретого бензина. Черное небо. Тусклые неоновые фонарики. Чуть колеблемые океанским ветерком, горят факелы. Пассажиров самолета приглашают в ресторан. Ресторан похож на большую хижину. Стены из бамбука и прочной, одеревеневшей, искусно выделанной соломы. Маленькие низкие столики. В белых юбках, босиком, с черной жесткой шапкой волос, бесшумно ходят от столика к столику официанты, разнося стаканы ананасового джуса с мелко накрошенным льдом. Здесь же маленький магазин с сувенирами. Деревянные и перламутровые рыбачьи лодки, пестрые косынки. За прилавками белокожие женщины. Товары производят черные, продают белые. Разделение труда строгое. На скамейке возле аэропорта, наблюдая за самолетами, сидят несколько местных жительниц. Они в разноцветных платьях, некоторые курят. Они совсем непохожи на тех, что изображены на плакатах, показывающих красоты островов Фиджи. Невольно вздыхаю: очень темно, фотографировать невозможно.

Около небольшой конторки, за которой стоит служащий авиакомпании, несколько южноамериканцев после темпераментного разговора едва не устроили драку из-за дорожной сумки, понравившейся двум из них. Один выхватил сумку из рук другого, тот что-то искал и не находил в кармане. Служащий компании скептически смотрел на спорящих и хватавших друг друга за грудки транзитников. Узнав, что мы русские, видимо, желая нам доставить приятное, сказал:

— Здесь уже пятьдесят лет живет один русский. У него фабрика электромоторов. Только он сильно пьет. Пропивает все и снова возобновляет свое дело.

Я попробовал представить себе фабрику электромоторов, пропиваемую и вновь восстанавливаемую, и не сумел.

Где-то уже около часа ночи мы покинули Фиджи и врезались в черное тихоокеанское небо. Это была первая ночь в самолете. Утром самолет приземлился на аэродроме атолла Кантон. Песчаные берега. Сверкающие под ослепительным солнцем бензиновые баки. Несколько сгибаемых к земле сильным ветром чахлых пальм. Съеденный океанской водой железный дырявый мол. И над всем этим британский флаг. Как-то печально и безлюдно было на этом острове, лежащем у самого экватора в Тихом океане. Ощущение приниженности и бесправия даже в самой бесшумной походке жителей острова, рабочих, заливавших горючее в емкие баки самолета. В глазах людей не было радости, а только опасение. Немало мне пришлось поездить по белому свету, и всюду, где еще не сброшено ярмо колониализма, в глазах людей нет радости и того блеска, который говорит о том, что человек есть человек. В блокноте у меня хранилась наклейка для чемодана, врученная стюардом, когда мы, оставив наш «ТУ-104», пересели в самолет американской компании и отправились из Рангуна через Сингапур и Дарвин в Мельбурн. Сколько цинизма и откровенно выраженного человеконенавистничества было в этой пестрой наклейке, изображавшей двух европейцев, восседавших в коляске рикши! Рикша на наклейке прилизанный,

выглаженный, совсем не такой, каких мы видели в жизни.

...Самолет поднялся в небо. Последнее, что удалось заметить из окна самолета,— бедные глиняные хижины на песчаном откосе, врезающемся в океан, и над ним зло трепетавший на сквозном океанском ветру британский флаг.

Что можно делать над экватором!

Через час полета кто-то сказал:

— Товарищи, внизу экватор.

— Где?

— Вон, видите, отмечен красной линией.

Доверчивые взгляды устремились в окна.

...Что же, шутка при таком путешествии помогает скоротать дорогу! Скажу прямо, среди пересекающих Тихий океан по диагонали не было должного уважения к экватору. Во время долгих путешествий по железной дороге, ночевок и остановок в больших и малых гостиницах мне не раз приходилось быть свидетелем жестоких, затягивающихся до утра сражений в преферанс. Но никогда еще не приходилось наблюдать столь острого сражения над экватором. Откинув спинки кресел, расчертив лист бумаги, сидели четверо из восемнадцати, сосредоточенно смотря в карты. В самолете то и дело слышалось:

— Шесть пик.

— Семь червей.

— Мизер...

Я думаю, что не обижу и не нанесу никаких потерь авторитету моих спутников, если сообщу, что именно там было найдено новое название подкидному дураку — дурак экваториальный.

Вот, оказывается, чем можно заниматься над экватором!

Приезжайте в Гонолулу

— Товарищи, какое сегодня число? — спросил один из нас, человек опытный и много повидавший.

— Двенадцатое, — раздалось несколько голосов.

— Подумайте внимательно.

— А что же думать? Мы вылетели из Сиднея одиннадцатого декабря, ночь провели в самолете, значит, сейчас...

— Одиннадцатое декабря...

— Не может быть!

— Проверим, когда прилетим в Гонолулу.

По правде говоря, сидя в самолете, мы мало думали о том, какое сегодня число. Нам, побывавшим год назад в Америке, запомнились рекламные плакаты, висящие в отелях и в магазинах, на которых были изображены зеленые пальмы, золотое побережье, синие волны океана, жгучие брюнетки в купальных костюмах. И надпись: «Приезжайте в Гонолулу!».

Служащий авиакомпании, вручивший билеты нашему представителю в Мельбурне, говорил:

— В Гонолулу — четырехчасовая остановка. У вас будет возможность выкупаться в Тихом океане, посмотреть замечательные гавайские пляжи.

Мы тревожно всматриваемся в розовые облака, освещенные заходящим солнцем. За окнами явно вечерело. Но в разрывы облаков под нами все еще виднелся потемневший океан. Наконец на горизонте показались очертания горных вершин.

— Гонолулу!

Начались оживленные сборы. Но вдруг раздался голос старшего стюарда. В самолете были пассажиры из Франции, Канады, Германии, Венесуэлы, но обращался он только к нам:

— Господа русские пассажиры, просьба захватить все вещи из самолета, все, вплоть до плащей.

— Что, будет пересадка?

— Да, возможно... Возможно, будет осмотр багажа.

Самолет сделал вираж, развернулся и пошел на посадку. В окно было видно легкое, зеленого цвета двухэтажное здание аэропорта, окруженное несколькими пальмами, вписанными в желто-лимонный с сиреневыми мазками закат. Не успели в последний раз обернуться винты, как их шум сменился другим. Один за другим взмывали над нами реактивные истребители. Мы направились в здание аэропорта, сопровождаемые какими-то людьми в штатской одежде. Я не хочу подробно описывать, как открывали таможники наши чемоданы, шарили в дорожных сумках. Скажу только, что нам все это было чрезвычайно странно, так как мы не собирались задерживаться в Гонолулу. Мы улыбались друг другу: поездка на гавайские пляжи? Купание?.. Появились корреспонденты и фотографы. Засверкали вспышки импульсных ламп. Посыпались вопросы. И вдруг кто-то тронул рукав Якова Куценко.

— К вам пришел Коно.

— Коно? Чемпион Олимпийских игр?

— Да, Коно. Он пришел встретить Аркадия Воробьева. Но Воробьев плывет на «Грузии»...

Старые знакомые встретились. Коно надел на шею Якову Куценко венок — знак искреннего уважения. К этому времени закончился осмотр наших чемоданов и сумок. Нас пригласили попробовать гонолульского мороженого. Расположившись за несколькими столами, мы разговаривали с журналистами. За столиком, где сидели Яков Куценко и Коно, переводила какая-то женщина, хорошо знающая русский язык. Коно рассказывал Куценко о своих планах:

— Хочу перейти в полутяжелый вес и встретиться с Аркадием Воробьевым.

Старший детектив...

— А что собираетесь делать в жизни?

— Хочу заняться бизнесом.

— Где?

— Здесь, на Гонолулу. Здесь мои родители, моя родина.

— Вы женаты, Коно?

— Нет еще... Заработаю денег, тогда женюсь.

Коно, сидевший за столиком в легкой, пестро разрисованной рубашке навыпуск, говорил не очень много. Этим воспользовалась какая-то шустрая журналистка.

— Как вам нравится Гонолулу?

Куценко ответил:

— Гонолулу я, к сожалению, не видел.

Журналистка не отставала:

— Вы хотели бы остаться в Гонолулу?

Куценко был удивлен. Женщина, выдававшая себя за журналистку, действовала с места в карьер, так сказать, без предварительной подготовки.

— У каждого человека есть свой родной дом, — сказал Яков Куценко. — У меня он есть на всю жизнь, и я его не собираюсь менять.

— Передайте мои приветы Аркадию Воробьеву, — снова вступил в разговор Коно. — Он очень хороший спортсмен. Я надеюсь с ним встретиться.

Вот так бывает в жизни. Пришел один человек в аэропорт, человек, встречавшийся с советскими штангистами в трудных соревнованиях, и как-то отодвинул в сторону, сгладил тяжелое впечатление, которое создалось от встречи с гонолульскими чиновниками, действовавшими в духе «политики силы».

Невысокого роста, в очках, с вдумчивым, серьезным лицом, стоял Коно у порога аэропорта, провожая нас в путь. Направляясь в самолет, на одном из щитов я увидел пестрый плакат и надпись на нем: «Приезжайте в Гонолулу!». Кстати, мы были в Гонолулу 11 декабря. Таким образом, вылетев из Сиднея 11-го, проведя ночь в воздухе, после пересечения границы перемены чисел мы снова оказались в 11-м числе.

Кто-то даже сказал:

— А как нам будут исчислять суточные?

Нейлоновые елки и детективы Пинкертона

Вторая ночь в самолете над Тихим океаном. Полет длился более десяти часов. Стало совсем светло, когда мы увидели очертания суши. Это была Калифорния. Скоро замелькали домики Лос-Анжелоса, этой «большой деревни», как зовут калифорнийцы свой город, в котором главная улица тянется почти на 30 миль. Среди нашей группы трое в прошлом году с делегацией советских журналистов побывали в Лос-Анжелосе: Н. Грибачев, А. Аджубей и я. Меньше всего мы тогда думали, что снова придется повидать город, в котором у нас были интересные встречи и довольно острые разговоры с сопровождавшими нас представителями госдепартамента, на первых порах запретившими нам видеться с Лионом Фейхтвангером и молоканами, живущими в Калифорнии.

Встретим ли мы кого-нибудь из старых знакомых? Когда самолет, еще дрожа, остановился на бетонной дорожке и открылась дверца, мы услышали голос:

— Господа рюсские, просим ждать, потом будем выходить.

Мы обождали, пока не вышли все пассажиры.

— Господа рюсские, просим.

Мы пошли. У самолета с фотоаппаратами и микрофонами в руках вертелось несколько десятков репортеров. Защелкали аппараты. Едва не вталкивая в рот микрофоны, оттирая друг друга, радиорепортеры засыпали вопросами Н. Романова. Эта вакханалия длилась около получаса. Стоя в стороне, мы рассматривали окружавших нас людей. Я не оговорился, именно окружавших. После нескольких минут глаза привычно выделили около десятка людей, всем своим видом показывавших, что пребывание здесь, на аэродроме, является для них служебным делом и что от того, что они лицезреют нас, они не получают никакого эстетического удовольствия. Среди других, тонких и высоких, профессия которых сделала их похожими на гончих, выделялся один — коренастый, уже лысеющий, постриженный бобриком, седой, в белой рубашке с коротким темным галстуком на заколке. Чем-то он напоминал старого бульдога.

Это были наши старые знакомые. Не то, чтобы именно те, с которыми нам пришлось познакомиться во время прошлогоднего пребывания в США, а их молочные (если они употребляют этот напиток) братья. Они разглядывали нас, мы разглядывали их. Наконец репортеры отвалились от главы нашей группы. Мы сели в автобус. Вслед за нами, придерживая оттопырившиеся под пиджаком задние карманы брюк, в автобус полезли детективы. Вот так транзит! По номерам в гостинице Хайятт-хауз, расположенной рядом с международным аэропортом, нас разводили в сопровождении детективов. Выглянув в окно из номера, мы увидели стоящего под пальмой седого детектива. Жарко палило солнце, старик вытирал свою седую голову платком. В ресторане за завтраком нас тоже окружали детективы. Кончился завтрак. Был полдень. Отлет был назначен на двенадцать часов ночи с минутами. Мы обратились к представителям компании с просьбой дать возможность съездить в Диснейленд, место отдыха лос-анжелосских жителей. Разговор происходил около бассейна. Репортеры уговаривали нас фотографироваться с неизвестно откуда появившимися тремя красавицами в купальных костюмах. Репортерам позарез нужна была сенсация. После совещаний и звонков по телефону нам сказали, что в Диснейленд можно ехать, но, как об этом сообщила лос-анжелосская газета «Геральд экспресс», «официальные лица приказали визитерам» все время держаться вместе «под наблюдением двух агентов и четырех пинкертоновских детективов».

...и его помощники.

Погрузившись вместе с детективами в автобус, мы направились в Диснейленд. Дымное марево висело над городом. Глаза ело острым, пропитанным бензиновыми парами туманом. Калифорния встречала рождественские праздники. На пустынных улицах висели украшения. Кое-где продавали зеленые елки. Рядом с зелеными стояли серебристые, голубые и розовые елки. Я спросил одного из детективов:

— Это что, крашеные?

— Нет, елки нейлоновые.

— Нейлоновые?!

— Да, нейлон отличный. Рекомендую, — сказал детектив, держась за задний карман брюк: от толчков автобуса пистолет вываливался.

Рассказывая в прошлом году о поездке в Америку, я подробно писал о Диснейленде, этом, с хорошей выдумкой сделанном месте отдыха для взрослых и юных лос-анжелосцев. Разница между нашим настоящим и прошлогодним посещением была одна. В прошлом году в Диснейленде было много посетителей и не так уж много сопровождавших нас детективов. Сейчас было много детективов и совсем мало посетителей. К вечеру мы вернулись в гостиницу, повидав по пути нейлоновые елки с зажженными на них фонариками. У каждой двери ресторана, когда мы ужинали, стоял детектив. У выхода, притомившиеся за день, сидели детективы.

Время нашего пребывания в Лос-Анжелосе истекало. Мы отправились в аэропорт. Газета, сообщавшая о том, что нас сопровождали шесть детективов, значительно занизила цифру. В длинном, душном и грязном зале аэропорта они были насованы всюду. Стоило подойти к книжному киоску — немедленно около оказывался детектив, стоило подойти к автомату и бросить десять центов, чтобы получить картонный стаканчик с кока-кола, единственным напитком, если не считать мутного кофе в автоматах, — рядом оказывался детектив. Стоило... Но лучше в этом месте остановиться. Я хотел послать телеграмму в Москву и ходил, ища глазами телеграф. Вместе со мной ходил детектив. Тогда я попросил детектива помочь мне отправить телеграмму. Мы вместе побродили по длинному залу аэропорта и, не найдя телеграф, прекратили поиски. Ожидали самолет мы в маленькой, жарко натопленной комнате. Отправление самолета задерживалось. Седой детектив, махнув на все рукой, сел напротив двери, вытирая лоб платком. Лицо у него было измученное. Нас было 18 человек. И никому не сиделось на месте. То и дело мы выходили из комнаты ожидания и бродили по аэропорту, натыкаясь на детективов, торчащих за окнами, стоящих у стен и киосков. Сами не думая, мы задали им большую работу. Откровенно скажу, нам было смешно. Как сообщали газеты, нашей группе было запрещено путешествие по стране с запада на восток в Нью-Йорк, по «соображениям безопасности». Несколько руководящих работников советского комитета спорта, тренеры и журналисты, оказывается, представляли опасность для США?! Надо не слишком уважать самих себя и своих граждан, чтобы огородить обычных транзитных пассажиров таким частоколом из детективов!

...Когда наконец объявили посадку в самолет, детективы обрадовались. Седой старик, стриженный бобриком, откинувшись на диване, напротив комнаты ожидания, подмигивал, провожая нас к самолету.

Скоро внизу поплыли разноцветные огни Лос-Анжелоса, похожие на фонарики на нейлоновой елке.

* * *

В аэропорте Виннипег. Канада.

Теперь мы были пассажирами скандинавской авиакомпании. Ранним утром, выглянув в окно, мы увидели запорошенные снегом леса, красное солнце, встающее над облаками. Внизу лежала Канада. Самолет заскользил над голубеющим в утреннем тумане городом и пошел на посадку. Это был город Виннипег. Когда мы сошли на аэродром, под ногами захрустел снег.

— Это не нейлоновый снег? — спросил кто-то, вспомнив нейлоновые елки Лос-Анжелоса. Нет, снег был настоящий. И все потом было настоящим: и тринадцатичасовой перелет над Канадой и Атлантическим океаном до Копенгагена, в стороне от Гренландии, и летчики, отлично проведшие самолет в кромешной тьме атлантической ночи, и радость скорого возвращения на родную землю после длинного и нелегкого пути.

Ирина БУГРИМОВА

Доктор Цезарь

При заболевании других львов дело бывает проще. В тяжелых случаях около клетки стоит ветеринарный врач, дающий указания. А все необходимые операции или процедуры произвожу я. Больной хищник, словно чувствуя, что вместе с человеком приходит облегчение, как правило, не трогает меня. Правда, и в таких случаях надо соблюдать предосторожность.

Цезаря мои помощники в шутку прозвали «доктором». Как-то Таймур и Кай сильно подрались, и Таймур ободрал рот противнику. У него текла кровь. Лев скулил, ему больно было есть, он сидел в уголке вольеры и никого не подпускал к себе. Я стояла вдали и думала о том, как же помочь больному. Вдруг смотрю, к Каю приближается Цезарь. Больной лев начал тихо рычать. Но Цезарь подошел к Каю вплотную и стал вылизывать ему ранку. Больной доверчиво подставил морду для этой операции. Так продолжалось несколько дней, мы с интересом наблюдали за «самопомощью» зверей, находящихся в неволе, и выпускали в вольеру Цезаря специально для лечения его друга.

Мы называем Цезаря помощником. Это удивительно способный лев. Он быстро соображает, его легко научить самому сложному трюку. Иногда он даже как бы стремится помочь другим зверям, у которых что-либо не ладится.

Я тренировала львов в прыжках через большой обруч. Кай никак не мог понять, чего, собственно, от него требуют. Не помогали ни приманка, которую он мог получить, только прыгнув через кольцо, ни легкие подталкивания кончиком хлыста. Проходили дни, а с Каем попрежнему ничего не получалось. Но однажды, когда непонятливый Кай стоял перед кольцом, через которое я протягивала ему кусочек мяса, неожиданно к кольцу подскочил Цезарь. Оглянувшись, он прыгнул через обруч, немедленно получив мясо, предназначавшееся Каю. Я быстро взяла другой кусок мяса и, поманив им, снова пригласила Кая прыгнуть. И Кай, к моей великой радости, вдруг понял, чего от него хотят.

Я, конечно, далека от мысли приписывать Цезарю сознательное намерение помочь Каю. Он просто хотел заработать лишний кусок мяса, но, повторяю, Цезарь очень сообразителен, и у него отличная память.

Львы очень боятся огня. Как же удалось приучить их к прыжкам через огненное кольцо? Когда мои «артисты» уже научились прыгать через обычное кольцо, мы закрепляли в нем несколько маленьких фитилей, едва смоченных керосином. Ощутив только небольшое тепло, зверь привыкал к огонькам. Количество фитилей увеличивалось постепенно, и львы не боялись пламени. Впрочем, трюк этот им все же не нравится, и они стараются поскорее исполнить этот номер.

Однажды в Иркутске сквозь огненное кольцо одновременно прыгнули Дик и Радамес и застряли в нем. Обычно кольцо просовывает между прутьями клетки кто-либо из помощников, держа его конечно, в перчатке. Под тяжестью двух львов мой помощник уронил кольцо. Львы покатились по манежу в огненном обруче, на их шеях загорелась шерсть, в цирке запахло паленым. Сквозь прутья клетки мне бросили плотную перчатку, и, подбежав к огненному кольцу, я помогла Радамесу освободиться из него. А испугавшийся Дик рванулся с кольцом и заметался по манежу, рыча от боли. С трудом удалось сбросить со льва кольцо. К счастью, у львов не было ожогов. Но теперь они уже отказывались прыгать через огненное кольцо, и мне стоило больших трудов снова восстановить номер.

Иногда зрители бросают через верх клетки хлеб или пряники. Но львы никаких лакомств не признают, кроме свежего мяса. На свободе зверь настораживается перед каждым незнакомым предметом. В неволе львы это свойство сохраняют и боятся всего непривычного. Дрессировщик не должен забывать об этом.

Как-то парикмахер сменил мою обычную пышную прическу на гладкую: «Так вам больше идет!» Львы моментально заметили эту незначительную перемену. Цезарь с таким удивлением присматривался ко мне, как будто он увидел меня впервые. Я сразу подошла к нему, стала его гладить, разговаривать с ним, чтобы успокоить его.

Вспоминается трагический случай с советским дрессировщиком Фарухом. Он выступал в восточном костюме с чалмой на голове. Несколько лет назад во время представления его чалма упала и покатилась по полу манежа. Фарух наклонился и хотел поднять ее. В этот момент один из львов спрыгнул с тумбы и схватил дрессировщика за горло. Фарух упал замертво...

В Тюмени, поднимаясь со львом на качелях, я выронила из рук палочку. Забыв об этом и уже опустившись на манеж, я неудачно наступила на палочку, поскользнулась и растянула сухожилие. Из-за боли я на мгновение выпустила из-под контроля Дика. Почувствовав мою минутную слабость, лев неожиданно прыгнул на меня. Не знаю, как удалось мне увернуться от огромной туши! След когтистой лапы, вонзившейся в мое плечо, довольно долго напоминал об этом вечере.

«Охота на львов»

Я уже рассказывала, что после случая в Сочинском цирке было решено начать дрессировку новой группы львов. Подключать к старикам молодых хищников очень трудно: львы неохотно, даже болезненно встречают новичков. Поэтому надо было подобрать новых зверей и готовить с ними аттракцион. Были разосланы телеграммы в зоопарки и зверинцы с запросами, нет ли у них молодых львов.

Из Риги сообщили, что там имеются три брата: Паша, Султан и Эмир, в возрасте от двух до трех лет. Львы эти жили почти в природных условиях на большой территории зоопарка, обнесенной высокой железной изгородью. Они одичали, и к ним никто не осмеливался приблизиться.

Я приехала в Ригу зимой. Выпал глубокий снег, деревья зоопарка были в инее. Издали я увидела в вольере трех могучих, красивых, сильно обросших шерстью хищников. Как выловить этих львов? Мы изготовили прочные клетки для транспортировки зверей, нечто вроде больших мышеловок с опускающимися дверками. Служащие зоопарка расставили их в вольере, положив в них приманку — куски мяса. Султан и Эмир попались быстро. Но третий лев долго ходил голодный и злой вокруг да около приманки, свирепо рычал, но в клетку не заходил. А Султан и Эмир бросались на прутья клетки, пытаясь вырваться из неволи и разбивая в кровь свои морды. Директор зоопарка советовал забрать двух львов и уехать, потому что хитрый Паша не пойдет на приманку.

Только на шестой день, видя, что вокруг никого нет, голодный Паша потихоньку подобрался к клетке и с невероятной жадностью набросился на мясо.

Окончание. См. №№ 50 и 51.

У меня новая группа львов

И вот мы в Батуми. Сюда уже были раньше доставлены семь львов, включая Цезаря, с которым я так и не расставалась. Теперь вся группа в сборе. Надо опять приручать каждого зверя отдельно, потом сводить их вместе, «знакомить» друг с другом и только потом готовить трюки.

Три льва из Рижского зоопарка оказались самыми трудными и дикими. Я сама кормила их, протягивая им сквозь прутья клеток куски мяса. Потом мы решили выпустить братьев в небольшую вольеру за кулисами цирка. Они не хотели выходить из своих клеток, злобно огрызались и отбивались.

В вольеру выпустили одного Эмира. Вооружившись железным трезубцем, я вошла к льву. Сбоку за решеткой стояли ассистенты, готовые придти мне на помощь. Я ласково стала окликать Эмира. Он шарахнулся в сторону и застыл, готовый к броску. Я стояла в клетке, разговаривая с львом, приучая его к своему голосу и присутствию...

Так, по очереди, мы знакомились и с двумя другими львами. Они постепенно привыкали ко мне, я присматривалась к ним, стараясь лучше изучать их.

Наконец в вольеру вошли все три брата. Встретили они меня спокойно, но Паша сделал неожиданный бросок. Я изловчилась и хлыстом щелкнула его по носу. Он привык к тому, что никто не смел даже приблизиться к нему,— и вдруг щелчок по носу! Паша опешил, отпрянул, присел у стенки вольеры.

Наш «непринужденный разговор» со львами продолжался более часа. На следующий день Паша снова попытался броситься на меня. На этот раз я ударила его больнее. Лев отскочил и затих. Он почувствовал, что человек сильнее зверя и нападать на него опасно...

После длительной работы с этими львами мне удалось покорить их и заставить проделывать разнообразные трюки. Теперь я глажу голову Паши, треблю его гриву, сажусь на него. А вот Эмир, казавшийся раньше ласковым и податливым, сейчас почти не подпускает к себе, огрызается, пытается ударить меня лапой.

Из моих старых воспитанников только Цезарь был включен в новую группу, насчитывающую теперь одиннадцать львов.

В день, когда в клетку впервые впустили двух молодых, незнакомых Цезарю львов, он ни за что не хотел войти к ним. Видимо, старый «артист» еще не забыл кровавой схватки с Араксом, Самуром, Радамесом и Диком. Он отказался и репетировать. На следующее утро пришлось обмануть старого Цезаря. Его первым подвезли к большой клетке и выпустили в нее. С опаской оглянувшись по сторонам, он прыгнул на свою тумбу. Потом выбежали молодые львы. Из любопытства они было бросились к Цезарю. Но он насторожился, шерсть его поднялась дыбом. Только когда я заставила молодежь усесться на свои места, Цезарь успокоился.

Так, постепенно, добавляя по два, по три льва, я объединяла всю большую группу. Это была опасная и кропотливая работа.

Как и прежде, я показываю «Льва в воздухе». Но теперь я поднимаюсь вверх с новым «артистом» — Адамом. Это очень хороший и добрый зверь. Правда, он удивительно вспыльчив и обидчив. Даже легонький щелчок выводит его из себя, и он перестает быть покорным. Адам — лакомка. Зная это, я давала ему мяса больше, чем другим, но кормила всегда на качелях. Он привык к тому, что его кормят на площадке, поднятой на большую высоту.

С новыми питомцами я подготовила номер «Лев на канате». Исполняет его Нерон. Он зол и коварен, и от него всегда жди какой-нибудь выходки. Но это умный лев, и, главное, он почти не боится высоты. Сначала я приучила его ходить по буму. Затем деревянный бум заменили параллельно натянутыми толстыми канатами. Когда Нерон привык к хождению по канатам, они были приподняты под небольшим углом. Но Нерон отказался идти вверх. Я стояла на площадке, на высоте четырех метров, и звала к себе льва. Запах свежего мяса дразнил обоняние Нерона, и, наконец, превозмогая страх, он начал подниматься все выше и выше. На площадке я кормила его, и лев отправлялся в обратный путь, получая мясо и внизу. Так шло обучение, пока Нерон не стал бесстрашно выполнять этот трудный трюк.

В новой группе, кроме Цезаря, наиболее спокойные звери — Раджа и Демон. Ласковые и добрые, они любят, когда я треплю их за уши или почесываю им шею.

Очень свиреп и своенравен Гриф: характер у него коварный, и верить ему нельзя. Он часто огрызается. Но это способный «артист», и я стараюсь ладить с ним.

Самый маленький лев группы — Дукат. Его привезли из Ростовского зоопарка. Вначале он был очень замкнут, забивался в уголок клетки и отказывался выйти оттуда. Со временем настойчивость и ласка покорили его. Он очень внимателен, легко понимает, чего я требую. Думаю, что из него выйдет толк. Уже сейчас он знает, когда его очередь выступать, и сам, без приглашения, идет выполнять свой трюк, вызывая смех зрителей.

Мои львы в основном питаются кониной. Взрослый лев в среднем получает в день семь килограммов мяса, а полуторагодовалый Дукат — пять килограммов. Раз в неделю для львов установлена «диета», и они пьют только молоко. Львятам до одного года мы даем ежедневно два сырых яйца, 20—30 граммов рыбьего жира и пол-литра молока. Обычно я их кормлю сама. Когда львы подрастают, их кормят мои служащие. Львы боятся, что я могу отнять у них мясо. К такому выводу я пришла в результате многолетних наблюдений.

Еще о характере львов

Если лев здоров, он всегда оглашает воздух могучим ревом. В Сочи нас даже просили: нельзя ли утихомирить зверей, так как по ночам они беспокоят отдыхающих. Но я знаю: если лев ведет себя тихо, не ревет,— значит, что-то с ним неблагополучно, значит, он нездоров.

Признаюсь, мне страшновато входить в клетку со львами безоружной. Один неосторожный шаг, какое-нибудь неожиданное происшествие — и львы могут наброситься на тебя.

Бывает так: перед работой нервничаешь, волнуешься. А войдешь в клетку и мгновенно подавляешь в себе чувство страха. На манеже я стараюсь никогда не подчеркивать грозящей мне опасности, не играть на нервах зрителей. Пусть думают, что львы абсолютно покорны дрессировщику, что они совсем ручные.

Но главное, о чем всегда должен помнить дрессировщик, — никогда не терять самообладания.

В первые месяцы Великой Отечественной войны мои львы находились в Москве. Воздушные тревоги, завывание сирен, стрельба зенитных орудий очень нервировали хищников. С ревом бросались они на прутья клетки, отказывались принимать пищу, дрались между собой. В такие часы я безотлучно находилась у клеток, ласково окликала своих питомцев, пыталась успокоить их.

Однажды утром после беспокойной ночи, нескольких воздушных тревог я вошла в клетку. Я не выспалась, плохо себя чувствовала, но нарушать установленный порядок утренних репетиций не хотела. Неожиданно на меня прыгнул лев Юлий. От сильного толчка я упала. Я уже говорила: падать в клетке нельзя, это смерть! Горе дрессировщику, упавшему в клетке...

Юлий вцепился в мою ногу и глубоко прокусил ее, повредив мышцу. Мой помощник, стоявший около клетки, не растерялся, бросился на помощь и железным трезубцем, который, к счастью, был у него в руках, отогнал хищника. Ошеломленный ударами трезубца, Юлий отскочил на секунду в сторону. В мгновение я поднялась на ноги. Кто-то из ассистентов бросил и мне трезубец сквозь прутья клетки. Теперь прыгнул на меня и другой лев, Кай. Но мне удалось удержаться на ногах. Собрав всю свою волю, превозмогая боль, вместе с помощником мы отбивались от разъяренных львов и отступали постепенно к дверям.

Когда, наконец, мы выбрались из клетки, я упала и лишилась сознания. Потом выяснилось, что артисты цирка с ужасом наблюдали за происходившим на манеже, не будучи в силах помочь мне.

Лишь через три месяца, несколько оправившись от ран, я смогла вернуться в цирк. Я сильно соскучилась по своим питомцам и, по правде сказать, не очень сердилась на них...

Львы встретили меня приветливым урчанием. А Юлий, казалось, даже не посмел подойти к прутьям клетки, словно испытывая стыд. Необходимо было снова дать почувствовать зверям, что я повелеваю ими. Распорядившись поставить на манеже большую клетку, я попросила артистов, находившихся в цирке, занять места в партере. Осветители дали полный свет, оркестр заиграл марш, и я вошла в клетку в обычном театральном костюме с красным плащом и бичом в руке. На манеже появились львы. Я заставила их проделать все трюки: они прыгали с тумбы на тумбу, ходили по буму, я ложилась на «живой ковер», поднималась со львами в воздух на качелях. Надо было показать хищникам, что ничего со мной не случилось. Ведь львы обладают прекрасной памятью.

Нерон идет по параллельным канатам.

Фото В. Габая.

Всякие беды случались и с товарищами по работе. Во время кормления Радамес просунул лапу сквозь прутья и подтащил вплотную к клетке мою помощницу Нюру. Он выдрал у нее из спины несколько лент кожи. Женщину отвезли в больницу в очень тяжелом состоянии.

Через три дня произошло новое несчастье, опять во время кормежки. Другой сотруднице, Вере, лев разодрал лицо и шею, едва не повредив сонную артерию. А ведь эти женщины ухаживали за львами много лет! Нюра и Вера, к нашей общей радости, скоро выздоровели и снова стали ухаживать за хищниками, проявляя теперь еще большую осторожность.

Я рассказала о моей работе, о воспитании и дрессировке хищников. Рассказала без прикрас о наших радостных и тяжелых днях. Я очень люблю свою опасную профессию. В ней, несомненно, есть романтика. Мне нравится покорять и подчинять своей воле диких зверей. Сейчас я работаю с большой группой львов — они слушаются меня, выполняют мои приказания. Я мечтаю о новых трюках и думаю, что, несмотря на их трудность и сложность, мои питомцы сумеют показать, что они настоящие артисты.

О тех, кому не повезло

В. ВИКЕНТЬЕВ

Рисунки К. РОТОВА.

Есть люди, которых вблизи недолюбливают. К ним относятся, так сказать, пропорционально расстоянию. Это автомобилисты. Когда они далеко, то все будто хорошо, но едва лишь приближаются они к пешеходной дорожке, их ненавидят, от них шарахаются или же вызывающе замедляют шаги, а в догонку им несутся малосодержательные и очень обидные словечки.

С того времени, когда Ильф и Петров бросили призыв любить пешеходов как создателей всех ценностей на нашей планете, многое изменилось. Давно назрела пора творчески развить это замечательное положение советских сатириков и придать ему новое направление. Пришло время научиться любить и автомобилистов. Чувства эти новые и, повидимому, трудные, но их надо, как говорится, освоить.

Честное слово, автомобилисты, как и пешеходы,— полезные члены общества. Среди них также много кротких и умных людей, строителей городов и стадионов, отцов семейств и жрецов искусств, профуполномоченных и других привлекательных людей нежной души.

К тому же автомобилист — исправный налогоплательщик, заслуженный вкладчик сберкассы, в которой, кстати, любовно копил деньги на покупку автомашины, после чего фортуна трагически отвернулась от него.

Начать хотя бы с того, что жизнь автомобилиста протекает как-то бесцветно. Из всей цветовой гаммы ему оставили только три цвета, три директивных семафорных цвета: красный, желтый и зеленый. Три цвета автомобильной эпохи.

Лицо автомобилиста полностью отражает эту трехцветную закономерность. Оно подвергается тем же цветовым фазам. В молчаливой муке лицо автомобилиста становится то красным, когда беднягу останавливают и делают ему замечание, то желтым, когда его штрафуют, то зеленеет, когда у шофера-любителя отбирают права.

И все эти три цвета одновременно выступают на лице автомобилиста, когда регулировщик вытаскивает из кармана свои карающие щипцы. Спустя мгновение эти щипцы вопьются и продырявят незапятнанный талон шоферского удостоверения. В этот ужасный миг автомобилист испытывает острую физическую боль, как если бы это тавро ставилось ему на тело.

Посмотрите, это они, автомобилисты, на всех перекрестках с противной, заискивающей улыбкой бормочут жалкие, бессвязные объяснения непреклонному, как монумент, инспектору ОРУДа.

Это они робко и покорно, не смея моргнуть глазом, выслушивают тиранически длинные и уничтожающе вежливые поучения, после чего им остается развернуть машину и везти своего взволнованного родича вместе с его чемоданами обратно к себе на квартиру, так как в самый разгар красноречия блюстителя порядка поезд уже отходил от перрона.

Это они, автомобилисты, доверчиво потянулись к приветливому зеленому огоньку светофора и, тронув с места машину, потеряли на шесть месяцев шоферские права, так как конкретная действительность коварно опровергла зеленую теорию и установила на этом перекрестке противоестественный поворот на красный свет.

Дело в том, что беспокойная критическая мысль ОРУДа не стоит на месте. Если, например, сначала орудовцы установили левый поворот по площади Пушкина на один зеленый огонек, то потом они сочли это недостаточным и строго-настрого приказали поворачивать только на два зеленых света. Несколько погодя они категорически запретили поворачивать к монументу Пушкина на маловыразительный зеленый свет и установили поворот к посту на красный свет.

Такими метаморфозами и цветовыми аномалиями полна жизнь московских улиц. Это вселяет в душу автомобилиста вечную тревогу и фатальную обреченность. Нет, не миновать ему щипцов, штрафа или потери водительских прав, гордости всех домочадцев!

В ненастную погоду терзается автомобилист в постели, уснуть он не может. Трудно изобразить нравственные муки, подтачивающие здоровье автомобилиста, когда его машина беззащитно ночует во дворе. Разве поколебался бы он в стужу остаться на улице, а машине отдать тепло и уют своего жилища? Но сделать это не позволяют условности быта, и вот страдалец, не находя покоя, ворочается в постели.

Какой такой покой, когда человека сверлит мысль о поведении детей дошкольного возраста! Навыки в изобразительном искусстве большинство детишек приобретает, рисуя углем, мелом или гвоздем лисичек и зайчиков на полированной глади автомобильного кузова. А более взрослые проходят по кузову рукою мастера, исправляя несовершенства детского рисунка.

Это их, опозоренных шоферов-любителей, влекут через весь город на буксире, и они ничего не видят перед собой, кроме нещадно дергающего машину каната, заднего борта грузовой автомашины и злорадных взглядов прохожих. Это о них никто не побеспокоился, и они безропотно отдали себя в кабалу предприимчивым автомеханикам и слесарям, из которых одни всегда что-то привинчивают, а другие только отвинчивают.

Это они, автомобилисты, лишены многих радостей жизни, их откровенно недолюбливают, никто о них не заботится, от них решительно отвернулись все городские власти. Как-то так получилось, что они потеряли право на покой и отдых.

Это они, автомобилисты, на обочинах дорог в сосредоточенной последовательности тщетно продувают все жиклеры карбюратора и трубки бензонасоса, когда бензин не течет только потому, что его нет в баке, а бензоколонки в радиусе ста километров не было и не предвидится.

И это они, обливаясь десятым пóтом, упорствуют, нагнетая на солнцепеке воздух в дырявую камеру. А ремонтной мастерской в том же радиусе тоже не было и не предвидится.

Заядлого автомобилиста на улице легко узнать: его выдает лихорадочный блеск глаз. Но дома автомобилист неузнаваем: его потухший взор устремлен куда-то мимо телевизора, думает он что-то свое, перебирая в памяти обиды, нанесенные ему сегодня автомеханиками и слесарями, регулировщиками и инспекторами ГАИ, прохожими и домочадцами.

Автомобилистам дали машину, но лишили всего прочего. В утешение им оставили было сигнал с кнопкой. Теперь, после того, как водителям запретили давать звуковые сигналы, у автомобилистов остался только дар слова.

Наш долг — постепенно вернуть им все права: право на уважение регулировщиков и пешеходов, на сон, право на ремонт своей автомашины, на ее благополучие на стоянке.

Для начала, скажем, неплохо было бы унифицировать правила движения автомобилей по городу, хоть мало-мальски наделить их постоянством и простотой, а у инспекторов снять с вооружения их щипцы и переплавить эти мечи на орала. Ведь если можно наказать, но можно и не наказать, то куда лучше не наказывать, а толково и, главное, коротко, доброжелательно объяснить.

Начнем хотя бы с этого, а там подумаем всерьез об общественных гаражах, о широкой сети небольших ремонтных мастерских. Основательно, с помощью школы и при дружелюбном содействии пешеходов-родителей, возьмемся за воспитание подрастающего поколения в духе мирного сосуществования со стоящими во дворах и на улицах беззащитными автомобилями.

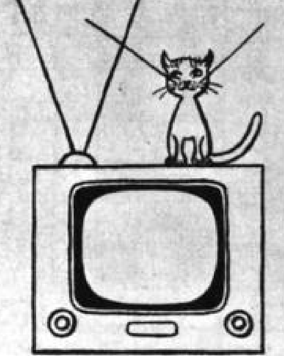
Кроме того, не такое уж хитрое дело — создать в специально отведенных местах стоянки, своего рода камеры хранения под открытым небом, чтобы за небольшую плату можно было, не терзаясь, оставить машину.

Позаботимся и об установлении галантных отношений между пешеходами и автомобилистами, отношений, испорченных бог знает когда, по какому-то всеми забытому недоразумению.

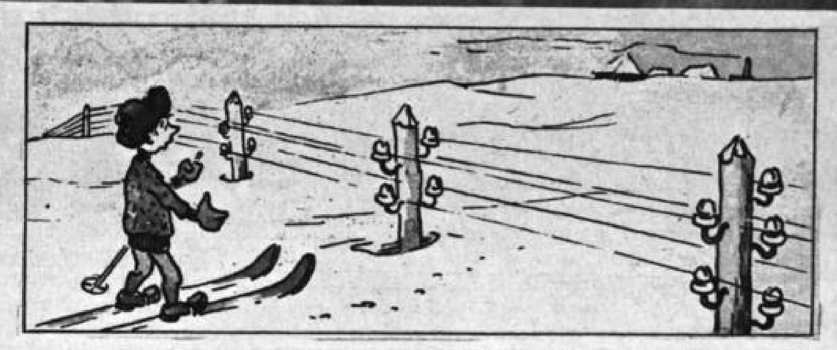
Городские власти должны заботиться обо всех гражданах. Не исключая автомобилистов. Мы выступаем в защиту этих граждан, которым так сильно не повезло. А они, в общем, совсем неплохие люди.

Зимние зарисовки

БЕЗ СЛОВ
В. Соловьев.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ
К. Невлер, М. Ушац.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТОПЛЕНИЕ
Э. Аронов.

В ЗВЕЗДНУЮ НОЧЬ
— Мне бы еще пару звездочек!..
Ю. Черепанов.

— Не двигайтесь! Снимаю.
В. Соловьев.

«Эх, прокачу!»

Персональная машина.
А. Зубов.

— Почему Пенкин тащит елку, у него же нет маленьких детей?
— Зато есть большое начальство.
В. Кащенко.

ПАУТИНКА

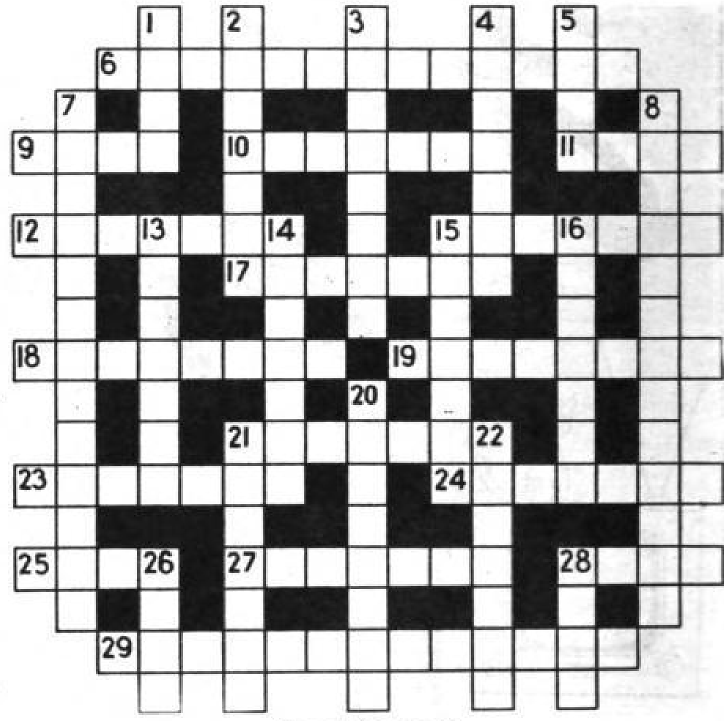
Ю. Черепанов.

ЗАРАПОРТОВАЛСЯ

— Поднимем, товарищи, этот бокал на должную высоту.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Музыкант. 9. Надпись в кинофильме. 10. Признак. 11. Часть корпуса музыкального инструмента. 12. Раздолье. 15. Духовой музыкальный инструмент. 17. Остров в Средиземном море. 18. Название профессионального союза в некоторых странах. 19. Кристаллическое вещество, употребляемое в технике и медицине. 21. Болотное растение с ягодами. 23. Устройство для отмеривания определенного количества вещества. 24. Прием морского боя в эпоху гребного и парусного флота. 25. Ковкий металл. 27. Армянский композитор. 28. Хищная птица. 29. Строфа.

По вертикали:

1. Упрек. 2. Стихотворение А. С. Пушкина. 3. Древнеиндийский поэт. 4. Представительница одной из автономных республик РСФСР. 5. Денежные средства. 7. Наука. 8. Особое произношение слов и фраз. 13. Обряд. 14. Аппарат для получения копий. 15. Цвет. 16. Вязкая смесь, применяемая в строительном деле. 20. Русский военно-морской деятель. 21. Овощ. 22. Герой абхазской народной легенды. 26. Полуфабрикат кондитерского производства. 28. Норвежский композитор.

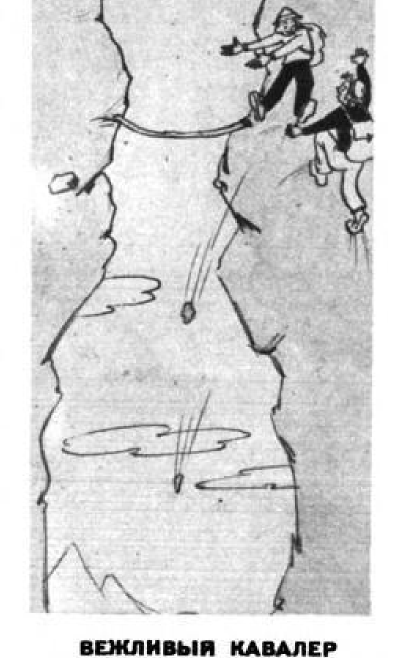
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

2. Плимутрок. 8. Жерлица. 9. Сатирик. 11. Соискание. 14. Оберек. 16. Мнение. 20. Нагорье. 21. Спич. 22. Лань. 23. Алаколь. 24. Шэньси. 28. Аренга. 32. Седловина. 35. Водопой. 36. Двучлен. 37. Альтитуда.

По вертикали:

1. Кубанка. 2. Плиссе. 3. Иваси. 4. Расин. 5. Катрен. 6. Драже. 7. Орхон. 8. Жако. 10. Купе. 12. Окончание. 13. Иммельман. 15. Румпель. 17. Есенице. 18. «Игнат». 19. Триод. 24. Шкив. 25. Наяда. 26. Ссыпка. 27. Коморин. 29. Радуга. 30. Нерль. 31. Аден. 33. Дойль. 34. Индау.

ВЕЖЛИВЫЙ КАВАЛЕР

— Прошу вас, проходите вперед!..

Пирцхалава. Тбилиси.

НА МАСКАРАДЕ

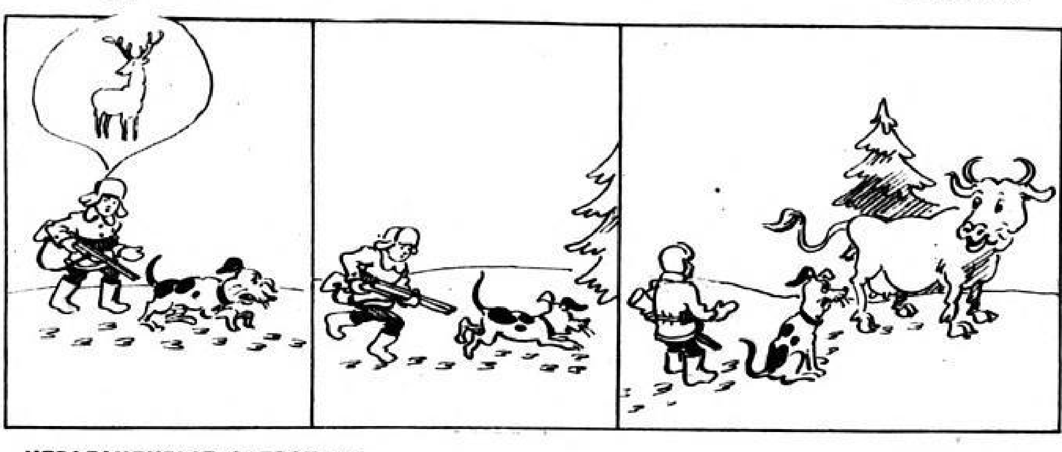
«Ай, Моська! знать она сильна...»

М. Вайсборд.

— Кто это так трезвонит?..

В. Кащенко.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ СЛЕДОПЫТ

В. Кащенко.

ФОТОЗАГАДКИ

Я большой любитель фотографии. Недавно аппаратом «Зенит» с помощью добавочных колец мне удалось получить два любопытных снимка. Что изображено на них, с первого взгляда не легко определить.

Быть может, эти фотозагадки заинтересуют некоторых читателей журнала.

В. АБРАДУШКАН

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин: В. Г. Орешкина «Маевка», Н. М. Позднева «Из школы», А. С. Козловского «На работу в деревню», Э. К. Ильтнера «После соревнования», Р. Х. Валнере «В цветочном магазине» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

А 12758. Подписано к печати 19/XII 1956 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 994. Заказ № 3303

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ирина Бугримова на арене цирка (см. в номере «Моя профессия»).
Фото В. Габая.

Цена номера 3 руб.